напечатаны в ближайшем (37—38) номере «В. К. А.» за 1930 г., ближайших номерах специальных журналов и, кроме этого, могут быть высланы по первому требованию.

в) От поступающих в учреждения естественного сектора К. А. вступительная работа не требуется.

9. На 1930/31 год производится прием в следующие научные учреждения К. А.: а) Аграрный ин-т, б) Ин-т экономики, в) Секцию техники, г) Кооперативную секцию, д) Ин-т мирового хозяйства и мировой политики, е) Ин-т советского строительства и права, ж) Ин-т истории, з) Биологический ин-т им. Тимирязева, и) Ин-т по изучению высшей нервной деятельности, к) Биомузей, л) Ин-т литературы, искусства и языка, м) Антирелигиозную комиссию, н) Ассоциацию востоковедов, о) Комиссию по изучению национального вопроса, п) Ин-т философии.

10. Допущенные мандатной комиссией к испытаниям получают 2-месячный отпуск не позднее 15 июля с. г., с сохранением содержания за счет учреждений и предприятий, где эти товарищи состоят на службе.

11. Прием заявлений производится с момента опубликования настоящих «условий» по 1 августа с. г.

12. Письменные работы должны быть представлены не позднее 1 сентября.

13. Устные испытания будут производиться с 15 сентября по 1 октября с. г.

14. Лица, подавшие заявление на основании первоначальных условий приема, опубликованных в «Правде» от 26/I-30 г., удовлетворяющие настоящим условиям, должны, в случае непредставления ими при первоначальной подаче указанных в настоящих условиях документов, немедленно их дослать.

Примечание. Заявления, полученные ранее и не удовлетворяющие настоящим условиям, рассматриваться не будут.

15. Заявления следует направлять по адресу: Москва, Волхонка, 14, Коммунистическая Академия ЦИК СССР, мандатная комиссия по приему аспирантов

16. Анкеты заполняются по прилагаемому ниже образцу.

17. Справки о характере темы вступительной работы, ее об'еме и по прочим вопросам, связанным со вступительной работой, даются только учреждениями К. А., где предполагает поступающий подготовляться.

Справки же общего характера даются секретариатом К. А. и мандатной комиссией.

КОМАКАДЕМИЯ.

АНКЕТА АСПИРАНТА.

Институт . . . . По какой дисциплине специализируется . . . . 1) Фамилия, имя и отчество . . . . 2) Время и место рождения . . . . 3) Социальное происхождение (основное занятие родителей до и после революции) . . . . 4) Социальное положение (основное занятие и основной источник существования до поступления в институт) . . . . 5) Образовательный ценз (когда и какой вуз окончил, самообразование) . . . . 6) Национальность . . . . 7) Партийность (партийный стаж, организация и № билета) . . . . 8) Состоял ли в других партиях . . . . 9) Член профсоюза и стаж . . . . 10) Семейное положение (женат, холост), состав семьи . . . . 11) Работа и общественная деятельность до поступления в институт . . . . а) В партийных органах . . . . б) В профорганизациях . . . . в) В прочих общественных организациях . . . . г) Педагогическая . . . . . д) Литературная . . . . . е) Прочая (работа на заводах, в сельском хоз-ве, в советских органах, учреждениях и т. д.) . . . . 12) Отношение к воинской повинности . . . . 13) Перечень научных работ . . . . 14) Состоял ли аспирантом или научным сотрудником 2-го разр. когда-либо (когда и где) . . . . . 15) Адрес постоянного местожительства . . . . . 16) Адрес для извещения результатов приема . . . . .

Подпись . . . .

Дата . . . .

Главлит № А—54826. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 13 15 ИЮЛЯ № 13

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. 4-30-28, кремл. 3-69.

№ 13 — 15 июля — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

С'езд развернутого социалистического наступления.

XVI с'езд собрался в период великого перелома, перелома не только в СССР, но и в странах капитализма. Однако, если для стран капитализма этот перелом характеризуется началом развала капиталистической стабилизации, углублением и развертыванием мирового хозяйственного кризиса, ростом противоречий между капиталистическими странами и внутри этих стран, — в СССР этот перелом выражается в величайших успехах социалистического строительства, поднимающих дело коммунизма на новую, высшую ступень.

«XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации» (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

Это развернутое социалистическое наступление сопровождается коренным изменением хозяйственного уклада СССР.

Сильно возросла в народном хозяйстве роль социалистической промышленности, которая развивалась и развивается исключительно быстрыми темпами и продукция которой уже преобладает в продукции всего народного хозяйства СССР. Промышленность поднялась до такого уровня, ее удельный вес так возрос, что мы уже находимся накануне превращения нашей страны из аграрной в индустриальную. Рост социалистического сектора промышленности сопро-

вождается и относительным и абсолютным падением роли частно-капиталистического сектора. Последний в области крупной промышленности представляет уже теперь ничтожную величину, вес которой в общей продукции крупной промышленности выражается долями процента. Вместе с тем по мере развертывания социалистической промышленности усиливается ее роль, как важнейшего рычага социалистического преобразования нашей экономики.

Первостепенное значение в изменении хозяйственного уклада нашей страны имеет в настоящее время процесс социалистической перестройки сельского хозяйства. Здесь до сих пор господствовало мелкое товарное производство, которое составляет питательную почву для капитализма. Здесь особенно сильны были элементы капитализма. Процесс сплошной коллективизации, поворот в сторону социализма не только бедняка, но и середняка в деревне, строительство совхозов— приводят к коренному изменению деревенской экономики. И в сельском хозяйстве социалистический сектор начинает играть решающую роль. Мелкое, отсталое товарное хозяйство преобразуется в крупное социалистическое, начинающее применять новейшую машинную технику и переходящее к современным способам обработки почвы. На основе сплошной коллективизации происходит ликвидация кулацких хозяйств, хозяйств капиталистических.

Таким образом, теперь конкретно, на деле доказывается возможность, при наличии диктатуры пролетариата, при сосредоточении в руках рабочего класса командных высот, — перевода мелких товарных хозяйств на ступень социализма, минуя капитализм. «К концу пятилетки коллективизация СССР должна быть в основном закончена и посевные площади колхозов к этому сроку должны покрыть 9/10 всей посевной территории СССР, обрабатываемой ныне индивидуальными хозяевами». (Сталин, политотчет ЦК). Только пролетарская диктатура дает возможность основной массе крестьянства избежать разорения и нищеты, рабства и неслыханной эксплоатации, на которую обрекает эту крестьянскую массу капитализм. Только пролетарская диктатура дает возможность крестьянству перескочить эту историческую ступень,—капиталистический ад, и превратиться в свободных работников социалистического общества.

Процессу социалистического преобразования подвергается не только в деревне мелкотоварное хозяйство. Этот процесс развертывается среди тех народов СССР, где до сих пор господствовали еще более отсталые формы хозяйства, где сохранилось еще патриархальное хозяйство. И здесь кооперирование и его высшая форма — коллективизация — в корне изменяют этот хозяйственный уклад, и здесь совершается теперь непосредственный переход от самой низшей к самой высшей ступени развития общества.

Таким образом, из пяти хозяйственных укладов, которые перечислял Ленин, которые были характерны для нашей страны в первый период революции и из которых преобладающим было мелкое товарное

крестьянское хозяйство, теперь не только ведущим, но и преобладающим, становится социалистический сектор. Вот положение, которое констатировал XVI с'езд.

В связи с этими коренными изменениями по-новому становятся перед нами вопросы экономической политики. Новая экономическая политика установила особую форму смычки через рыночные связи государственной социалистической промышленности с крестьянским хозяйством; на основе этой политики пролетариат, начиная с 1921 года, имея в своих руках командные высоты, укрепляя через рынок хозяйственную смычку с крестьянством, вел социалистическое строительство, ограничивая и вытесняя капиталистические элементы, которые вырастали из мелкотоварного хозяйства и свободы товарооборота. Этот процесс социалистического наступления, которое к XVI с'езду превратилось в развернутое наступление социализма, сопровождается теперь коренными изменениями хозяйственного уклада. Мелкотоварное хозяйство кооперируется и превращается в крупное, социалистическое. Частный капитал и в области промышленности и в области товарооборота сокращен до ничтожных размеров. Частно-капиталистические элементы в деревне ликвидируются. А это в свою очередь вызывает изменение экономических связей: экономическая связь через кооперацию между социалистической промышленностью и социалистическим сектором сельского хозяйства иного типа, чем между той же промышленностью и индивидуальным крестьянским хозяйством через капиталиста. Первая связь имеет уж социалистическое «существо», несмотря на свою товарную форму. По мере всех этих преобразований усиливается социалистическое плановое начало в хозяйстве. Тем самым новая экономическая политика теперь начала проходить свою последнюю фазу.

В 1921 году Ленин говорил: «в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся». Теперь, в 1930 г., мы можем сказать что находимся в преддверии социализма, что «мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистиеского общества и уничтожения классовых различий еще далеко». (Сталин). Этим измеряется об'ем наших успехов теперь, в период XVI с'езда.

Развернутое социалистическое наступление сопровождается ожесточенными классовыми боями. Кулачество, ликвидируемое как класс, остатки буржуазии и контрреволюционная часть интеллигенции упорно сопротивляются социалистическому наступлению. Они применяют самые разнообразные формы борьбы—от заговоров, попыток вооруженных выступлений, террористических актов до самых изощренных форм вредительства, начиная от колхоза и фабрики и кончая высшими хозяйственными органами. Лишь сила, мощь, организованность рабочего класса и его партии позволяют не только преодолевать это сопротивление, но и добиваться, несмотря на него, огромнейших успехов.

Это сопротивление классовых врагов является одним из основных элементов тех трудностей, с которыми пролетариату приходится иметь дело. Эту трудность можно ликвидировать, лишь неуклонно проводя социалистическое наступление, лишь уничтожив до конца классового врага внутри страны.

Большие трудности вырастают из отсталости сельского хозяйства. Низкий уровень животноводства дает себя остро чувствовать в продовольственных затруднениях. Узость сырьевой базы легкой промышленности точно так же сказывается в недостатке снабжения предметами широкого потребления. Однако, и эти трудности мы можем преодолеть лишь на путях развернутого социалистического наступления и только на этих путях. Опыт уже подтверждает это наглядно. Путем развития колхозов и совхозов, несмотря на зловещее карканье оппортунистов всех мастей, нам удалось в короткий срок выйти из кризиса зерновой отрасли сельского хозяйства. Совхозы и колхозы позволили впервые превысить в текущем году довоенную посевную площадь, перекрыв посевы ликвидированных кулацких и прежних помещичьих хозяйств и повысив вместе с тем урожайность. Совхозы и колхозы, машинно-тракторные станции позволили в текущем году значительно расширить площадь посевов под хлопком, свеклой, льном и другими техническими культурами. Развитие тяжелой промышленности и машиностроения, а вместе с тем расширение сырьевой базы на основе колхозов и совхозов дают возможность уже теперь двинуть значительно быстрее развитие легкой промышленности.

Методами развернутого социалистического наступления необходимо решать теперь и животноводческую проблему. Организация животноводческих и птицеводческих совхозов, правильная постановка животноводства в колхозах и совхозах даст возможность в кратчайший срок и притом методами крупного социалистического хозяйства выйти из кризиса животноводства и улучшить дело снабжения трудящихся.

Выполнение пятилетки в четыре года, развитие быстрым темпом металлургии, добычи угля, машиностроения, строительства электростанций, что составляет основу индустриализации; ускорение легкой промышленности; дальнейшее развертывание совхозного и колхозного строительства как в зерновой, так и в животноводческой отрасли с. х., отрасли технических культур; культурная революция; неуклонное наступление на капиталистические элементы — вот путь, который наметил XVI с'езд и который должен обеспечить в кратчайший срок построение социализма в СССР.

Выполнение этих грандиозных задач требует большевистской организации огромно выросшей активности масс. Основным методом этой организации является социалистическое соревнование и ударничество. «Важнейшей задачей партии и профсоюзов—является поднятие на высшую ступень движения соцсоревнования и ударничества, действительного превращения этого движения в школу классового воспитания рабочих масс, улучшение руководства движением, поголовное вовлечение в кратчайший срок в соцсоревнование и ударничество коммунистов и комсомольцев, работающих на предприятиях, повышение производственной квалификации коммунистов, действительное перенесение центра тяжести партийной и профсоюзной работы в цех и бригады». (Из резолюции XVI с'езда).

Переход к развернутому социалистическому наступлению протекал в условиях борьбы с правым уклоном внутри нашей партии. Правые уклонисты вслед за троцкистами атаковали генеральную линию партии, противопоставили этой линии свою особую линию во всех крупнейших вопросах политики. Напряженной работе по индустриализации страны они противопоставляли требование снижения темпов развертывания промышленности; линии на развитие колхозов и совхозов они противопоставляли курс на индивидуальное хозяйство и развязывание капиталистических элементов; линии наступления на капитализм они противопоставляли капитуляцию перед капитализмом и т. д. Другими словами, развернутому социалистическому наступлению они противопоставляли отступление, которое должно было в конечном счете привести к реставрации капитализма в СССР. Линия правого уклона есть, таким образом, линия противодействия социалистическому наступлению, линия на отступление. С'езд заклеймил поэтому со всей решительностью правых уклонистов, как выразителей кулацких интересов, как кулацкую агентуру внутри нашей партии, агентуру, которая в партии отражает сопротивление ликвидируемого кулачества, его борьбу против социалистического наступления.

Такая агентура не может быть терпима внутри партии. Поэтому с'езд в своем решении признал взгляды правых несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Партия разгромила правый уклон. Бывшие вожди правых — с рядом оговорок, не до конца, в неудовлетворительной форме — вынуждены были признать на с'езде свои ошибки и снова признать правоту партийной линии. Правые банкроты ничего не смогли противопоставить генеральной линии, о победах которой говорят неоспоримые, исключительные успехи на важнейших участках социалистического строительства. На с'езде нашло свое блестящее выражение единства воли и линии большевистской партии.

«На нашем с'езде, на XVI с'езде партии, не оказалось не только оформленной оппозиции, но не нашлось даже маленькой группы или даже отдельных товарищей, которые считали бы правомерным выйти здесь на трибуну и заявить о неправильности линии партии. Ясно, что линия нашей партии есть единственно правильная линия, при чем правильность ее оказывается до того очевидна и неоспорима, что даже бывшие лидеры правой оппозиции сочли нужным без колебаний подчеркнуть в своих выступлениях правильность всей политики партии». (Сталин. Заключительное слово на XVI с'езде ВКП(б).

С'езд, однако, со всей решительностью подчеркнул, что правая опасность продолжает оставаться главной опасностью, так как она отражает кулацкую опасность, «а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является главной опасностью в стране». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б). Несомненно, пока мы не выкорчевали до конца капитализм, не перепахали социалистическим плугом всю ту почву мелкого товарного хозяйства, на которой капитализм у нас возрастает, пока мы ведем «последний решительный бой» с этим внутренним капитализмом, пока перед нами стоят трудности—давление мелкобуржуазной стихии будет находить свое выражение внутри нашей партии. Все элементы внутри партии, отражающие это давление, все враждебные силы за пределами нашей партии цеплялись и будут цепляться за ту систему оппортунистических взглядов, положений, принципов, которая создана бывшими лидерами правых и, прежде всего, тов. Бухариным и которую они направили против нашей партии и против ленинизма. Все оппортунистические элементы внутри партии питались и будут питаться этой системой взглядов, будут бороться при помощи ее с нашей партией.

С'езд отметил, что бывшие лидеры правых сами не доказали еще искренности своих заявлений своей активной борьбой с правым уклоном, с той системой взглядов, которую они создали. А только это доказательство — непримиримая, активная борьба в защиту партийной линии — является действительным показателем того, насколько искренне бывшие правые уклонисты отказались от своих ошибок, насколько прочно они стали на линию партии. Этого доказательства партия требует решительно от каждого уклониста, заявляющего о своей солидарности с партией!

Мы не можем также упускать из виду проявлений троцкизма и примиренчества к троцкизму. Эти проявления сказались и сказываются в форме левых загибов, в попытках одним махом, административными мерами выйти из затруднений и осуществлять колхозное строительство, в недооценке союза с середняком. «Они представляют некоторую, правда, бессознательную попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

Нам необходимо бороться не только с этими загибами. Точно так же, как мы боремся с примиренчеством к правому уклону, как без борьбы с примиренчеством не может быть победы над правым уклоном, необходима борьба и с примиренчеством к проявлениям троцкизма. Это примиренчество имеет место в рядах партии.

«У нас существуют в партии люди, которые думают, что не надо было одергивать «левых» загибщиков. Они считают, что не надо было обижать наших работников и противодействовать их увлечению, если даже это увлечение привело к ошибкам. Это чепуха, товарищи. Так могут говорить лишь такие люди, которые хотят обязательно

плыть по течению. Это те самые люди, которые никогда не смогут усвоить ленинской линии—итти против течения, когда этого требует обстановка, когда этого требуют интересы партии. Это хвостисты, а не ленинцы. Партии потому и удалось повернуть целые отряды наших товарищей на правильную дорогу, партии потому и удалось выправить ошибки и добиться успехов, что она решительно пошла против течения во имя проведения в жизнь генеральной линии. Это и есть ленинизм на практике, ленинизм в руководстве». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

Партия попрежнему с неослабным вниманием должна следить за своими рядами, разоблачая и беря на прицел проявления как правого, так и троцкистского уклона. Пристальное внимание и зоркость в этом отношении тем более необходимы, что уклонисты прибегают к новым формам и методам своих атак на генеральную линию. Партия теперь сплочена. Она окрепла в борьбе за ленинизм. Она дает отпор всем, кто выступает против ее линии, правильность которой подтверждается ежедневным опытом. Вот почему уклонисты не всегда рискуют теперь выступать с открытым забралом. Вот почему они теперь идут часто на формальное, словесное признание партийной линии, чтобы облегчить себе подрыв ее на деле! Вот почему они прибегают к скрытым подкопам под эту линию, вместо открытых лобовых атак à la Троцкий.

И в связи с этой новой тактикой уклонистов надо усилить борьбу с оппортунизмом в практической работе. Не выступая открыто против генеральной линии партии, оппортунисты сплошь и рядом делают все, чтобы исказить на практике эту линию, чтобы практическому делу дать «правый крен». Клянясь решениями с'езда, цитируя его резолюции, распинаясь насчет директив ЦК, они в то же время на практике ведут линию против усиления темпов социалистического строительства, против самокритики, против перестройки работы наших организаций, против выдвижения, стремясь таким путем подорвать социалистическое наступление.

Эту опасность надо теперь иметь в виду, ее надо своевременно разоблачать и отражать, для того, чтобы не дать подняться правому уклону, не дать ему подточить железное единство наших рядов для того, чтобы обеспечить победоносное проведение генеральной ленинской линии партии!

А. Одинцов.

Задачи осенней посевной кампании.

«В отличие от пройденных этапов период перед XVI с'ездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации».

(Из доклада тов. Сталина на XVI с'езде ВКП(б).

Развертывая быстрым темпом индустриализацию страны, насаждая крупные советские хозяйства, осуществляя сплошную коллективизацию и на ее основе ликвидацию кулачества как класса, партия, завершив большевистский весенний сев, пришла на XVI с'езд, имея расширенный фундамент социализма, добившись коренных сдвигов в соотношении экономических укладов в стране в пользу социализма.

В лице совхозов и колхозов мы имеем новую исходную позицию для развернутого наступления социализма по всему фронту, для успешной борьбы за доведение до конца дела выкорчевывания и ликвидации капиталистических элементов в нашей стране.

Современный этап развернутого наступления социализма в СССР характеризуется быстрым темпом хозяйственного развития, не имевшим места ранее никогда и нигде в истории. Вопреки пророчествам классовых врагов и правых элементов в партии, мы имеем это ускорение темпа развития не только в области промышленности, но и в области сельского хозяйства. Наши успехи, имеющие действительно всемирно-историческое значение, дали XVI с'езду партии возможность не только в области промышленности, но и в области сельского хозяйства определить программу величайшего исторического переворота.

Факт огромнейшего темпа развития в земледелии ярко подтверждается итогами весенней посевной кампании, которая вошла в историю строительства социализма, как настоящая большевистская кампания. Минувшая весна справедливо называется совхозно-колхозной весной. В эту весеннюю кампанию определился наметившийся еще ранее коренной поворот к социализму, не только бедняцких, но и середняцких масс. В каждой крестьянской избе поднялся вопрос о путях дальнейшего развития. В результате — около пяти миллионов хозяйств произвели посев коллективно, и на этой базе мы имеем выполнение задач большевистской весны.

Итоги и уроки весны.

Итог весеннего сева, по данным официальной сводки на 25 июня, определяется в 89,5 млн. га, или 96,3% плана, что перекрывает яровой

посев прошлого года на 5.700 тыс. га. Фактически же план вероятно выполнен полностью, так как во многих районах установлен недоучет посева по единоличному сектору от 5 до 15%.

При этом по площади зерновых культур в этом году впервые превзойден довоенный уровень. По техническим культурам, площадь которых превзошла довоенный уровень в предыдущие годы, мы имеем дальнейший рост. Перевыполнен план по свекле и хлопку, выполнен по кукурузе и почти выполнен по льну, сое и ряду других технических культур.

Таков производственный эффект хозяйственной политики и работы партии, который одновременно положительно говорит о крепости смычки рабочего класса с основными массами крестьянства. Итоги сева имеют не только хозяйственное значение, но и огромнейшее политическое значение. Эти итоги означают, что не только бедняцкая, но и середняцкая масса идет за пролетариатом и его партией, твердо проводящей свою генеральную линию. Это — лучший ответ правым и «левым» уклонистам, болтавшим о разрыве смычки между рабочим классом и крестьянством.

Как же выглядят итоги весеннего сева со стороны классовых отношений? Какова социальная форма происшедших в деревне производственных сдвигов? Каковы же итоги здесь?

Известно, что 25% крестьянских хозяйств, а в важнейших зерновых районах от 40 до 60%, об'единенных в колхозы, в эту весну посеяли вместе с совхозами около 37 млн. гектаров, а прошлой весной посевная площадь колхозов и совхозов едва превышала 5 млн. га, при чем яровой посев 1930 года в колхозах составляет около 33 млн. га, в то время как яровой посев 1929 г. у единоличников, об'единенных ныне в колхозах, составлял около 20 млн. га. Этот огромный рост колхозно-совхозных посевов означает, что социалистический сектор дает государству свыше 600 млн. пудов зерна, или большую половину товарного хлеба страны. Следовательно, зерновая проблема в основном разрешена на социалистическом пути и это есть величайшая победа политики партии.

Как известно, помещик и кулак в довоенное время засевали около 35 млн. га, а кулак в 1927 году имел посев около 10 млн. га. Следовательно, только в результате первой весны массового колхозного сева налицо перекрытие социалистическим сектором посевной площади не только кулака, но и помещика. Правда, по количеству товарного хлеба совхозы и колхозы еще не перекрыли помещика и кулака, вместе взятых, они уже в этом году дадут большую половину всего товарного хлеба, тогда как помещик и кулак до войны давали около двух третей всего товарного хлеба: но далеко перекрыто товарное производство того кулака, на которого хотели поставить ставку правые оппортунисты и который в 1927 году давал около одной пятой части всего товарного хлеба. Такова победа социалистического пути развития советской деревни.

В сельском хозяйстве изменяется соотношение экономических укладов, и расширяется фундамент социализма в нашей стране. Это происходит потому, что, во-первых, началось и продолжается движение середняцких масс в колхозы; во-вторых, на основе этого проводилась и проводится сплошная коллективизация огромных районов, и, в-третьих, партия начала осуществлять и осуществляет политику

ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Партия достигла этих сдвигов в экономике СССР в результате правильной генеральной линии партии на развертывание быстрым темпом индустриализации, насаждая советские хозяйства, проводя широким фронтом развитие коллективизации и подводя машинную базу под крупное обобществленное хозяйство.

Победа социалистического пути развития советского земледелия была достигнута на основе жесткого отпора правым оппортунистам— этой кулацкой агентуре в рядах партии, представляющей главную опасность,—на основе быстрого исправления «левых» антисередняцких загибов и твердого проведения ленинской генеральной линии.

Какие уроки дает весенняя кампания?

Первый урок заключается в том, что только в решительной борьбе с кулачеством может быть обеспечен огромный рост коллективизации и на этой основе под'ем производительных сил в сельском хозяйстве. Партия одержала победу, но эта победа не снимает вопроса «кто-кого», так как классовая борьба приобрела сейчас большую остроту, и в деревне, действительно, идет последний и решительный бой.

Второй урок. Мы имеем рост коллективизации на основе добровольности, но закрепляем ее и расширяем не в порядке самотека, а на основе величайшей работы партии и пролетариата. По этому вопросу, как известно, оказались битыми правые, которые предлагали мирное «врастание» кулака в социализм и политику самотека в коллективизации, а также и «левые», пытавшиеся подменить ленинский принцип добровольности, насквозь враждебной политикой администрирования и командования над середняком.

Третий урок. Подводя под совхозы и колхозы машинно-тракторную базу, мы имеем возможность высокой техникой цементировать колхозы. Успех большевистской весны в основном достигнут путем сочетания трактора с простыми средствами производства и путем простого сложения крестьянских средств производства и коллективной организации труда. Известно, что на одно коллективизированное хозяйство приходится посевной площади значительно больше по сравнению с нормами единоличного хозяйства прошлого года. Выгодность коллективизации становится понятной самым широчайшим массам, но ее надо закрепить и расширить. На заявление Троцкого, будто «из крестьянских сох и крестьянских кляч, хотя бы и об'единенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рыбачьих лодок нельзя сделать парохода», мы можем ответить: троцкисты остались с разбитой лодкой, а мы имеем великий корабль коллективизации. Здесь оказались битыми и правые, которые делали ставку на под'ем индивидуального хозяйства, а значит, на высокопроизводительное кулацкое хозяйство и тем самым на капиталистический путь развития сельского хозяйства. Практика показала, что одинаково вредны как оппортунистическое стремление «подождать» с развитием колхозов до тех пор, пока не подоспеет машинно-тракторная база, так и недооценка значения машинной базы, для подведения которой в ближайшие годы советская страна должна напрячь все силы.

Четвертый урок. Нужно помнить, что значительную роль в деревне играет единоличное бедняцко-середняцкое хозяйство, которое пока остается вне колхоза. Во время сева мы имели во многих районах невнимание к единоличнику тем, что местные работники часто не понимали того, что помощь единоличнику на рельсах производственного кооперирования ускоряет процесс коллективизации. Во многих случаях создалось такое положение, когда районная парторганизация замкнулась в колхозах, а колхозы изолировались от единоличника. Этим старался воспользоваться кулак, стремясь создать единый фронт единоличников. Кулак все же оказался битым, но это тем более значит, что к единоличнику нужно подойти с полным вниманием и соответствующей помощью. Значительную массу единоличников мы подготовляем и должны подготовлять к коллективизации через производственное кооперирование. Отсюда следует, что надо решительно усилить внимание к сельскохозяйственной кооперации, организуя поселковые производственные товарищества и восстанавливая их там, где они были ликвидированы, но вместо них не построены колхозы.

Задачи лета и осени.

В настоящее время развертываются уборочная и хлебозаготовительная кампании. На стыке этих двух кампаний проходят работы по поднятию паров и сеноуборке. Вернее говоря, если концом весеннего сева является поднятие паров, то началом уборки является сенокос. Эти две операции проводятся в общем успешно, и в основном заканчиваются. Сейчас все силы и средства направлены на уборку урожая, которая облегчается тем, что эта кампания проводится на основе огромного опыта весеннего коллективного сева. Особая сложность уборочной кампании в том, что она должна быть проведена в более короткий срок. Просрочка же с уборкой ведет к значительной потере урожая. Своевременность уборки— главное в этой кампании, а это требует быстрых темпов и исключительной энергии.

Вместе с уборкой и вслед за нею идет хлебозаготовительная кампания, которая для своевременного получения товарного хлеба требует, кроме организационной работы, также и материального вооружения в виде тары, зернохранилищ, транспортных средств и т. п. Эти вопросы, особенно вопрос о транспортных средствах, стоят остро, и на разрешение их мобилизована наша общественность и хлебозаготовительный аппарат. Вслед за уборкой урожая идет озимый посев, определяемый на площади 43 млн. га, что составляет рост на 10% против прошлого года, а этому севу предшествует проведение контрактации озимых, которая должна быть окончена к 1 августа на площади 26 млн. га. Почти одновременно с озимым посевом идет зяблевая пахота, определяемая на площади 60 млн. га. Все эти кампании надо рассматривать, как единый комплекс сельскохозяйственных мероприятий летне-осеннего периода. Концентрируя внимание на уборочно-заготовительной кампании, необходимо теперь же развернуть подготовку к осенней посевной кампании. Совершенно очевидно, что степень весеннего напряжения не только не может быть ослаблена, но, наоборот, должна быть усилена.

Что же требуется для успеха дела?

Нужно дать материальное вооружение и надлежаще поставить организационные мероприятия на основе уроков весны. Прежде всего, промышленность должна выполнить свои обязательства перед сельским хозяйством.

Нельзя допустить недопоставки почвообрабатывающих и посевных сезонных машин к осенней кампании. Правительство приняло необходимые меры, но должна быть мобилизована широкая

рабочая общественность на полное выполнение обязательств промышленностью перед сельским хозяйством. Независимо же от этого, когда мы говорим о материальном вооружении кампании, нужно подчеркнуть два момента. Во-первых, трактора должны работать не меньше 20 часов в сутки, давая соответствующую нагрузку и всем остальным машинам, во-вторых, необходимо, как и весной, полностью использовать весь конный инвентарь, не отказываясь в нужных случаях и от ручного инвентаря. Необходимо обеспечить 100% ремонт сельскохозяйственных машин и орудий, проявляя инициативу по изысканию необходимых ремонтных материалов в дополнение к тому, что отпускается промышленностью для ремонта (железо, олово, баббит и т. д.).

Надо помнить, что успех летне-осенней кампании, как и прошлой весенней, зависит в основном от сложения и использования простого инвентаря в сочетании с трактором, а также от умелого об'единения человеческого труда. Что касается материальных предпосылок, то, кроме дополнительного количества сельскохозяйственных машин, будет иметь место снабжение в порядке контрактации сортовыми семенами озимого клина на площади 4,5 млн. га при общем плане посева сортовых на площади 9,4 млн. га, и финансовая помощь в размере 200 млн. рублей со стороны советского государства. Мы имеем все необходимые материальные предпосылки, и дело решает исключительно умение организовать массы, а отсюда вытекают и задачи кампании.

Предпосылкой успешного проведения осенней кампании является, прежде всего, четкое проведение в жизнь линии партии, намеченной XVI с'ездом партии. Нельзя допустить повторения политических ошибок, которые имели место истекшей зимой. Нужно дать решительный большевистский отпор оппортунистическим тенденциям и надеждам на самотек, нужно твердо и неослабно продолжать борьбу с кулачеством, искореняя кулацкое влияние, проникающее в наши аппараты и партийные организации. Усиливая активную организационную работу, опираясь на бедноту и миллионные массы колхозников, широко привлекая к активной работе и руководству середняка, нужно решительно бороться со всякими попытками новых антисередняцких загибов, с голым администрированием и командованием, не имеющим ничего общего с ленинской линией партии. Только на этой основе можно выполнить практические задачи кампании.

Первая задача. Каждый колхоз должен иметь рабочий план кампании с определением календарного срока работы. В этом плане, как это было и во время сева, необходимо точно предусмотреть полное использование механической и живой тяги и сельскохозяйственных машин и орудий, а также максимальную загрузку рабочей силы и правильную организацию труда, распределяя членов колхоза по участкам и бригадам и устанавливая твердые сроки каждого вида работы. Это важнейшая задача, в разрешении которой должна участвовать вся колхозная масса, а в руководстве по проведению ее должен обязательно участвовать не только батрак и бедняк, но и середняк-колхозник. Мы имеем все данные к тому, что производственный под'ем и энтузиазм колхозников в период уборки и осенних работ еще больше возрастет, чем это было весной. Но его нужно направить и организовать через производственные совещания, соцсоревнования и ударничество, обратив особое внимание на вовлечение молодежи и женщин. Надо признать, что это

дело до сих пор мы не сумели еще организовать в широком масштабе, а здесь, несомненно, главное условие для успеха кампании.

Вторая задача. Нет сомнения, что совхозы полностью выполнят свой производственный план летне-осенней кампании. Они в эту кампанию должны оказать окружающему населению еще большую помощь, чем это было весной. Если весной совхозы вспахали колхозам 500 тыс. га, то осенью должны поднять 300 тыс. га озимого посева и 600 тысяч га зяблевой пахоты (кроме того, подняли 200 тыс. га пара). Огромнейшую роль сыграли и еще большую роль должны сыграть машинно-тракторные станции. Они посеяли колхозам по линии Трактороцентра 1.800 тысяч га и по линии Хлебоцентра—3.300 тысяч га, превзойдя намеченный план. Намечено же по линии Трактороцентра поднять 500 тысяч га пара, 600 тысяч га озимого посева и 1 млн. га зяблевой пахоты. Соответствующий рост определяется и по линии МТС Хлебоцентра, но, несомненно, эти планы будут превзойдены. Совхозы и МТС уже показали на практике всю свою силу рычагов по социалистическому преобразованию сельского хозяйства, но они только начали дело и несут за собой доподлинную социально-техническую революцию в сельском хозяйстве.

Третья задача. Роль бедняцко-середняцкого единоличного сектора еще очень значительна. Эта масса находится пока у ворот колхоза и потребуется известное время, чтобы она полностью вошла в колхоз. Отсюда вытекает задача охвата единоличников производственным кооперированием через поселковые товарищества, ускоряя тем самым коллективизацию. Огромна роль сельсовета, как в отношении колхозов, так и единоличников. Организация и проведение кампании является прямой задачей сельсоветов под руководством партии. Должен быть выработан и осуществлен сельскохозяйственный план не только по колхозному, но и единоличному сектору. План озимого посева и зяблевой пахоты должен быть доведен до двора. Вместе с тем, необходимо оказать беднякам и середнякам-единоличникам всестороннюю помощь, организуя товарищества по общественной обработке земли и супрягу на основе совместного использования рабочего скота, инвентаря и труда, подготовляя тем самым переход к с.-х. артели. Колхозы, вовлекая в свой состав единоличников, должны помочь им в проведении сельскохозяйственных работ, содействуя тем самым переходу их к коллективизации. «Не травить единоличников, а оказывать им помощь и всячески привлекать к колхозу». (Из резолюции XVI с'езда ВКП(б) по докладу тов. Яковлева).

Развернутое наступление социализма.

Летне-осенняя кампания, как и весенняя, будет проходить в условиях ожесточенной классовой борьбы. Кулак разбит, но не добит. Кулак продолжает проявлять активность и всячески пытается срывать социалистическую стройку. После сева, как известно, кулак выбросил лозунг «засеяли вместе, а убирать врозь», но этот лозунг, как и другие кулацкие лозунги, оказался побитым. Кулак всячески старается провоцировать и единоличника. В ответ на это, изолируя кулака, мы должны подойти к единоличнику с надлежащим вниманием. Нужна решительная борьба против кулака и упорная работа за коллективизацию бедняцко-середняцких масс по всему фронту сельского хозяйства.

Летне-осенняя кампания, как и весенняя, требует настоящей, большевистской работы со стороны партии, рабочего класса, советов. Если яровой клин, по данным официальной сводки на 25 июня, соста-

вляет 90 млн. га, а паровая пахота ориентировочно равняется 23 млн. га, то план озимого сева имеет 43 млн. га и зяблевой пахоты 60 млн. га, вместо 104 млн. га. Как видим, по сравнению с весенней кампанией, количество площади меньше, и преобладает пахота над севом, но это ни в какой степени не делает задачу более легкой. Самотек недопустим, а нужна напряженная работа не только в колхозах, но и среди единоличников, и решительная борьба с кулаком.

В период этой кампании мы должны не только закреплять существующие колхозы, но и решительно усилить социалистическое наступление по всему фронту, имея к тому же ввиду, что осенняя кампания в значительной степени подготовляет будущую весеннюю кампанию. Наркомзем СССР проектирует увеличение посевной площади в 1930—31 г., по сравнению с 1929—30 годом, с 130 до 150 млн. га, повышая размер посевов в совхозах с 3.800 тыс. га до 8 млн. га, при чем колхозные посевы должны занять преобладающую роль в общей посевной площади 1930—31 года. На будущий год проектируется коллективизировать 70—80% крестьянских хозяйств в основных зерновых районах, 40—50%—в остальных зерновых районах и 15—25%—в прочих («потребляющих») районах.

В будущем году под сельское хозяйство подводится в значительных размерах высокая материально-техническая база. Если в 1930 году мы имеем тракторов в количестве 900 тыс. лошадиных сил,—то в 1931 г. будем иметь дополнительно 1.300 тыс. лош. сил, в том числе к началу весенней кампании 1 млн. лош. сил. Машиноснабжение в будущем году, по сравнению с текущим годом, возрастает с 400 млн. руб. до 840 млн. руб. При этом решающее значение имеет то обстоятельство, что если в машиноснабжении 1929—30 года инвентарь механической тяги составлял 18%, то в 1930—31 году он будет составлять 63%. Все это означает, что сельское хозяйство получает высокое материально-техническое вооружение, а это дает крепчайшую базу для развертывания быстрым темпом коллективизации миллионнов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств.

Большевистская работа над распределением урожая, большевистская организованность осеннего сева, могут обеспечить, что уже предстоящей осенью и весной мы будем иметь дальнейший мощный под'ем коллективизации.

В. Гроссман.

Район—область.

Вспомним слова Ленина:

«Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)» [1]).

Такова суровая оценка Ильича тех, кто «смущается» частыми переделками аппарата. Мы начали с этой именно цитаты Ленина потому, что приходится иногда слышать недовольство (открытое или скрытое) происходящей перестройкой аппарата.

Как указывает Ленин, для переделки необходима существеннейшая предпосылка. Изменения аппарата нужны тогда, когда нам удается продвинуться вперед, вверх; иными словами, существенные изменения в экономике и культурном состоянии страны диктуют необходимость переделки нашего аппарата. Имеются ли у нас налицо такого рода коренные изменения? Вряд ли можно отрицать наличие коренных изменений и сдвигов, отрицать рост культурного уровня, рост навыков трудящихся СССР в деле государственного управления. Ничего удивительного поэтому нет в том, что мы сейчас производим коренной пересмотр всей системы нашего управления.

Перестроены и перестраиваются партийный и профсоюзный аппараты, центральные наркоматы (ВСНХ, Наркомторг, НКПС и друг.), кооперативные органы и т. д. Вся эта перестройка продиктована необходимостью приведения в соответствие этих аппаратов с изменившейся экономикой страны, с возросшим культурным уровнем и все более и более растущей активностью масс.

Но если эти изменения нужны в центральном аппарате, то тем более они своевременны в низовом. Не подлежит никакому сомнению, что здесь необходимость реформы особо актуальна. «Ведь теперь даже слепые видят, что сделан огромный коренной поворот крестьянства от старого к новому, от кулацкой кабалы к свободной колхозной жизни». (Сталин. «Политический отчет ЦК XVI с'езду»). Раз это так, то перед нашими низовыми органами стоят новые задачи; для их выполнения нужны иные условия, иные методы, иные аппараты. Если еще не так давно работа низовых органов, по преимуществу, сводилась к выполнению административных задач, то сейчас хозяйственные и культурные вопросы приобретают гораздо большее значение, занимают все больше места; первые отходят на задний план, а вторые со всей яркостью и очевидностью выпячиваются на первое место. Одно дело собрать налог, страховку, другое—руководить «перестройкой социально-экономической структуры сельского хозяйства, об'единением мелких и мельчайших распыленных хозяйств в колхозы и выкорчевыванием корней капитализма». (Из резолюции XVI с'езда партии по отчету ЦК).

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 379

Совершенно ясно, что выполнение этих сложнейших и труднейших задач требует коренного пересмотра наших низовых органов для того, чтобы они могли овладеть и справиться с этой работой. Эта перестройка тем более необходима, что, несмотря на имеющиеся достижения, все же не удалось добиться достаточного укрепления низовых органов.

Каково их состояние?

Начнем с сельсовета. Не подлежит никакому сомнению, что бурный рост колхозов застал их врасплох; они не в состоянии были руководить этим мощным движением; они плелись в хвосте. Так тов. Каганович в организационном отчете XVI с'езду прямо говорит: «Когда вопрос стал о реконструкции сельского хозяйства, сельсоветы не стали справляться с задачами, не повернулись во-время, и больше, чем другие организации, отстали».

Не лучше дело обстоит и с сельской партийной ячейкой; она, во-первых, имеется только в 40% сельсоветов, во-вторых, она крайне слаба и не в состоянии осуществлять необходимое политическое руководство всеми расположенными на территории села организациями (сельсоветы, колхоз, изба-читальня, кооператив, школа, больница и друг.). Неудивительно поэтому, что «ячейка, как производственная, руководящая, организующая сила на сегодняшний день играет еще ничтожную роль». (Каганович).

Перейдем к району. Теперь всем ясно, что он—район — является важнейшим звеном в цепи наших низовых органов и от того, каково его состояние, в большой мере зависит правильность практического применения решений и директив нашей партии и правительства. Нужно прямо сказать, что указания XVI партийной конференции о превращении района в «узловой» пункт не выполнены. Неудовлетворительное состояние района заключается в том, что он слабо может, а иногда и совсем не может, руководить социалистическим переустройством деревни, он не может справиться с задачами культурной революции и благодаря его слабости сильно страдает тот же сельсовет, руководство которым совершенно недостаточно и неудовлетворительно. Район, будучи слабым, не может оказать сколько-нибудь существенной поддержки еще более слабому сельсовету.

Что собой представляет окружное звено? Прежде всего, нужно сказать, что по идее районирования округ представляет собой не экономическую, а административную единицу, чего нельзя сказать о районе, а тем более об области. К этому нужно добавить, что хозяйственное значение округа умалено: мелкая местная промышленность либо уже передана, либо намечена к передаче району, а более крупная сосредоточена в областных трестах.

Не подлежит никакому сомнению, что исторически округа сыграли свою положительную роль, как при перестройке старого административного деления, так и в хозяйственных вопросах; округа способствовали нашему приближению к деревне. Однако, из этого не следует, что наличие окружного звена на данном этапе строительства не влечет за собой ряда существеннейших недостатков; основным из них является то, что округ очутился в межеумочном—между районом и областью—положении. Это его промежуточное положение отгораживает район от области, затрудняет руководство, удлиняет путь прохождения директив, информации и т. д. Вместе с тем наличие окружного звена неизбежно влекло известную опеку и перехватывание ряда функций районов и горсоветов. Ко всему этому нужно добавить, что окружное звено оказалось довольно дорогим и поглощает немало средств и людей, что мы подробно покажем дальше. В округа оказались стянутыми наиболее квалифицированные местные кадры, которые с большей пользой могли бы быть использованы в районах.

Переходим к области. В результате районирования областные и краевые центры превратились в мощные политические и хозяйственные единицы. Здесь силен партийный актив. Здесь собраны лучшие местные специа-

листы, здесь созданы крепкие аппараты, могущие по-настоящему обслужить социалистическое строительство. Но крупнейшим недостатком является то, что область оторвана от низовых органов, ведущих непосредственное хозяйственное и культурное строительство, что область должна действовать через округ.

Таково в настоящее время состояние местных органов. Не подлежит сомнению, что без коренной перестройки не обойтись. Это становится особенно очевидным, когда подходят к практическому разрешению вопросов улучшения низового аппарата. Анализ причин его слабости приводит к бесспорному выводу о том, что они сводятся к трем моментам: кадрам, материальным ресурсам и связи. В самом деле, каждый раз, когда практически эти вопросы в работе района встают, они являются наиболее трудно разрешимыми. Известна всеобщая нехватка кадров, известен низкий уровень оплаты низовых работников, известно и то, что не под силу нашему бюджету выделить много десятков миллионов рублей на улучшение материального положения низовых работников. Между тем, без решения вопроса о кадрах, без улучшения их материального положения и вообще без усиления материальных ресурсов низовых органов не может быть речи о таком укреплении низовых звеньев, при котором они в состоянии были бы справиться с новыми, притом все более усложняющимися задачами.

Для того, чтобы видеть, как в настояще время распределены низовые кадры и во сколько обходится содержание аппарата разных звеньев как в абсолютных, так и в относительных величинах, приведем некоторые цифровые иллюстрации.

Средний расчет штатного состава и годовой зарплаты партийного и комсомольского аппарата, исполкома и его отделов, профорганизаций, Госстраха, кредитных учреждений, управленческих органов, кооперации и общественных организаций, — показывает следующее соотношение: штатных работников имеется в области 2.598 чел., в округе — 590 чел. и в районе — 42 чел.; средняя годовая зарплата исчисляется по области в сумме 5.013.400 руб., по округу—1.011.700 руб. и по району—46.600 руб.

Из этих цифр видно, что окружной аппарат в среднем обходится свыше миллиона рублей и поглощает около 600 чел., из которых $^{2}/_{3}$ составляют оперативные работники.

Тут же видны и те, по сути дела, ничтожные кадры, какими располагает район: всего 42 человека; это и партийный, и советский, и кооперативный аппараты.

Если от этих средних величин перейти к общему количеству работников и их заработной плате, то получится еще более разительная картина.

Только по РСФСР (без Авт. ССР) органы местного управления имеют: в областных аппаратах 33.778 чел. (18,8% к итогу), в окружных аппаратах—73.188 чел. (40,8%), в районных аппаратах—72.332 чел. (40,4%). Зарплата этих работников распределяется так: областной аппарат—65.175.100 руб. (25,7%), окружной аппарат—109.664.100 руб. (43,3%), районный аппарат—78.040.000 руб. (31%).

Приведенные данные показывают, что в окружных аппаратах всего занято 73.188 человек и заработная плата их составляет в год 109.644.100 рублей[1]).

В это же время в районных аппаратах на такое же количество работников (72.332 чел.) расходуется значительно меньше средств—78.040 тыс.

---

[1]) Для исчисления стоимости всего окружного звена следует добавить к этому цифру в 64.298.300 рублей, которые падают на организационно-хозяйственные и некоторые другие расходы. Таким образом, полная стоимость окружного звена в РСФСР (без Авт. ССР) составляет **173.962.400 руб.**

рублей, при этом количество районов почти в 14 раз больше количества округов.

Однако, наиболее разительным является то, что если принять численность и заработную плату областных, окружных и районных аппаратов за 100, то тогда окажется, что удельный вес, окружного аппарата по численности занимает 40,8% и по зарплате 43,3%, в то время как районы, составляя почти такой же удельный вес по количеству (40,4%), занимают по стоимости всего 31%.

Если выше приведенные средние величины распространить на весь Союз, то тогда получится, что в окружном звене работает 123.310 человек и одна только их заработная плата обходится в 211.445 тыс. рублей, а полная стоимость окружного звена по Союзу составляет примерно около 300 млн. рублей.

Хотя эти данные и грубо ориентировочны, но они со всей очевидностью показывают, какие огромные возможности в смысле изыскания кадров и материальных ресурсов мы получим для укрепления низовых органов, когда упраздним окружное звено.

Приведенные в докладе тов. Орджоникидзе на XVI с'езде цифры 100.000 человек и 200 млн. рублей—это минимальные ресурсы, которые должны быть брошены на укрепление низовых органов.

Таким образом, упразднением округов решаются в основном две важнейшие проблемы—укрепления районов кадрами и средствами.

Год тому назад по инициативе ЦКК, ЦК ВКП(б), а затем ЦИК СССР приняли решение о создании опытно-показательных округов. Этой реформой имелось в виду освободить округ от оперативных функций, передав их районам и горсоветам; для того, чтобы район мог освоить эти функции, он был укреплен, ему были переданы материальные ресурсы и люди, которые были освобождены от работы в округе благодаря резкому (наполовину) сокращению окружного аппарата.

Теперь всеми признано, что из этого опыта можно сделать следующий основной вывод: на деле доказана полная возможность и целесообразность передвижки прав, оперативных функций и материальных ресурсов, а вместе с ними и живых людей от округа к районам и горсоветам. Вместе с тем доказано, что в опытных округах достигнуто значительное приближение органов власти к населению, а это облегчило вовлечение широких масс трудящихся в управление страной. Непосредственая связь по важнейшим вопросам, установленная в опытных округах между областью и районами, дала вполне положительные результаты. Но вместе с этим опыт показал и другое,—он показал, что если год назад мероприятия, проведенные в опытных округах, были достаточны для того, чтобы укрепить низовые советы, то теперь, в новых условиях, значительно изменившихся за истекший год, этого уже недостаточно. Жизнь ушла вперед. Жизнь потребовала более смелой, более решительной перестройки системы местного управления. Анализ ошибок и перегибов, имевших место зимой этого года, подтверждает это положение; областные органы, на которых лежало руководство грандиозным процессом переустройства деревни, когда середняк повернул к социализму, вынуждены были осуществлять это руководство, будучи оторванными от района, где происходят новые процессы, где жизнь бьет ключом. Одним словом, во весь рост встала «проблема наибольшего приближения аппарата к районам и селам». (Сталин).

Мы должны так перестроить систему местного управления, чтобы сделать упор на два звена: область и район. Район должен стать центром нашей практической политики. Этим будут разрешены основные вопросы приближения директивного руководства к оперативным органам, во-первых, и приближения аппарата к населению, во-вторых.

Такая мера благоприятным образом скажется и на горсовете и на сельсовете. В чем, прежде всего, нуждается сельсовет? Он нуждается в хорошем руководстве. Если будет создан крепкий район, этим самым будет улучшено руководство сельсоветом, будет лучше поставлен инструктаж, живая помощь, наблюдение, исправление во-время ошибок и т. д. Не меньше выиграет и горсовет. Общеизвестна длительный ряд лет продолжающаяся борьба между горсоветами и окружными аппаратами. И сейчас еще в окружных городах окружные аппараты стягивают к себе такие социально-культурные учреждения и предприятия, которые следовало бы передать в управление городам; благодаря этому получается такое положение, что в городах, являющихся в большинстве пролетарскими центрами — недостаточно полно используется все растущая активность рабочих.

Сказанного достаточно, чтобы понять всю актуальность, своевременность и значимость принятого XVI с'ездом партии решения об упразднении округов. Оно имеет огромное политическое и практическое значение. Надо быстро и тщательно подготовить и провести эту реформу, надо срочно разрешить целый ряд больших и малых вопросов, связанных с проведением ликвидации округа.

* * *

Отметим здесь некоторые наиболее актуальные моменты, касающиеся того, как практически осуществить решение об упразднении округов.

Прежде всего, надо остановиться на вопросах, связанных с организацией территории. Ошибочно думать, что упразднение округов неизбежно влечет за собой пересмотр сети районов и сельсоветов; прямой необходимости в этом нет. Больше того, укрупнение может помешать, повредить проведению всей реформы, ибо перекройка сети районов обозначает необходимость проделать большую работу по установлению новых границ, а это, в свою очередь, повлечет за собой созыв районного с'езда советов для выбора райисполкома и т. д.

Другой весьма важной отрицательной стороной укрупнения районов является то, что укрупнение сильно осложнит приближение низовых органов власти к массам, а это является важнейшей задачей, которую преследует реформа.

В решениях ЦК ВКП(б) от 15 июля этого года дана совершенно точная установка на то, чтобы при ликвидации округов «исходить из наличной сети границ существующих районов». Такое решение вопроса значительно облегчает проведение всей реформы.

С особой тщательностью должны быть разработаны все правовые и материально-хозяйственные вопросы. При их разрешении нужно иметь ввиду, что упразднение окружного звена даст должный эффект тогда, когда району будут переданы все те права, функции, кадры и материальные ресурсы, какими располагал округ. Надо вместе с тем добиваться скорейшего повсеместного введения сельских бюджетов и недопущения создания дефицитных районных бюджетов. Надо, наконец, расширить права и компетенцию РИК'ов, сельсоветов и горсоветов. Все социально-культурные учреждения, ныне находящиеся в ведении округа, должны быть, как правило, переданы районам и горсоветам.

Узловым практическим вопросом является вопрос о кадрах. Здесь задача состоит в том, чтобы полностью было выполнено решение ЦК о переброске на постоянную работу в район не менее 90% окружных работников. Нужно прямо сказать, что добиться полного осуществления этого важнейшего решения ЦК можно лишь в том случае, когда вокруг этого вопроса будет создано соответствующее общественное партийное мнение. Нужно, чтобы каждый коммунист, каждый честный специалист, ныне

работающий в окружном аппарате, понял и почувствовал, что переход на районную работу не только не является «ущемлением», а, наоборот, обозначает передвижку на один из наиболее ответственных и наиболее трудных, а потому наиболее благодарных участков фронта социалистического строительства.

Нужно, конечно, обеспечить и материальную сторону для перебрасываемых кадров. Не даром директива ЦК указывает на то, что уровень зарплаты окружным работникам, направляемым на низовую работу, должен быть примерно сохранен. Надо позаботиться и о том, чтобы для них были созданы соответствующие бытовые и культурные условия (жилища, обучение детей и т. п.).

Вся партия, вся страна будет внимательно следить за ходом выполнения боевого задания партии, за его проведением в жизнь. Контроль за его исполнением должен быть поставлен сразу же достаточно тщательно.

Важнейшей задачей является также организация и приспособление непосредственного руководства районами со стороны области. В работе областного (краевого) аппарата — в условиях выпадения окружного звена — особое значение приобретает поставленный на должную высоту инструктаж; без этого области не смогут справиться с новыми задачами.

Нужно, как это предусмотрено решением ЦК партии от 15 июля, со всей решительностью добиться создания крепких кадров инструкторов во всех областных органах; в первую очередь это относится к областному партийному комитету, облисполкому и ОблРКИ. Нужно для этой работы отобрать наиболее проверенных, знающих жизнь деревни людей; только тогда областные органы смогут полностью использовать преимущества от непосредственной связи с районами, когда у них будет поставлен на должную высоту контроль и живая связь с местами; при этом приспособление областных аппаратов должно быть произведено немедленно, т.-е. еще до упразднения округов.

Точно так же непосредственная связь областей с районами должна быть установлена немедленно.

В связи с ликвидацией окружного звена должно также усложниться и усилиться планирование в областных органах, ибо теперь область будет составлять план в районном разрезе. Это требует, с одной стороны, создания небольшой плановой ячейки в районе, а с другой — соответствующей перестройки этого дела в областных центрах.

Как временная мера, которая должна облегчить переход к новой системе управления, по решению ЦК, в окружных центрах должны быть созданы на 3—6 месяцев технические бюро связи, назначаемые облаcткомами. Они будут очень полезны до окончательного сформирования новых районных органов, они, безусловно, облегчат на первое время руководство со стороны области районами.

Тут же нужно сказать, что Наркомпочтелю необходимо форсировать строительство телефонных станций и радиостанций. Областные же органы должны вплотную этим делом заняться и добиться того, чтобы в кратчайший срок были пересмотрены соответствующие планы: они должны быть пересоставлены, исходя из необходимости такой организации телефонной и радиосети, при которой область могла бы сноситься с каждым районом.

К числу вопросов, требующих серьезной проработки, должна быть отнесена проблема организации управления городов и их связи с деревней. Нам кажется, что при проведении реформы все оперативные права и функции, а также социально-культурные и иные учреждения, находящиеся в ведении округа, как правило, должны быть переданы горсовету, а не области. Имеющиеся тенденции обкарнать города и дать им урезанные права не выдерживают никакой критики; наоборот, должны быть приняты все меры к тому,

чтобы городские организации были бы полными хозяевами на своей территории. Это значит, что, прежде всего, необходимо укрепление материальной базы горсоветов, на основе которой должна быть углублена и расширена их массовая работа. Секции горсовета должны получить дальнейшее свое развитие, необходимо расширить их права; надо разрешить вопрос о том, чтобы в ряде отраслей своей работы они могли не только обсуждать и прорабатывать вопросы, но и решать их; надо добиться такого положения, чтобы городские организации и, в первую очередь, горсоветы возглавляли все растущую активность городских пролетариев в таких вопросах, как переустройство быта, культурная революция, борьба за выполнение промфинплана и т. д.

Другая задача, которая встает при проведении реформы, заключается в том, чтобы добиться усиления связи города с деревней, ни в каком случае не допуская ее ослабления вследствие ликвидации округов.

Особый размах и особое значение должна получить в новых условиях шефская работа, через которую пролетарские центры должны усилить свое руководство и помощь перестраивающейся на социалистических основах деревне. Нет никакого сомнения в том, что сама жизнь выдвинет и иные — новые — формы этой связи. Важно внимательнейшим образом изучать все то, что сейчас происходит, и проверенные на опыте формы обобщать и распространять.

Последнее замечание относится к той установке, которая должна быть принята при разработке штатов и стоимости районных, городских и областных органов после упразднения округов. Выше мы привели цифры, показывающие общую стоимость окружного звена. Она довольно высока; освобождающиеся от упразднения окружного звена ресурсы должны значительно укрепить районные, городские и областные аппараты; их достаточно не только для оплаты увеличенного штата, но и для повышения заработной платы работникам низовых органов. Нам, поэтому, представляется недопустимым, чтобы в результате проведения реформы произошел рост административных расходов.

Реформа по решению ЦК должна быть закончена к 1 октября 1930 г. Этим решением положен конец всяким разговорам о том, что возникающие при упразднении округов трудности так велики, что на разработку мероприятий для их преодоления требуется чуть ли не год, а то и более. Медлить с реформой нельзя; ее нужно начать немедленно и закончить до начала хозяйственного года; это значит, что в течение двух с половиной месяцев нужно напрячь все силы для того, чтобы перестроить систему местного управления таким образом, чтобы наши низовые органы могли руководить мощным движением бедняцко-середняцких масс крестьянства в колхозы.

Надо со всей большевистской твердостью добиться того, чтобы растущая активность масс в деле коллективизации и социалистического строительства во всех областях нашей жизни не застала наши низовые партийные, советские и хозяйственно-кооперативные организации недостаточно подготовленными. Надо, чтоб они перестроились быстро и полностью.

Надо крепко ударить по тем, кто, не понимая всей политической важности проводимой реформы, будет стараться ее оттягивать.

Нужно твердо помнить и неуклонно осуществить следующее указание ЦК: «Ввиду огромной политической важности ликвидации округов, ЦК предлагает всем ЦК нацкомпартий, крайкомам и обкомам обеспечить тщательное, повседневное руководство во всей практической работе по ликвидации округов, раз'ясняя и мобилизуя актив для успешного и быстрого проведения этой реорганизации».

Б. Борилин.

Основные вопросы экономполитики на XVI с'езде ВКП(б).

Работа XVI с'езда прошла под знаком *развернутого наступления социализма по всему фронту*, начатого партией в период между XV и XVI с'ездами и провозглашенного с'ездом в качестве основного лозунга нашей экономической политики на ближайший период.

Что это означает? Это означает—и это необходимо с полной ясностью себе представить,—что по всей линии нашего народного хозяйства началось такое генеральное наступление социализма на капитализм, которое ставит своей непосредственной задачей — *окончательную ликвидацию остатков капитализма* в стране (об этом наиболее ярко говорит лозунг ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации) и полнейшую переделку на *социалистических началах* самых оснований мелкотоварного производства. Со всей определенностью нужно понять, что по своему значению это наступление отнюдь не менее грандиозно и не менее важно, чем первое генеральное наступление на капитализм, с которого начинается пролетарская революция и которое получило свое выражение в *экспроприации капиталистов*. Ибо недостаточно экспроприировать экспроприаторов, захватить тем самым «командные высоты» и основные центры управления капиталистическим хозяйством. Это — *первая важнейшая* задача, стоящая перед пролетариатом в социалистической революции. *Другая*, не менее, если не более, трудная задача заключается в том, чтобы изменить *коренным образом организацию всего народного хозяйства* и перестроить радикально хозяйственные отношения миллионов мелких производителей. Эта задача настолько трудна и настолько колоссальна, что мы с полным правом можем говорить о том, что победоносное разрешение ее должно *потрясти мир* в неизмеримо большей степени, чем промышленная революция XVIII и XIX века.

Известно, что капиталистический способ производства, совершивший первоначальную экспроприацию («первоначальное накопление»), «записанную, по выражению Маркса, огнем и кровью в летописях человечества», и организовавший мануфактурное производство, этим еще не произвел окончательной революции в общественных отношениях, «по образу и подобию своему». Понадобился машинный переворот для того, чтобы капитализм окончательно внедрился в хозяйственную жизнь, стал на собственные ноги. Это была гигантская промышленная революция.

Пока же капитализм находился еще в мануфактурной стадии своего развития, он был только *надстройкой* над мелким производством и ремеслом, о чем не раз упоминал Маркс и Ленин. «В течение мануфактурного периода ремесленный способ продолжал служить основанием производства» [1]. «Собственно мануфактурный период не несет еще с собой радикального переворота». «Мануфактура лишь по частям овладевает национальным производством и опирается всегда на городское ремесло и сельскую домашне-подсобную промышленность» [2]. «Мануфактура не могла ни овладеть общественным производством во всем его об'еме, ни перевернуть его до основания. Точно красивый шпиль, она венчала широкое экономическое здание городского ремесла и сельской домашней промышленности. Но ее собственный технический базис был узок и на известной ступени развития он оказался в противоречии с созданными ею же самой потребностями производства [1]».

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. I, стр 300.
[2]) Там же, стр. 540.

Но если мануфактура не могла произвести собственными средствами радикального переворота в способе производства, то мануфактура сама создала то средство, которое осуществило этот переворот. Это была машина. Именно «мануфактура произвела машины, посредством которых крупная промышленность упразднила ремесленный и мануфактурный способ производства... Машинное производство выросло естественным путем на материальном основании, не соответствовавшем его будущему развитию. На известной ступени развития оно вынуждено было само произвести революцию в том основании, которое оно сначала нашло готовым, а потом расширило в его старой форме, — и создать себе новое основание, соответствующее его собственному способу производства» [2]).

Так машина, выросшая из мануфактуры, произвела промышленную революцию.

Капитализм полностью переделал технические основания производства во всех сферах промышленности, пока не создал для себя *соответствующего технического базиса*. Машина подчинила владычеству капитала огромные армии *наемных рабочих*, необычайно расширила человеческий материал капиталистической *эксплоатации*, втянула в производство *малолетних и женщин*. Капитализм привел к *моральному калечению и умственному одичанию* занятых в производстве людей. Машина явилась могучим средством увеличения *производительности труда*. Она принесла с собой *удлинение рабочего дня* дальше всяких естественных пределов, и необыкновенно усилила эксплоатацию труда. Капитализм установил царство гигантской *интенсификации труда* и произвел избыточное рабочее население. Он создал крупную фабрику, разорил миллионы мелких производителей и породил *классовую* борьбу пролетариата против буржуазии. Он привел к растущему *обобществлению* производства, революционному изменению производительных сил и создал *циклический ритм промышленной жизни*. Он совершил переворот в *земледелии* и обострил до крайности *антагонизмы*, заложенные в капиталистической системе.

Таковы некоторые основные факты и последствия промышленной революции XVIII и XIX века, создавшей и упрочившей капиталистическое господство во всем мире.

На социализм, на социалистическую форму хозяйства, родившуюся в нашей стране в результате осуществления диктатуры пролетариата, возложено в качестве исторической миссии проведение экономической революции, по сравнению с величием которой бледнеют все экономические перевороты, имевшие когда бы то ни было место в истории человечества, в том числе промышленная революция капитализма. Конечно, эта революция должна пройти в формах и методах принципиально иных и с последствиями, качественно противоположными, чем промышленная революция капитализма. Ибо качественно различны исходные пункты и исторические цели обеих этих революций. «Там дело шло об экспроприации народных масс немногими узурпаторами, здесь же дело идет об экспроприации немногих узурпаторов народными массами» [3]). Но ясно, что пролетариат должен провести такую экономическую революцию в самих основах организации народного хозяйства. Первый ее

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 264.
[2]) Там же, стр. 264.
[3]) Там же, стр. 552.

акт ознаменовывается насильственной экспроприацией кучки капиталистов. С него начинается великая экономическая революция.

Пролетариат, захватывающий власть, «не получает готовыми («социалистических» отношений *Б. Б.*), если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие» [1]).

Здесь дело обстоит совсем не так, как думали когда-то «левые» коммунисты во главе с тов. Бухариным, будто пролетариат получает в наследство от капитализма «такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу». «Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче». «Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности» [2]). Вот почему захватом собственности крупных капиталистов, «командных высот», пролетариат только начинает экономическую революцию.

Первый период своего существования пролетариат не может не опираться в социалистическом строительстве и на огромное мелкое производство, которое сохраняется еще в качестве экономической базы социалистической промышленности так же, как мануфактура, как мы видели, продолжает опираться на ремесло в городе и мелкую домашнюю промышленность в деревне. Дальнейшая задача пролетариата заключается в том, чтобы овладеть всем общественным производством, перестроить его снизу доверху на плановых социалистических началах, создать собственную, действительно прочную техническую и экономическую базу. А «это самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей» [3]).

Может ли пролетариат разрешить эту задачу разом, одним ударом? Конечно, нет. Это дело ряда и ряда лет. И экономическая политика нашей партии в переходный период в том и заключается, чтобы шаг за шагом, неуклонно осуществлять эту задачу.

Однако, по-разному ставится вопрос об осуществлении этой задачи в разные периоды нашей революции. Мы не можем не иметь здесь в разные периоды разную ступень в осуществлении этой задачи.

В первые годы советской власти проблема заключалась, прежде всего, в том, чтобы «освоить» то, что захвачено было в период «экспроприации экспроприаторов», организовать производство социалистической промышленности, установив правильные отношения с мелкобуржуазным сектором. Здесь был центр тяжести работы, направленной на выполнение этой задачи. Ибо «работа по организации под руководством пролетариата всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов». Тогда Ленин говорил, что «нельзя было бы определить задачу настоящего момента простой формулой: «продолжать наступление на капитал». Нет, «в интересах успешности дальнейшего наступления надо «приостановить» сейчас наступление». «До сих пор на первом плане стояли мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на первом плане становится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах» [4]).

Так стоял вопрос об осуществлении задачи по коренному переустройству народного хозяйства в первые годы советской власти.

[1]) Ленин, т. XV, стр. 125.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 215.
[3]) Ленин, т. XV, стр. 196.
[4]) Ленин, т. XV, стр. 198, 199, 203.

Конечно, иначе этот вопрос был поставлен, когда в 1922 г. был выброшен лозунг о наступлении на частно-хозяйственный капитал. Совсем по-иному с подходом к осуществлению этой задачи обстояло дело в тот период, когда на XIV с'езде партии в качестве основной директивы в нашей экономической политике был сформулирован курс на индустриализацию нашей страны.

Но только теперь, когда партия взялась за сплошную коллективизацию сельского хозяйства, когда мы вступили «в отличие от пройденных этапов» в «период общего наступления социализма по всему фронту» (Сталин), когда мы поставили перед собой задачу завершения коренной реорганизации всего народного хозяйства в ближайший период, как очередную и основную задачу, становится очевидным значение исторического перелома в нашем экономическом строительстве, который мы переживаем и завершение которого будет означать окончание экономической революции во всем народном хозяйстве, непосредственной целью которой является построение фундамента социалистического общества в кратчайшие исторические сроки. Выполнение поставленного перед нами партией плана развернутого социалистического наступления принесет с собой величайший в истории переворот в способе производства, в производительных силах и производственных отношениях.

* * *

Мы, несомненно, являемся свидетелями начавшегося процесса глубочайших изменений в состоянии, уровне и развитии производительных сил нашей страны. Мы уже подошли вплотную к эпохе технической революции и в промышленности и в сельском хозяйстве. Тот гигантский технический переворот, все элементы для которого созрели в современном капитализме, но который не может реализоваться в условиях загнивающего антагонистического буржуазного строя, будет осуществлен в нашей стране, строящей социализм.

Мы уже имеем сейчас, в результате первых лет реконструктивного периода, огромные сдвиги в производительных силах, совершающиеся с быстротой, совершенно недоступной для капиталистических стран.

Пятилетний план развития народного хозяйства, который обзывался «мечтой», «фантазией» представителями капиталистического мира, претворяется в жизнь, более того, гигантски перевыполняется. Пятилетка в 4 года! Такова директива, данная XVI с'ездом. И нет сомнений в том, что при правильном использовании возможностей, имеющихся в нашем распоряжении, эта директива будет выполнена. План развития тяжелой индустрии, этой ведущей отрасли нашей промышленности, будет выполнен в 3 года. При намеченной по пятилетнему плану цифре продукции тяжелой индустрии к концу пятилетки в 14,5 млрд. руб. уже в будущем году мы достигнем цифры продукции в 16,2 млрд. руб. В области металлургии партия поставила перед собой задачу добиться к концу пятилетки добычи чугуна в размере 17 млн. тонн, вместо первоначальных 10 млн. тонн, цифры, которая «пессимистам» казалась невыполнимой.

Об изменяющейся революционными темпами структуре производительных сил нашей промышленности говорит неуклонный рост удельного веса тяжелой индустрии, который из года в год происходит на наших глазах. Если доля производства средств производства в продукции всей промышленности равнялась в 1927—28 г. 27,2%, то в 1929—30 г. она составляет уже 32,7%.

Мы уже сейчас имеем в области нашей производственной деятельности образцы, отнюдь не уступающие первоклассной американской и евро-

пейской технике. Наши тракторные заводы по своей величине и по своему оборудованию стоят на уровне самой передовой техники. Строящийся Магнитогорский завод по своей продукции (2,6 млн. тонн в 1932—33 г.) будет равняться всей продукции чугуна в Люксембурге и не на много будет меньше производства чугуна всей Бельгии. Новая техника все более и более проникает в наши заводы и фабрики.

Но, конечно, начало подлинной технической революции мы уже имеем в *сельском хозяйстве*, в результате внедрения *трактора*. Наш тракторный парк еще не дошел в настоящем году до цифры 100.000. Количество тракторов капиталистической Америки гораздо больше. Но неизмеримо больше эффективность использования трактора в нашей стране, чем в САСШ, этой образцово «рационализированной» стране. Уже в настоящем году — в первом году массового колхозного движения — машинно-тракторными станциями засеяно в зерновой (первой) полосе [1]) 11,5% площади яровых посевов колхозов. Ясно, что при величайшей технической отсталости нашего сельского хозяйства, в состоянии которого оно пребывало до сих пор, факт проникновения «стального коня» в таких размерах уже в первый год колхозной сельскохозяйственной кампании, означает настоящий переворот в технике ведения сельского хозяйства.

Изменения структурного порядка происходят с огромной быстротой в главной производительной силе нашей страны — в *рабочем классе*. При невероятно выросшей безработице в капиталистических странах, превратившейся там в своем основном ядре в застойное явление, происходит резкое и быстрое *уменьшение безработицы* у нас. Число безработных за год сократилось на 750 тысяч, или на 42,3%. Достаточно вспомнить о том, какие представления о возможностях рассасывания безработицы существовали у многих еще 2 — 3 года назад, когда не мало людей возлагали главную, если не единственную надежду в этом отношении на быстрый под'ем сельского хозяйства, чтобы понять значение факта ликвидации безработицы, которая, «неожиданно» для этих людей, совершается, прежде всего, благодаря быстрым темпам развития нашей промышленности.

Состав рабочего класса претерпевает глубокие изменения огромной важности, отражающие процессы, происходящие во всей экономике. В рабочем классе образуются *новые кадровые слои*, новые «профессии». Быстро растут новые слои сельскохозяйственного пролетариата, получающие действительную индустриальную выучку (рабочие совхозов, машинно-тракторных станций, трактористы и т. д.). В несколько лет выросла играющая огромную роль в промышленной жизни страны строительная промышленность, впитавшая уже в себя около 1/5 всего пролетариата. Доля строительных рабочих во всем пролетариате равнялась в 1923 — 24 г. 5,8%, а в 1929 — 30 г. она дошла до 18,9%.

Новый этап социалистического строительства, в котором мы находимся в настоящее время, отличается не только огромными сдвигами революционного характера в промышленности и сельском хозяйстве, но и началом коренного изменения *во всей физиономии народно-хозяйственного целого*. Вся карта промышленности и сельского хозяйства перекраивается решительным образом. Отнюдь не случайным поэтому является то, что на с'езде в качестве центральной проблемы нашей экономической политики стояла *проблема правильного размещения промышленности и различных отраслей сельского хозяйства по СССР*. Никогда еще этот вопрос о географическом размещении наших производительных сил не играл такой роли, как сейчас. Совершенно оче-

[1]) К зерновой (первой) полосе в решении ЦК от 5/I-30 г. относятся основные зерновые районы. К производящей (второй) — остальные зерновые районы. Третья полоса — потребляющая. См. по этому поводу доклад тов. Яковлева на XVI-м с'езде.

видно, что коренная переделка народного хозяйства, которая сейчас совершается, совершенно немыслима без планового, наиболее выгодного с народнохозяйственной точки зрения разрешения этого вопроса.

Проблема размещения играет большую роль и в капиталистических странах. В САСШ за последние годы происходили весьма существенные сдвиги в географическом размещении промышленности. Происходил быстрый промышленный рост Юга и, наоборот, упадок в других частях страны, как Новая Англия и др. Исчезала хозяйственная гегемония прежде руководящих штатов и так далее. Конечно, этот процесс происходил стихийно, как все, что имеет место в хозяйственной жизни капиалистических стран. Но весьма интересен тот факт, что даже капиталистическая Америка обнаружила при этом явственную тенденцию к более равномерному распределению промышленности по различным районам, к перемещению промышленности только из города в деревню и к упразднению сосредоточения промышленности в исторически сложившихся центрах данных производств.

В условиях нашей страны, где перестраивается хозяйственная жизнь на плановых началах, вопрос размещения приобретает еще большее значение. Сосредоточение производств в районах, с наиболее богатыми источниками сырья, с учетом удешевления издержек по транспорту и т. д.— должно решительно изменить картину расположения некоторых основных отраслей промышленности. Далее, революционный строй, конечно, не может терпеть такого положения, когда области, населенные отсталыми национальностями, оказывались экономически совершенно не развитыми, заброшенными, как бы обреченными на деградацию. Что касается сельского хозяйства, то вопрос о специализации и правильном размещении отдельных отраслей его до сих пор сплошь да рядом даже и не ставился по-серьезному, по-настоящему.

Вот почему понятно, что на этой проблеме заостряется внимание на новом этапе нашего строительства. Огромную историческую важность имеют такие решения, как решение о *создании второй угольно-металлургической базы* в лице Урало-Кузнецкого комбината, решение о *специализации* отдельных районов на отдельных культурах сельского хозяйства, о *превращении потребляющих районов в мощные производящие* районы по животноводству и пр. При этом с полной четкостью нужно понять, что все эти решения, как и вся проблема, имеют, прежде всего, колоссальное *экономическое и политическое значение*, и никак не могут быть сведены к области «организационно-технических» вопросов.

Мы *начали* разрешать *коренные диспропорции*, имевшие место в течение ряда лет в нашем хозяйстве и унаследованные от прошлого.

Диспропорция *между тяжелой и легкой индустрией*, существовавшая до сих пор, не есть «изобретение» большевистского режима. Она есть вынужденный продукт огромной отсталости нашего промышленного развития в прошлом и строительства социализма в капиталистическом окружении. Именно эта обстановка настоятельно требует *развития* в нашей собственной стране мощной *тяжелой индустрии*, этого *основного ключа к социалистическому переустройству* всего хозяйства. И дальше важнейшей задачей является *продолжение политики высоких темпов* развития тяжелой индустрии, как и всей нашей промышленности. Мы достигли больших успехов на этом пути, с одной стороны. С другой стороны, мы создаем условия для увеличения сырьевых источников для нашей легкой индустрии. Все это позволяет в настоящее время поставить перед собой задачу *более быстрого развития и легкой индустрии*, чего мы не могли делать до настоящего времени.

Мы начали коренным образом изменять отраслевую структуру нашей промышленности, ликвидируя те «естественные» диспропорции, которые в ней созданы капиталистическим строем. При капитализме промышленность не идет и не может итти по пути быстрого и достаточного развития отраслей промышленности, обслуживающих потребности сельского хозяйства так же, как и потребности широких народных масс. Если бы капитализм «нарушил» это положение, он перестал бы быть капитализмом. Но в наших условиях дело решительно меняется. Мы находимся только в самом начале ликвидации этих диспропорций, созданных капитализмом в структуре промышленности, но уже сейчас мы стали на путь такого обслуживания сельского хозяйства средствами производства, которого не позволила бы себе ни одна капиталистическая страна при нашем абсолютном уровне промышленного производства. Возьмем наше сельскохозяйственное машиностроение. В машиноснабжении сельского хозяйства (вместе с тракторами) мы уже в будущем году не только догоним, но и перегоним САСШ. Мы в будущем году доводим цифру машиноснабжения до 1 миллиарда рублей, в то время как в САСШ машиноснабжение в 1928 г. равнялось сумме в 800 млн. руб. Но мы позорно отстали в развитии таких отраслей, обслуживающих сельское хозяйство, как химическая. Здесь мы должны пойти по пути резкого увеличения темпов развития.

Мы начали разрешать ту диспропорцию, которая исторически образовалась в развитии сельского хозяйства и промышленности. Сделан решающий поворот в деле ликвидации этой диспропорции переходом к сплошной коллективизации, так как именно этот переход дал возможность уже в настоящем году разрешить в основном зерновую проблему, что не удавалось до сих пор сделать нашей революции. Здесь одержана победа огромной исторической важности.

Не менее важно то, что путь, на котором достигнуто разрешение зерновой проблемы, освещает нам дорогу к окончательному разрешению животноводческой проблемы и проблемы технических культур. Средство к окончательному разрешению и этих проблем лежит в продолжении курса на быструю коллективизацию, укрупнение сельского хозяйства и строительство совхозов.

Какое колоссальное значение будет иметь разрешение этих коренных и труднейших проблем показывает то обстоятельство, что благодаря ему мы получим сильнейшее орудие и для окончательной победы планового начала во всем народном хозяйстве и для окончательного и полного разрешения «проблемы распределения». Ибо все основные ресурсы, необходимые для этого, будут находиться в руках государства. «Это значит овладеть всеми теми основными факторами, которые определяют бюджет рабочего и его реальную заработную плату. Это значит, обеспечить дело быстрого роста реальной зарплаты наверняка и окончательно». (Сталин).

Но далее. Совершенно ясно также и то, что разрешение этих диспропорций будет означать такое овладение основными материальными ресурсами (средства производства и средства потребления) со стороны государства, которое даст окончательное торжество плановому началу. Стихия рынка будет бессильна против этого материального могущества пролетарского государства, противостоящего ей.

* * *

Яркий революционный переворот охватывает производственные отношения нашей страны. Социалистические формы хозяйства распространяются вширь и вглубь народного хозяйственного организма. Здесь мы отчетливо можем проследить, как и в истории распространения капитализма, две линии развития — интенсивное и экстенсивное развитие — социалистических форм.

Богатейший по своему содержанию и великолепный по результатам путь развития социалистических отношений проделала наша промышленность. Теперь уже никто из наших врагов не осмелится «доказывать» невозможность развития промышленности на основе «бюрократической», «неспособной к прогрессу», «подавляющей индивидуальную инициативу» и проч. социалистической системы. Обобществленный сектор нашей промышленности достиг несокрушимой мощи. На 1929—30 год его доля в продукции крупной промышленности достигла 99,3%, а доля частно-капиталистического сектора упала до 0,7%. «Ясно, что вопрос «кто-кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм, — уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно». (Сталин).

И все же, несмотря на победу социализма в промышленности, процессы революционизирования общественных отношений и внутри нашей промышленности еще не закончены. Неверно было бы думать, что поскольку «последовательно-социалистический тип» предприятий был создан уже в пламени национализации промышленности, постольку структура и характер производственных отношений внутри этой промышленности не подвергаются никаким изменениям в процессе развития переходной экономики. Бурный процесс переделки отношений между людьми во всей стране изменяет решительным образом лицо наших заводов и фабрик. Глубоко правильна мысль тов. Сталина о том, что «в корне изменился облик» наших государственных предприятий (см. «Политотчет ЦК на XVI с'езде»). Растет, развивается действительно коммунистическое отношение к труду. Цифры, характеризующие рост социалистического соревнования и ударничества, прямо поражают уже на первых порах развития этих процессов своей грандиозностью. На 1 марта социалистическим соревнованием было охвачено 2 млн., а ударничеством 1½ млн. промышленных рабочих. Но ясно, что это развитие новых форм труда, ростков подлинного коммунизма, еще все впереди. Творческий энтузиазм масс создаст в будущем гигантское разнообразие форм организации труда, которые до основания переделают оставшиеся издавна и существующие по-старинке традиции, отношения труда в производстве. Наконец, решительный поворот профсоюзов лицом к производству, отражающий и организующий вышеописанный процесс, должен привести все к большему приближению нас к той цели, которая поставлена в отношении профсоюзов и производства нашей партийной программой, к установлению «действительного народного контроля над результатами производства» [1]).

Настоящее весеннее половодье революционной ломки социально-экономических отношений переживает деревня. Перестраиваются снизу доверху, рвутся радикально, уступая место новым, установившиеся веками формы и методы ведения сельского хозяйства. Этот социалистический переворот в деревне, сильнейшим рычагом которого выступает советский трактор, по своей мощности может быть сравнен только с машинным переворотом эпохи промышленной революции, с той только разницей, что последствия первого будут неизмеримо больше, глубже.

---

[1]) Программа РКП(б).

В настоящее время колхозное движение охватило 48,8% крестьянских хозяйств в зерновой (первой) полосе, 25,5% — в производящей (второй), 8,5% — в потребляющей (третьей). Совхозы и колхозы вместе уже в 1930 г. дают более половины всего товарного хлеба и целиком заменили по посевной площади зерновых культур дореволюционного кулака и помещика [1]. Дальнейшее развитие процессов сплошной коллективизации и сопровождающей его ликвидации кулачества на основе все большей тракторизации сельского хозяйства уже в ближайшие годы радикально переделает все сельское хозяйство.

«Мирное», «постепенное» проникновение трактора и комбайна в условиях коллективизации будет означать новые революционные темпы в развитии сельского хозяйства. Сельское хозяйство нашего союза входит в полосу небывалого, совершенно для него до сих пор недоступного увеличения производительности труда и ускорения его прогресса. Рабские темпы развития, к которым «привык» из поколения в поколение крестьянин, должны быть и будут отброшены. В свете этой перспективы исключительное значение приобретает решение XVI с'езда о необходимости коренного пересмотра пятилетнего плана развития сельского хозяйства.

Нет нужды доказывать, что мы стоим накануне революции во всех методах и стадиях сельскохозяйственного производства. Раз начавшийся технический переворот, и по «внутренней» технической логике и под активным воздействием социальной формы производства, будет воспроизводиться на все большей основе и вглубь и вширь, пока не будет переустроен в корне весь технический базис сельского хозяйства. Для этого потребуется, конечно, ряд лет, в течение которых лошадь будет еще «сотрудничать» с трактором, интенсивная тракторизация будет перегонять процессы химизации или электрификации сельского хозяйства, технические сдвиги в области животноводства или другой отрасли сельского хозяйства развиваться непропорционально техническим сдвигам в сфере зерновых культур и т. д. Но «техническое соревнование» и распространение передовой техники будет во всех сферах и во всех фазах сельского хозяйства таким же обязательным законом развития, как и закон распространения коллективистических форм хозяйства.

Какие огромные перспективы развития новой техники и новых коллективистических производственных отношений разворачиваются перед нашим сельским хозяйством в настоящее время, показывают возможности распространения у нас крупного машинизированного хозяйства. Здесь мы имеем такое положение, которое может быть названо как бы «порочным кругом», получающим прекрасное разрешение в условиях диктатуры пролетариата. С одной стороны, условием распространения передовой сельскохозяйственной техники (тракторы, комбайны и т. д.) является, как этому учит опыт, наличие крупных размеров хозяйства. С другой,—условием действительного, прочного и прогрессивного укрупнения сельского хозяйства является, без сомнения, распространение трактора. Этот порочный круг, в условиях капиталистической действительности таких стран, как Америка, разрешается на пути насильственного проникновения тракторной техники, посредством беспощадного разорения мелких и слабых хозяев-фермеров и развивающейся, таким образом, концентрации сельского хозяйства. Однако, условия частной раздробленной собственности не дают возможности действительного и полного разрешения этой проблемы. Но условия, в которых развивается наше сельское хозяйство, полностью и до конца обеспечивают осуществление по этой линии переворота в способе сельскохозяйственного производства.

[1]) Доклад т. Яковлева на XVI с'езде.

Возьмем факты. Опыт говорит о том, что применение тракторов и комбайнов требует для полного их использования такой величины хозяйства, которая является только в весьма ограниченной степени доступной для капиталистического сельского хозяйства. Так, в САСШ в отношении пшеницы «для достижения максимальной экономии необходимо довести нагрузку комбинированной жатки до максимальной степени. При машине средних размеров это значит, что в течение сезона она должна обслужить около тысячи акров» [1]). В отношении кукурузы «внимательные наблюдатели начинают приходить к выводу, что наилучшим типом фермы, базирующейся на труде членов семьи, является владение в 640 акров и что коммерческие хозяйства высшего типа достигают наилучших результатов, если хозяйственные единицы имеют площадь в 1.000 или даже в 2.500 акров» [2]).

В отношении хлопка, «вместо клочка земли в 10 акров, на котором посадка, подрезка и сбор производится ручным способом, согласно исконным традициям старой хлопковой зоны, появляется ферма в 160—320 акров, где работа производится членами семьи» [3]).

Ясно, что оптимальная величина хозяйства, диктуемая новыми техническими условиями, в огромном большинстве случаев не является достижимой для капитализма. Совершенно иначе обстоит дело у нас. Мы имеем беспредельные возможности развития крупного механизированного хозяйства. Уже сейчас средняя величина колхоза в первой (зерновой) полосе равна 1.200 га.

Распространение тракторной техники, которое делается возможным благодаря наличию крупного коллективного хозяйства, в свою очередь создает новые предпосылки для еще большей концентрации сельского хозяйства. Трактор и комбайн необычайно увеличивают масштаб, оптимальный размер сельскохозяйственной единицы. Благодаря тракторизации, те относительные пределы, которые были поставлены концентрацией в сельском хозяйстве, гигантски раздвигаются. А что такие относительные пределы существовали в основном вследствие частной собственности на землю, это признавали все марксисты. Это писал Каутский еще тогда, когда он был марксистом, в своей работе «Аграрный вопрос». Это же признавал и Ленин, когда в полемике с Булгаковым говорил, что «превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного предела» [4]). Так, например, одним из препятствий к распространению крупного капиталистического сельского хозяйства считалось отсутствие достаточного количества рабочих рук. Об этом Ленин писал, передавая мысль Каутского и целиком с ней соглашаясь, следующим образом: «В числе условий, ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих, вследствие ухода населения из деревень, заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землей, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам» [5]).

Таким образом, в ряде мест крупное сельское хозяйство развивалось, вследствие этого, не в своем, так сказать, «чистом» виде, без всяких примесей, а в значительно «затемненном» и осложненном виде, в виде огромных хозяйственных тел—единиц, окруженных группами мелких, карликовых крестьянских хозяйств, специально поставлявших рабочую силу.

Так, например, другим обстоятельством, значительно затруднявшим победное шествие крупного сельского хозяйства, являлась его территориальная обширность по сравнению с крупным промышленным предприятием, что не

[1]) «Новейшие изменения в экономике САСШ», т. II, стр. 17.
[2]) Там же, стр. 186.
[3]) Там же, стр. 190.
[4]) Ленин, т. IX, стр. 17.
[5]) Ленин, т. IX, стр. 30.

могло не приводить к неудобствам в управлении таким крупным хозяйством и т. д. Существуют ли эти особенности в действии закона концентрации в сельском хозяйстве в настоящее время? Безусловно. Однако, применение трактора, комбайна, механической тяги, автомобилизация и т. д. в сельском хозяйстве, разве все это не отодвигает в огромной степени уже при капитализме пределы концентрации и оптимальной величины сельскохозяйственного предприятия? Разве все это уже для капитализма не ставит сейчас по-иному вопрос о концентрации в сельском хозяйстве, нежели во время споров между Давидом и Каутским? И разве и на этом примере не подтверждается снова блестяще марксова теория концентрации?

Теперь уже не могут даже за эти обстоятельства цепляться ревизионисты и буржуазные экономисты для того, чтобы «доказать» недействительность марксова закона концентрации в отношении сельского хозяйства. Ибо, если раньше развитию машинизированного сельского хозяйства несколько мешала редкость населения в ряде мест, то теперь, «именно это обстоятельство и способствует быстрому введению машин, приводимых в действие механической силой» [1]), и не нуждающихся в большом количестве мускульной энергии рабочего. Вот почему американские экономисты и капиталисты-фермеры с тоской вспоминают теперь о том, что такие страны, как Австралия, Аргентина, с редким населением, именно благодаря трактору и комбайну могут превратиться в страны крупного механизированного сельского хозяйства, обладающие огромной конкурентоспособностью на мировом сельскохозяйственном рынке.

То же самое с территориальной громоздкостью крупного сельскохозяйственного предприятия. Это, казавшееся буржуазным экономистам еще недавно «непреодолимым» препятствие, «разбивающее наголову» марксов закон концентрации, все более преодолевается такими «вещами», как автомобилизация и т. д.

Но исключительно необозримые горизонты в отношении концентрации сельского хозяйства раскрываются в нашем хозяйственном строе обстановкой национализации земли и развивающейся коллективизации. Какие, например, возможности развития крупных сельскохозяйственных гигантов таятся в таких областях и республиках, как Сибирь, Казакстан и другие! То, чего мы сможем добиться в работе по созданию крупного механизированного сельского хозяйства, должно превзойти все то, о чем когда бы то ни было мечтали деятели капиталистического мира.

«Тракторная революция» на базе коллективизации, происходящая в деревне, уже приводит к коренному изменению отношений между сельским хозяйством и промышленностью, с одной стороны, и внутри сельского хозяйства — с другой.

Здесь вполне возможна «аналогия» с действием трактора в условиях капитализма. И в условиях капитализма введение трактора по-иному ставит проблему сбыта, проблему цен, отношений между отдельными хозяйствами и т. д.

Огромное уменьшение себестоимости производства и увеличение производительности хозяйств, в которых вводится трактор, необычайно обостряет проблему сбыта в условиях капитализма. Как обстоит дело в этом отношении у нас? У нас тоже развитие трактора на основе коллективизации ставит по-иному проблему сбыта сельскохозяйственной продукции городу. Но в чем это выражается? Это выражается в том, что сбыт сельскохозяйственных продуктов перерастает рамки индивидуальной товарно-денежной сделки индивидуального мелкого собственника в деревне с городским покупателем. А именно, с такой сделкой мы имели дело в первый период нэпа, когда, как говорил Ленин, «с товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» [1]). Сбыт сельскохозяйственной продукции решительно перестает быть индивидуальной сделкой, «обыкновенной куплей-продажей», становится договорным отношением между коллективным хозяйством города и коллективным хозяйством деревни о взаимном обмене продуктами. Купля-продажа перерождается в организуемый под руководством пролетарского государства социалистический продуктообмен.

[1]) «Новейшие изменения в экономике САСШ», т. II, стр. 182.

При этом следует отметить, что если условия для такого превращения даются процессами обобществления, происходящими в деревне, то незыблемый фундамент под этот процесс закладывается развитием механизации сельского хозяйства, не только позволяющей, но и диктующей в нашем строе переход к социалистическому продуктообмену деревни с городом. Из этого видно, что действительно по-иному и по-новому ставит введение трактора в сельское хозяйство «проблему сбыта» в СССР.

Трактор, обостряет, выражаясь мягко, проблему сбыта в капиталистических условиях. Трактор порождает социалистический продуктообмен деревни с городом в советских условиях.

«По-новому» ставится проблема цен в отношениях внутри сельского хозяйства, благодаря распространению трактора в капиталистических условиях. Увеличение производительности труда, удешевление продукта в одних предприятиях приводит к разорению и гибели ряда других предприятий. Это происходит на основе неумолимого закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия в капиталистическом обществе. «Благодетельное» действие трактора в САСШ за семь послевоенных лет, по официальным данным «Ежегодника сельского хозяйства Соединенных Штатов», выражается в том, что более чем 3 млн. фермеров должны были бежать в города. О полной безвыходности американских фермеров пишут наиболее честные американские экономисты.

У нас тоже радикально меняются отношения внутри сельского хозяйства под воздействием трактора. Но здесь действие это получает выражение в прямо-противоположных результатах. В нашем хозяйственном строе осуществляется то, что говорил Маркс о последствиях введения коллективного хозяйства в земледелии. Выгоды, которые получает отдельное сельскохозяйственное предприятие в условиях коллективного хозяйства, не ведут ни к разорению и гибели других предприятий (если не считать только небольшой кучки кулаков, которые экспроприируются), ни к получению огромной дани с общественного развития, ввиду высоких сельскохозяйственных цен, предприятиями, находящимися в наиболее благоприятных условиях. Наоборот, эти выгоды ведут все больше к общему уменьшению себестоимости сельскохозяйственных продуктов и к общему под'ему сельского хозяйства.

А в отношениях между коллективистическим сектором сельского хозяйства и индивидуальным сектором, который сохранится еще на ряд лет в этой сфере отношений в деревне, развитие крупного механизированного хозяйства приводит к новому интереснейшему и важнейшему явлению в нашей сельскохозяйственной экономике. Взамен бешеной борьбы между крупным тракторизованным хозяйством и мелким хозяйством с разорением и смертью мелкого, как неизбежными последствиями, которая (борьба) имеет место в капитализме,—мы в настоящее время являемся очевидцами начинающегося великого экономиче-

[1]) Ленин, т XVIII, ч. I, стр. 398.

ского соревнования двух систем в сельском хозяйстве, двух секторов,—обобщественного и индивидуального, соревнования, предполагающего в качестве непременного условия всемерную помощь со стороны коллективистического сектора бедняку и середняку-единоличнику.

Наконец, гигантское воздействие должно оказывать развитие крупного механизированного хозяйства в направлении *ликвидации* основного противоречия всей истории человечества, *противоречия между городом и деревней*. Здесь мы находимся только в самом начале пути. Но совершенно очевидно, что распространение трактора, комбайна, автомобиля и проч. в сельском хозяйстве означает начало конца «идиотизма крестьянской жизни». Тракторист, рабочий совхоза и т. д. мало чем отличается от рабочего промышленности.

Рушится тысячелетняя грань, которая во всех классовых обществах существовала между городом и деревней. Наша партия должна смело итти навстречу этому процессу, руководя им, используя все имеющиеся рычаги для успехов в этом деле.

Факты из области развития современного сельского хозяйства в нашей стране и в капиталистических государствах являются поистине классическим доказательством того прямо противоположного, общественного эффекта, который имеет техника, в зависимости от того, в каких общественно-экономических условиях она получает свое применение. Ибо «противоречий и антогонизма, нераздельных с капиталистическим приложением машин, не существует, так как они порождаются не самими машинами, а капиталистическим их приложением» [1]). Трактор, создающий величайшие бедствия в капиталистических странах, становится основным орудием социалистического переворота нашего сельского хозяйства.

Только в нашем общественном строе даны условия для такой переделки людьми техники, и переделки новой техникой общественных отношений производства, которая действительно превращает новую технику в величайшую в истории революционную производительную силу, перестраивающую мир на наиболее высоких основах.

Насколько грандиозна перестройка общественных отношений в деревне, показывают революционные *изменения классовых взаимоотношений в деревне*. С одной стороны, вырываются корни капитализма в деревне. В огне ожесточенной классовой борьбы уничтожается кулачество как класс. С другой,—происходит качественная переделка огромных миллионных масс середнячества, вступающих в колхоз и там изменяющих под руководством пролетариата свою природу, превращающихся в прочную экономическую и политическую *опору* советской власти в социалистическом строительстве.

В классовой структуре советская деревня проделывает исключительный по масштабу *революционный скачок* в своем развитии, минуя целый ряд «обычных», с точки зрения существовавших до сих пор для крестьянского хозяйства всех стран «правил», *промежуточных ступеней*. Трактор и коллективизация осуществляют *непосредственный* переход от патриархальщины и мелкого и мельчайшего хозяйства к социализму. Так (если взять пример из отсталых окраин), самоеды-кочевники, коллективизирующие на далеком севере свое хозяйство, сразу начинают жить «*не по шаману, а по плану*». Этим характеризуется глубина изменений, происходящих на настоящем этапе в сельском хозяйстве.

* * *

Нынешний этап особенно убедительно доказывает глубокую правильность мысли классиков марксизма о *переходном периоде*, как о

[1]) Маркс. «Капитал», т. I, стр. 309.

периоде революционного преобразования капиталистического общества в общество коммунистическое. Эту мысль забывают оппортунисты всех мастей и оттенков. То, что диктатура пролетариата, экспроприируя экспроприаторов, тем самым открывает целую историческую эпоху революционной переделки старого общества,—никогда не признавалось и не признается оппортунистами. «Диктатура пролетариата предполагает и означает,—говорил Ленин,—«состояние» неприятного для ренегатов *революционного насилия* одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь» [1]).

Этот характер переходного периода чрезвычайно ярко и обнаруживается на нынешней стадии переходного периода, когда происходит «последний и решительный бой с внутренним капитализмом», когда «рвутся экономические связи капитализма и опрокидываются вверх дном все силы старого мира» (Сталин), когда ликвидируется база капитализма в стране, когда развертывается решительное наступление социализма на капитализм по всему фронту. Мудрено ли, что нынешний этап переходного периода знаменуется чрезвычайным обострением классовой борьбы, в которой отживающие, умирающие классы яростно защищаются, пядь за пядью, от наступающего социализма? «Историческая правда состоит в том, что *правилом* является при всякой глубокой революции *долгое, упорное, отчаянное* сопротивление эксплоататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплоатируемыми. Никогда—иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского—эксплоататоры не подчиняются решению большинства эксплоатируемых, не испробовав в последней, отчаянной борьбе, в ряде битв своего преимущества. Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается в *попытки* реставрации» [2]). Нынешний этап полностью подтверждает эти слова.

Мудрено ли, что именно на этом этапе становится *особенно опасным* непонимание этих марксистских положений, характерное для всех тех, кто всячески хочет замазать, смягчить этот неумолимый закон революции—закон классовой борьбы? А это непонимание и характерно для *правого оппортунизма*. В лучшем случае правые оппортунисты признают, что нынешний этап чреват большими техническими сдвигами, ростом производительных сил, производства и т. д. Но, что этот этап есть этап колоссальной *революционной* ломки старых *социально-экономических отношений*, наступления социализма на капитализм и, следовательно, чрезвычайного *обострения классовой борьбы*,—этого представители правого оппортунизма признать не могут. Вот, что вынужден был сказать по этому поводу и т. Томский: «Моя ошибка заключалась в недооценке и в слишком узком понимании этой величайшей политики партии, как, главным *образом, реконструкции* технической, промышленной *реконструкции*. Не поняв ее социального смысла, ее величайшего смысла, не поняв того, что это не есть только реконструкция промышленности, хотя бы и социалистической промышленности, на более высокой технической базе, но что это есть в то же время и реконструкция социальная, перестройка всего народного хозяйства, влекущая за собой перестройку всей жизни страны; что индустриализация это не есть только построение фабрик, хотя бы и социалистических фабрик, индустриализация это не только постройка заводов-гигантов, индустриализация это не только пропорциональное изменение в соотношении промышленности и сельского

[1]) Ленин, т. XV, стр. 452.
[2]) Ленин, т. XV, стр. 467.

хозяйства,—социалистическая индустриализация и реконструкция—это есть превращение страны из отсталой, аграрной страны, страны мелкобуржуазной стихии и мелкого сельского хозяйства, в страну индустриально-социалистическую, в страну крупного обобществленного социалистического земледелия» [1]).

Понятно, что правые оппортунисты давали в корне неверную оценку новому этапу, сводя его к периоду «мирной», «экономической эволюции» к социализму и целиком выбрасывая из него самое главное, что характеризует его — именно решительное наступление социализма по всему фронту. Все это делалось на том «глубоком» основании, что такое наступление противоречит принципам нэпа. Но такое понимание нэпа решительно порывает с ленинским учением о нэпе.

В политотчете ЦК на XVI с'езде партии тов. Сталин говорит: «Допустимо ли вообще наступление и при том наступление по всему фронту в условиях существования нэпа?

Иные думают, что наступление несовместимо с нэпом, что нэп есть, по сути дела, отступление, что, коль скоро отступление кончено, нэп должен быть отменен. Это, конечно, глупость. Глупость, исходящая либо от троцкистов, которые ничего в ленинизме не поняли и думают «отменить» нэп в «два счета», либо от правых оппортунистов, которые тоже ничего в ленинизме не поняли и болтовней об «угрозе отмены нэпа» думают выторговать себе отказ от наступления».

«На самом деле нэп предполагает не только отступление и допущение оживления частной торговли, допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства (начальная стадия нэпа). На самом деле нэп предполагает вместе с тем на известной стадии развития наступление социализма на капиталистические элементы, сужение поля деятельности частной торговли, относительное и абсолютное сокращение капитализма, растущий перевес обобществленного сектора над сектором необобществленным, победу социализма над капитализмом (нынешняя стадия нэпа). Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами. Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются,— но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа» [2]).

Таким образом, ничего общего с ленинизмом не имеет представление о нэпе и новом этапе, развиваемое правыми уклонистами и троцкистами и сводящееся к тому, что за борт выбрасывается основная задача нынешнего этапа — доведение до конца решительного наступления социализма по всему фронту.

При введении нэпа Ленин задачу построения фундамента социализма выдвигал в качестве центральной задачи нашей экономической политики. «При условиях громадного разорения страны и истощения сил пролетариата рядом усилий, почти сверхчеловеческих, мы боремся, — говорил Ленин, — за самое трудное — фундамент действительно социалистической экономики, за правильный товарообмен (вернее, продуктообмен) промышленности с земледелием» [3]).

Говоря о фундаменте социализма, Ленин, прежде всего, имел в виду такое состояние промышленности и сельского хозяйства, которое давало бы полную возможность организации социалистического продуктообмена, «об-

---

[1]) Стенографический бюллетень XVI партс'езда, № 6, стр. 18.
[2]) Сталин, Политотчет ЦК на XVI с'езде.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 359.

мена продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства» [1]).

Нашей партии не удалось осуществить этот переход к социалистическому продуктообмену на путях непосредственного товарообмена. Пришлось отступить к торговле, к купле-продаже, для того, чтобы этим путем—окружным и длительным—достигнуть того, что является целью нашей экономической политики в переходный период. Теперь уже ясно, что мы в состоянии в нынешний и последний этап нэпа поставить перед собой в качестве основной непосредственной задачи выполнение этой цели — организации социалистического продуктообмена, построения экономического фундамента социализма, с тем только отличием от постановки этого вопроса в 1921 г., что социалистический продуктообмен, к которому мы идем в настоящее время, есть социалистический продуктообмен с коллективизированным крупным сельским хозяйством, а не с индивидуальным крестьянским хозяйством, как это предполагалось в 1921 г., т.-е. это есть социалистический продуктообмен на более высокой ступени.

Партия сделает все для того, чтобы эту поставленную XVI с'ездом задачу — завершения постройки фундамента социалистического общества— выполнить в кратчайшие исторические сроки.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 190.

Проблемы индустриализации на XVI с'езде ВКП(б).

Неуклонно, упорно и систематически проводимый партией курс на индустриализацию страны, на превращение нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную дал свои результаты.

Из года в год все нарастающими темпами растет наша социалистическая промышленность. Безнадежно битой оказалась «теория» затухающей кривой темпов нашего индустриального развития. До конца разоблаченными оказались и «ученый» скептицизм буржуазных экономистов и «тараканьи» страхи правых оппортунистов. Промышленность у ж е достигла таких темпов своего развития, которых не знала ни одна капиталистическая страна, ни в одном из самых блестящих периодов своего развития. Но и эти темпы, как показывает вся практика нашего хозяйствования, еще далеко не являются предельными. И уже следующий 1930/31 год обещает дать такой п р и р о с т промышленной продукции, который будет равен всему промышленному производству капиталистической России.

Из года в год все нарастающими темпами растет наша социалистическая индустрия, повышая свой удельный вес в народном хозяйстве, усиливая и укрепляя позиции социализма в нашей стране. Если в довоенное время доля промышленности в валовой продукции страны, составляла немногим более $2/5$, то уже в 1929/30 году она составит б о л ь ш е п о л о в и н ы (53%) всей совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства.

Что это значит?

«Это значит,—говорит тов. Сталин в своем отчетном докладе,—что удельный вес промышленности начинает уже возобладать над удельным весом сельского хозяйства и мы находимся накануне превращения из страны а г р а р н о й в страну и н д у с т р и а л ь н у ю».

Из года в год все нарастающими темпами растет тяжелая индустрия—эта основа социализма,—повышая свой удельный вес в промышленной продукции. Если еще в 27/28 году тяжелая индустрия составляла немногим больше $2/5$ в продукции всей планируемой ВСНХ промышленности, то уже в текущем году она составит немногим менее п о л о в и н ы, а в будущем 1930/31 году на ее долю придется уже б о л ь ш е п о л о в и н ы всей промышленной продукции.

Что это значит?

«Это значит,—говорит тов. Сталин,—что мы уже подняли и развертываем дальше основу нашей экономической независимости, нашу тяжелую индустрию».

Вот почему XVI партийный с'езд с полным правом мог сказать:

«Рост социалистической промышленности, повысив ее удельный вес, роль и влияние в народном хозяйстве, означал в то же время рост и усиление влияния последовательно-социалистических форм производственных отношений, неизмеримо усилил позиции социализма в нашей

стране, создав технико-экономическую базу для решительного поворота бедняцко-середняцких крестьянских масс к социалистической организации земледелия».

Так рисуются итоги нашего индустриального развития за время с XV по XVI с'езд, за первые два года действия пятилетнего плана. Далеко позади остался довоенный уровень промышленного производства. Превышены проектировки пятилетнего плана. И Советский Союз—страна пролетарской диктатуры—в бешеном беге вперед практически осуществляет лозунг: догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Удельный вес промышленности СССР в общемировом производстве из года в год растет. И только за четыре последних года социалистическая промышленность нашего Союза увеличила свой удельный вес в общемировом производстве в п о л т о р а р а з а по нефти, в 1,6 раза по углю и в д в а р а з а по чугуну.

Где корни и причина этого явления? В величайших преимуществах советской системы хозяйства перед капиталистической. То, чего промышленность Советского Союза в своем стремительном беге вперед достигает м е с я ц а м и, промышленность капиталистических стран требует д о л г о г о р я д а л е т. Вот небольшая таблица, красноречиво иллюстрирующая это положение.

Об'ем промышленного производства стран капитализма.

(В 1913=100)

Годы	Индексы физического об'ема производства					
	САСШ	Германия	Англия	Франция	Бельгия	Италия
1	2	3	4	5	6	7
1913	100	100	100	100	100	100
1921	97	78	68	55	54	69
1922	127	89	81	78	72	81
1923	152	56	89	88	84	91
1924	141	80	90	109	94	103
1925	156	94	87	108	86	130
1926	163	90	67	126	114	127
1927	160	114	96	110	116	114
1928	165	116	93	127	124	—
1929	177	117	100	139	—	—

Таковы «достижения» капитализма!

Шестнадцать лет потребовалось английской промышленности только для того, чтобы в 1929 году достичь... 1913 года. Недурной успех! Шестнадцать лет потребовалось Германии, чтобы на 17% повысить об'ем своего промышленного производства! Промышленность Советского Союза для таких достижений требует н е г о д ы, а м е с я ц ы.

Разоренная долгими годами империалистической и гражданской войны, упав к 1921 году до 20% своего довоенного уровня производства, **п р о м ы ш л е н н о с т ь С о в е т с к о г о С о ю з а з а д е в я т ь л е т м и р н о г о х о з я й с т в е н н о г о с т р о и т е л ь с т в а в д е с я т ь р а з у в е л и ч и л а с в о е п р о и з в о д с т в о, п р е в ы с и в в д в а р а з а д о в о е н н ы й у р о в е н ь п р о м ы ш л е н н о й п р о д у к ц и и.**

Ну как же после этого рыцарям II Интернационала не упрекать большевиков в неумении хозяйствовать! Разве не показывают эти герои ночных колпаков на примере своих стран, как нужно хозяйствовать?

Таковы итоги прошлых лет, таковы первые итоги нашего соревнования с капитализмом.

* * *

Как же выглядят ближайшие перспективы?

На этот вопрос лучший ответ дают те предварительные наметки контрольных цифр на будущий год, которыми мы располагаем.

Планируемая ВСНХ промышленность увеличит, согласно этим проектировкам, свою валовую продукцию на 47%, или до 27 млрд. рублей. При этом, что особенно важно подчеркнуть, тяжелая индустрия должна будет увеличить свою продукцию на 62—63%.

Что это будет означать с точки зрения выполнения пятилетнего плана? Это будет означать, что *в целом по промышленности уровень промышленного производства последнего года пятилетки будет достигнут уже в третьем году пятилетки* (92%).

Однако, по отдельным отраслям промышленности ход выполнения пятилетнего плана идет неравномерно. И эту неравномерность, прежде всего, можно наблюдать в динамике развития двух основных подразделений промышленности: тяжелой и легкой индустрии.

	Рост за 3 года (1930/31 в %% к 1927/28 г.)		1930/31 г. в %% к 1932/33 г.
	По пятилетке.	По К. Т. на 1930/31 .	
Тяжелая индустрия . .	196,3	349,9	111,4
Легкая индустрия . . .	161,9	163,1	72,4

Таким образом, если легкая индустрия идет в целом на уровне пятилетки, тяжелая индустрия увеличит свое производство за три года в *три с половиной раза*, вместо *двух раз*, как это предполагалось пятилетним планом. *Задание пятилетнего плана тяжелой индустрии будет выполнено* (с превышением на 11,4%) *в первые же три года пятилетки!*

Однако, в самой тяжелой индустрии по отдельным ее отраслям ход выполнения пятилетнего плана осуществляется неравномерно. В то время, как одни отрасли тяжелой индустрии далеко обгоняют проектировки пятилетнего плана для последнего года пятилетки, другие отстают, хотя и идут с превышением заданий пятилетки.

Вот табличка, это иллюстрирующая.

Промышленность	Рост за 3 года 1930/31 г. в % к 1927/28 г.		1930/31 г. в % к 1932/33 г.
	По пятилетке	По К. Т. на 1930/31 г.	
Каменноугольная	155	202,5	95,2
Нефтяная	166	266	118,2
Черная металлургия	176,8	207,7	75,3
Общее машиностроение	198,8	482,1	136,5
С.-х. машиностроение	222,8	552,6	188,6
Электротехническая	235,8	590,5	121,0
Основная химическая	272,3	390,0	65,2

Несмотря на существенное превышение проектировок пятилетнего плана для третьего года пятилетки (1930/31 г.) по основной химической промышленности и черной металлургии, задание пятилетнего плана (в целом) в третьем году пятилетки ими выполнено не будет. Каменноугольная промышленность, увеличив свое производство за три года *в два раза*, вместо *полутора раза* по пятилетке, будет близка к полному выполнению проектировки пятилетнего плана. *Такие же отрасли промышленности, как нефтяная, электротехническая, общее и с.-х. машиностроение, уже в третьем году пятилетки далеко перевыполнят тот уровень производства, который намечался лишь для пятого года пятилетки.*

* * *

Уже в сопоставлении этого ряда цифр, характеризующих ход выполнения пятилетнего плана, явственно видно, что наиболее «узкое» место в планах развития нашей промышленности—*уголь и металл*. Не сделав решительно поворота в сторону форсированного развития этих двух основных отраслей промышленности, мы рискуем поставить под угрозу весь ход нашего дальнейшего промышленного развития. Не обеспечив необходимых темпов развития за этими отраслями промышленности, не пересмотрев в сторону значительного увеличения их перспективных планов, мы рискуем оставить наше машиностроение без металла, а металлургию без угля, мы рискуем ослабить общие темпы нашего индустриального развития. Вот почему величайшую историческую важность и значение приобретает решение XVI с'езда партии, которым он «одобряет решение ЦК ВКП(б) о доведении выплавки чугуна в 1932/33 г. не менее чем до 17 млн. тонн и ставит эту задачу перед всеми партийными, профессиональными и общественными организациями, как важнейшую народнохозяйственную задачу».

Ни на минуту нельзя забывать ни важности этой, в подлинном смысле этого слова, титанической задачи, ни величайшей трудности ее осуществления. Разрешив эту задачу, Советский Союз далеко обгонит целый ряд крупнейших капиталистических стран (Англия, Франция, Германия) и как производитель чугуна выдвинется на *второе* место после САСШ. К концу пятилетия, больше чем в четыре раза превысив довоенные размеры, наше производство чугуна будет равно современному производству Англии и Франции, *вместе взятых*. Мы должны всячески форсировать развитие нашей металлургии, ибо иначе при взятых и проводимых темпах развития машиностроения и общем росте потребности в металле мы рискуем создать новую диспропорцию между производством и потребностью в металле.

17 млн. тонн чугуна—это то, что вошло теперь в программу партии на оставшиеся годы пятилетки, и как программное задание партии оно должно быть выполнено.

Трудности же, связанные с выполнением этой программы, заключаются не только в той грандиозной строительной работе, которую мы должны будем проводить в области металлургии. За этот короткий промежуток времени мы должны будем построить *пять* гигантов металлургии (из которых *два* войдут в этом пятилетии еще не полностью), мощность которых будет превышать мощность всех 39 работающих ныне заводов. Эта задача сама по себе и грандиозна и исключительно сложна и трудна. Но этим трудности, стоящие перед нами, не ограничиваются. И тов. Куйбышев в своем заключительном слове это прекрасно показал.

«На вопрос о том, что представляет собой план оставшихся трех лет, можно прямо и коротко ответить: 17 млн. тонн чугуна

Потому что 17 млн. тонн чугуна сами собой определяют все остальное. Если 17 млн. тонн чугуна — значит такое-то машиностроение, если 17 млн. тонн чугуна — значит такая-то химия, 17 млн. тонн чугуна это значит такое-то развитие угольной и коксовой промышленности, 17 млн. тонн чугуна — значит уже предрешен вопрос о развитии путей сообщения, мощности транспорта и т. д.».

Предварительное уточнение проектировок пятилетнего плана показывает, что к концу пятилетия мы должны будем иметь не менее 130—135 млн. тонн каменного угля [1]).

* * *

Но, определяя в значительной мере общий темп нашего промышленного развития, необходимость доведения к концу пятилетия производства чугуна до 17 млн. тонн с еще большей остротой выдвигает проблему машиностроения как центральную народнохозяйственную проблему. Широко известно, что, несмотря на исключительно высокие темпы нашего машиностроения, продукция его производства все же отстает от еще более высоких темпов роста потребности в машинах, станках и оборудовании. Лимит, который ставит перед нами ограниченность нашего машиностроения, является наиболее серьезным, наиболее трудно преодолимым. Именно по этой линии—машины и оборудование—наша зависимость от капиталистических стран особенно нетерпима. Имея свою собственную, поставленную на прочное основание, машиностроительную промышленность мы сумеем разрешить любую народнохозяйственную проблему, разрешить любую задачу, которая будет поставлена перед нами в ходе хозяйственного развития. И именно здесь мы, в первую очередь, и раньше всего должны впитать в себя и перенести на советскую почву самые последние достижения мировой техники. Разрешив эту задачу, мы разрешим задачу задач в деле завоевания хозяйственной независимости.

Мы достигли больших и количественных и, что особенно важно, качественных успехов в деле постановки собственного машиностроения. Достигнув в будущем 1930/31 г. 2,5 млрд. рублей наше машиностроение в 8 раз превысит уровень довоенного машиностроения и до 14% повысит свой удельный вес в мировой машиностроительной промышленности. Одновременно с этими бурными темпами развития машиностроительной промышленности еще более бурно растут новые производства и новые отрасли машиностроительной промышленности.

Продукция новых видов машиностроения, которых никогда ранее не было, росла, таким образом, говорил тов. Куйбышев в своем докладе, что если в 1927/28 году мы имели ее на 41 млн. рублей, то в будущем году проектируется уже на 552 млн. рублей, иначе говоря, за эти три года увеличится больше чем в 10 раз. Удельный вес новых производств в общей продукции машиностроения возрастет с 7 до 21%, т.-е. в три раза.

Еще рельефнее выступят эти успехи, если сопоставить эту цифру новых производств, которую мы проектируем на будущий год, со всем машиностроительным производством в довоенное время. На 552 млн. рублей продукции запроектировано выпустить на будущий год только по новым отраслям машиностроения, между тем вся довоенная промышленность давала лишь немногим больше 300 млн. рублей.

[1]) Я не затрагиваю, в настоящей статье, во всем об'еме поставленную XVI с'ездом проблему географического размещения промышленности, поскольку этой теме в «Большевике» была посвящена особая статья

Вот тот ряд цифр, которые свидетельствуют как об успехах нашего машиностроения, так и о реальном ходе выполнения директивы об освобождении нашего хозяйства от капиталистической зависимости:

300 млн. рублей — довоенное производство машиностроительной промышленности.

2,5 млрд. рублей — в 1930/31 году, из которых 552 млн. рублей приходится на новое производство

То же самое нужно сказать и в отношении электротехнической промышленности Из общей суммы электротехнической промышленности в 492 млн. рублей новые производства дадут уже в текущем году около 105 млн. рублей, т.-е. 21%.

И тем не менее всего этого недостаточно. До сих пор продукция нашей машиностроительной промышленности не удовлетворяет потребности развивающегося народного хозяйства, до сих пор по ряду важнейших отраслей промышленности мы находимся в сильной зависимости от капиталистических стран.

Вот почему в резолюции XVI с'езда «О выполнении пятилетнего плана промышленности» подчеркивается, что,

> «несмотря на высокие темпы развития, продукция машиностроительной промышленности является наиболее узким местом в народном хозяйстве, ограничивая тем самым возможности развития как самой промышленности, так и всего народного хозяйства.
>
> XVI с'езд считает необходимым, чтобы план машиностроения был пересмотрен под углом зрения решительного высвобождения промышленности и народного хозяйства от иностранной зависимости и обеспечения основных потребностей народного хозяйства продукцией собственного машиностроения».

Одновременно с этим машиностроительная промышленность должна всячески форсировать мобилизацию своих собственных производственных резервов. А таких резервов, несмотря на всю значительность темпов своего развития, наше машиностроение имеет непочатый край. Достаточно сказать, что до сих пор коэффициент сменности на наших крупных машиностроительных заводах определялся в 1,25. Что это значит? Это значит, что оборудование наших машиностроительных заводов использовалось, по крайней мере, только на половину своей производственной мощности. Только за счет увеличения сменности и доведения коэффициента сменности до 2,5 — 2,7 наше машиностроение могло бы вдвое увеличить размеры своего производства и дать индустриализирующейся стране те машины и то оборудование, недостаток которых ограничивает «возможности развития как самой промышленности, так и всего народного хозяйства».

Почему этот резерв до сих пор не был мобилизован и не был поставлен на службу делу социалистического строительства?

Кстати сказать, сходное, или во всяком случае близкое к этому положение мы имеем и в нашей каменноугольной промышленности. Мы испытываем недостаток в каменном угле, мы ведем усиленное шахтное строительство, вкладывая в него громадные суммы. Между тем, в малой сменности, в возможности увеличения сменности каменноугольная промышленность имеет несомненные и притом значительные резервы. В Донбассе, как правило, работают в две смены, что означает 10 часов полезной работы под'емного оборудования. Введение же третьей смены и установление смены рабочих на месте работы (хотя бы в наиболее удобных для этого шахтах) совершенно по-иному поставило бы всю нашу топливную проблему.

Но резервы машиностроения далеко не исчерпываются увеличением коэффициента сменности. Нами до сих пор не поставлено как следует быть дело использования нашей местной металлопромышленности. По ряду этих местных заводов металлопромышленности мы имеем такое положение, когда они оказываются не загруженными полностью даже в одну смену! Между тем и эти заводы могут взять на свои плечи весьма значительную программу в области машиностроения. О том же, какие в этой области у нас имеются резервы, достаточно красноречиво говорит следующий факт. По заводам украинской местной металлопромышленности была проведена в эти летние месяцы работа по выяснению их производственных возможностей. И результаты оказались исключительно благоприятные. Контрольными точками на 1930/31 год задание для украинской местной металлопромышленности было определено в 235 млн. рублей. После обследования и проверки их производственной возможности, эта цифра была повышена до 400 млн. рублей. И у нас нет никаких оснований думать, что эта цифра нереальна, преувеличена. Скорее,—наоборот, эта цифра минимальна и при дальнейшем уточнении, при дальнейшей работе по определению производственной мощности этих заводов она может быть и должна быть увеличена.

Работа, сходная с той работой, которая проделывалась по украинской местной металлопромышленности, сейчас проделывается и по местной металлопромышленности РСФСР. И можно не сомневаться, что и здесь удастся добиться не меньших успехов.

Что же все это значит? Это значит, что мы до сих пор не научились использовать того, что мы имеем, что мы до сих пор хозяйствуем из рук вон плохо. В самом деле, сколько валюты было бы сохранено, если бы мы вовремя поставили дело использования этой местной металлопромышленности.

То же самое, что мы говорим о местной металлопромышленности, с полным правом может быть отнесено и к кустарной металлопромышленности. Мы имеем гигантскую армию кустарей по металлообработке, определяемую в сотни тысяч человек и используемую в самой незначительной степени. Между тем эти кустари могли бы производить весьма значительную часть из того, что производится нашими крупными машиностроительными заводами, освободив их для более важных ответственных и сложных производственных задач. Наши крупные машиностроительные заводы производят целый ряд таких работ, которые с успехом могут быть переданы кустарям. Сюда относится и производство всякого рода деталей, запасных частей, арматуры, отдельных мелких машин и т. д. К сожалению, однако, наши крупные машиностроительные заводы крепко усвоили презрительно-наплевательское отношение к кустарям, предпочитая быть своеобразным Мюр и Мерилиз, но только не кооперироваться с кустарем, с мелкими заводами металлопромышленности. То, что не считает для себя зазорным делать Форд, обросший целым рядом мелких заводишков и кустарей, считает ниже своего достоинства советский руководитель машиностроительного гиганта. А здесь, в использовании кустарной промышленности, есть несомненный резерв, и этот резерв должен быть нами во что бы то ни стало мобилизован. Рутинерство и консерватизм в этом деле должны быть решительно преодолены.

Итак, наряду с увеличением сменности, наряду с крупнейшими возможностями, таящимися в кооперировании и специализации производства и пр., мы имеем еще целый ряд дополнительных возможностей в деле увеличения производства нашего машиностроения, возможностей, которые должны быть полностью реализованы. Ни одной неиспользованной возможности увеличения продукции нашего машиностроения—вот лозунг, который должен стоять боевым лозунгом дня. Ибо здесь, в темпах развития нашего машиностроения, один из важнейших рычагов ускорения темпов нашего индустриального развития.

В полной мере все это относится и к той отрасли машиностроения, которая производит средства производства для сельского хозяйства. Здесь наши успехи за истекшие годы были особенно значительны. Получив совершенно разоренную промышленность сельскохозяйственного машиностроения, мы в кратчайший срок ее восстановили и уже в текущем году довоенный уровень производства будет превзойден в шесть раз. В следующем же, 1930—31 году, когда продукция сельскохозяйственного машиностроения достигнет 860 млн. рублей, довоенный уровень производства, будет превзойден в двенадцать раз и по размерам годового производства мы обгоним не только страны старого капитализма, но и САСШ.

И в значительной степени именно этими успехами нашего сельскохозяйственного машиностроения (включая сюда и тракторостроение) об'ясняется и тот поворот бедняцко-середняцких масс крестьянства, который произошел летом 1929 года, и достигнутые нами успехи в совхозном строительстве. В то же время именно эти успехи совхозно-колхозного строительства пред'явили повышенный спрос на продукцию сельскохозяйственного машиностроения, поставив одновременно со всей остротой проблему изменения марок и типов с.-х. машин, перехода от инвентаря конной тяги на инвентарь механической тяги. Вдвое увеличивая выпуск своей продукции, с.-х. машиностроение должно будет одновременно перестраиваться на ходу производства. Соотношение между инвентарем конной и механической тяги за один год должно будет коренным образом измениться: удельный вес инвентаря механической тяги, составлявший в 1929/30 году примерно одну четверть всей продукции сельскохозяйственного машиностроения, в 1930/31 году должен будет составить более трех пятых всего производства. Проектировка 1930/31 года доводит увеличение тракторных плугов за год с 27 тыс. до 146 тыс. штук (в 1926—27 году их производилось всего 120 штук), тракторных борон—с 30 тыс. до 342 тыс. штук, сокращая в то же время производство борон конной тяги на 26% и конных плугов на 60%.

Эта необходимость резкой ломки ассортимента сельскохозяйственных машин оказалась прямым результатом форсированного развития тракторостроения. Надо сказать, что производство тракторов в первый же год пятилетки (1928—29), превысив задания пятилетнего плана на 8,3%, в текущем 1929/30 году превысит задание пятилетнего плана больше чем вдвое (11 тыс. штук, вместо 5 тыс. шт.). Форсированное же строительство Сталинградского завода, вступающего в работу в 30/31 году, строительство Харьковского тракторного завода, вступающего в эксплоатацию уже в 1931/32 году, и Челябинского завода, строительство которого должно будет закончиться в 1931/32 году, наконец, расширение выпуска тракторов на Путиловском заводе, обеспечивают неуклонное, из года в год повышающееся производство тракторов. Уже в 1930—31 году выпуск тракторов будет доведен до 51,5 тыс. штук (против предполагаемых по пятилетке 6,5 тыс. штук), из которых 30 тыс. штук должен будет дать Сталинградский тракторный завод, 20 тыс. штук — «Красный путиловец» и 1,5 тыс. — Харьковский паровозостроительный завод. К концу же пятилетия этими уже построенными и строящимися заводами будет обеспечено доведение годового производства до 914 тыс. условных (десятисильных) тракторов. Таким образом, по количеству производимых тракторов СССР будет одной из первых стран мира.

Что будет означать эта программа в области тракторостроения? Что существующими и строящимися тракторными заводами обеспечивается полный переход нашего сельского хозяйства с конной тяги на механическую тягу. Но эти темпы тракторизации сельского хозяйства требовали и соответствующих темпов развития сельскохозяйственного машиностроения. Пятилетним планом намечалось довести к концу пятилетия выпуск продукции сельскохозяйственного машиностроения до 610 млн. рублей. Однако, не до-

статочность этих проектировок была обнаружена весьма скоро. И на 3-й Сессии ЦИК'а было принято решение об увеличении производства с.-х. машин и доведении к концу пятилетия продукции сельскохозяйственного машиностроения до 1.100 млн. рублей. В какой мере это решение было правильно и своевременно, можно судить потому, что уже в 1930—31 году первоначальное задание пятилетнего плана в 610 млн. рублей будет перевыполнено на 40%.

Надо, однако, сказать, что и задание ЦИК'а о доведении производства с.-х. машин до 1.100 млн. рублей в 1932—33 году будет по всем видимостям *перевыполнено*. В частности, уже расчеты Гипромеза это задание несколько повышают.

Что же даст сельскому хозяйству эта программа в области сельскохозяйственного машиностроения? Исходя из расчетов Гипромеза, основанных на обследовании заводов сельскохозяйственного машиностроения, наличие учтенных в плане с.-х. машин в сельском хозяйстве к 1932—33 году вырастет до суммы 2.800 млн. рублей (половина от имевшегося в 1928—29) и 1929—30 году на сумму 600 млн. руб. и выпуск двух следующих лет, без 1932—33 г. на сумму 1.700 млн. кругло (или на 1 га посевной площади рабочих орудий будет по 18 рублей вместо 9 рублей в настоящее время).

«К 1937—38 году капитал в сельскохозяйственном инвентаре, даже при стационарном по ценности размере продукции заводов, может достигнуть цифры в 8 миллиардов рублей, или на 1 га посевов придется 38 рублей, т. е. увеличится еще вдвое» [1]). Таким образом, проблема тракторизации и механизации сельского хозяйства будет полностью разрешена. Коллективизированное сельское хозяйство будет полностью обеспечено и соответствующей материально-технической базой.

Величайшей ошибкой было бы думать, что эта гигантская задача может быть разрешена самотеком, стихийно. Потребуется величайшее напряжение сил, величайшая организованность, и дисциплинированность в работе для того, чтобы эта задача была полностью и своевременно разрешена. Не следует забывать, что дело разрешения этой задачи—создания соответствующей материально-технической базы под социалистически - реконструирующееся сельское хозяйство—потребует осуществления напряженной строительной программы и не только в области собственно сельскохозяйственного машиностроения и тракторостроения, но и в области автомобильной промышленности, химической промышленности и т. д. Между тем, именно здесь-то мы особенно отстали. Несмотря на имеющиеся успехи, химическая промышленность находится еще на позорно низком уровне.

«Вот почему, говорится в резолюции XVI с'езда, своевременный пуск Сталинградского тракторного завода, расширение производства тракторов на «Красном путиловце» до 25 тыс. штук в 1930 — 31 году, окончание в 1930—31 году Харьковского тракторного завода, форсированное строительство Челябинского тракторного завода,—комбайных заводов в Запорожье, Сибири и Саратове, автомобильных заводов в Москве и Нижнем, химических комбинатов, заводов удобрительных туков и калийного строительства, реорганизация сельскохозяйственных машиностроительных заводов в направлении максимального расширения производства тракторного инвентаря и полное освобождение от его ввоза в кратчайший срок—являются задачами огромного *политического значения*. С'езд предлагает ЦК и соответствующим советским органам иметь неослабное наблюдение за ходом означенных строительств и за окончанием их в установленные сроки».

---

[1]) С. Демков. «Проблема реконструкции с.-х. машиностроения», «Металл», № 5, 1930 г.

* * *

Нет сомнения, что уже в первые три года действия пятилетнего плана,
форсированно развертывая нашу тяжелую индустрию, не только выполнив,
но и перевыполнив ее пятилетний план развития, мы создадим достаточно
прочную базу всего дела социалистического строительства. И именно это
обстоятельство позволит нам, не снижая темпов развития нашей тяжелой
индустрии, повернуться к легкой индустрии, обеспечить за легкой инду-
стрией более высокие темпы развития, чем это имело место до сих пор.
«До сих пор,—говорил тов. Сталин,—в своем отчетном докладе,—мы
экономили на всем, в том числе и на легкой индустрии, для того, чтобы вос-
становить тяжелую индустрию. Но тяжелую индустрию мы уже восстано-
вили. Ее нужно только развернуть дальше. Теперь мы можем повернуться
к легкой индустрии и двинуть ее вперед ускоренным темпом. Новое в разви-
тии нашей промышленности состоит, между прочим—в том, что мы имеем
теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую и легкую
индустрию. Перевыполнение плана хлопковых, льняных и свекловичных посе-
вов в этом году, успешное разрешение проблемы кендыря и искусственного
шелка,—все это говорит о том, что мы имеем возможность действительно
двинуть вперед легкую индустрию».
Этот поворот к легкой индустрии имеет серьезнейшее значение. Это,
несомненно, «новое в развитии нашей промышленности». И переоценить его
никак нельзя хотя бы по одному тому, что этот поворот имеет своей предпо-
сылкой *восстановление тяжелой индустрии*. Между тем,
именно этого то и не понимала правая оппозиция, которая требовала пово-
рота к легкой индустрии тогда, когда налицо еще не было той тяжелой инду-
стрии, которая имеется сейчас и которая является «основой социализма».
Величайшая политическая ошибка правых состояла в том, что они не пони-
мали роли и значения тяжелой индустрии, что они именно в легкой индустрии
искали «ключ» к союзу рабочего класса с крестьянством. Такую позицию
в отношении тяжелой и легкой индустрии могли занять только люди, не
понимающие идеи производственной смычки и делающие ставку не на коллек-
тивизацию деревни, не на развертывание совхозного строительства, а на
утверждение и *закрепление* индивидуального хозяйства. Ибо не ману-
фактура, сапоги и галоши являются базой коллективизации. Между тем, имен-
но отрасли легкой индустрии правые оппортунисты возводили в «ранг»
«смычковых» отраслей промышленности.
Совершенно и принципиально иное дело, когда партия сейчас повора-
чивается к легкой индустрии. Имея за собой восстановленную тяжелую инду-
стрию, имея окрепшую и развившуюся промышленность сельскохозяйствен-
ного машиностроения, поставив на твердую базу расширение проблем трак-
торостроения и уже добившись в этой области крупнейших успехов, *уже*
имея налицо поворот бедняцко-середняцких масс де-
ревни к коллективным формам земледелия и именно на
основе укрепляющейся и развивающейся производ-
ственной смычки,—партия может повернуться к легкой индустрии,
обеспечив за ней более высокие темпы развития. Теперь поворот к легкой
индустрии будет означать не курс на закрепление индивидуального хозяй-
ства и против производственной смычки, против коллективизации, а курс
на закрепление колхозного движения, курс на более быстрый под'ем мате-
риального и культурного уровня жизни рабочего класса и коллективизиро-
ванных масс бедняцко-середняцкого крестьянства.
Но что означает поворот к легкой индустрии? Это означает, прежде
всего, форсирование развития сырьевой базы легкой индустрии и некоторое
частичное ослабление той перекачки накопления из легкой индустрии, кото-

рая производилась в те годы, когда тяжелая индустрия не была восстановлена до настоящего ее уровня.

Надо сказать, что расширение именно первой задачи является и наиболее сложной и, несомненно, первоочередной. В самом деле, наша легкая индустрия (за исключением немногих ее отраслей) в темпах своего развития зависит целиком и полностью от состояния ее сырьевой базы. По ряду важнейших и наиболее крупных отраслей легкой индустрии (это относится, прежде всего, к хлопчатобумажной промышленности) мы имеем крупнейшие резервы производственной мощности. И здесь дело не столько во вложениях в собственно легкую индустрию, сколько в форсированном развитии ее сырьевой базы. При настоящем своем оборудовании наша хлопчатобумажная промышленность могла бы переработать до 40 млн. пудов хлопка; перерабатывает же она 23—24 млн. пудов хлопка.

Как же должна будет разрешаться эта проблема более форсированного развития легкой индустрии?

«Очевидно, что пути к решению этой проблемы должны итти по тем же линиям,—говорил в своем докладе на XVI с'езде т. Куйбышев,—по каким решалась и зерновая проблема. Нужно, очевидно, развернуть большое строительство колхозов и совхозов в сырьевых районах, конечно, стимулируя одновременно индивидуальное середняцкое и бедняцкое крестьянство. Нет сомнения, что, идя по этой линии, мы сумеем разрешить сырьевую проблему промышленности, ибо даже существующие площади почти под всеми видами технических культур при достаточной урожайности, при достаточно хорошей обработке земли могли бы дать нужное для наших предприятий сырье в размерах, позволяющих загрузить их до конца».

Бесспорно велики трудности, стоящие перед нами в разрешении сырьевой проблемы нашей легкой индустрии. Но, имея за собой столь блестящее разрешение, на основе колхозного и совхозного строительства, зерновой проблемы, мы должны суметь и сумеем в кратчайший срок разрешить и проблемы сельскохозяйственного сырья для промышленности. И разрешение этой задачи облегчается тем, что в укрепившейся тяжелой индустрии, в укрепившихся и из года в год бурно растущих отраслях промышленности, производственно обслуживающих сельское хозяйство, в развертывающемся колхозном и совхозном строительстве мы имеем все необходимое и достаточное для форсированного подтягивания сырьевой базы промышленности. Именно здесь—в сырьевой базе—ключ к осуществлению поворота к легкой индустрии, поворота жизненно необходимого (и, что особенно важно, возможного) для дальнейшего под'ема материального и культурного уровня жизни трудящихся.

* * *

XVI с'езд нашей партии, наметив основные и важнейшие задачи, стоящие перед нами в деле индустриализации страны, указал и условия их выполнения. Таковыми, опять-таки из числа важнейших, являются: борьба за качество, рационализаторская работа, кадры и дальнейшее расширение и углубление творческой активности рабочего класса.

Надо сказать, что если в части *количественных* показателей своей работы промышленность достигла серьезных успехов, то в части *качественных* показателей мы имеем далеко не столь благополучную картину. И эти невысокие качественные показатели работы промышленности не только затрудняют реализацию более высоких количественных успехов, но и подчас их прямо снижают.

Промышленность систематически недовыполняет задания по снижению себестоимости продукции, уменьшая размеры своих внутрипромышленных накоплений и снижая возможные темпы нашего индустриального развития.

Между тем, несмотря на всю проделанную работу в области упорядочения промышленного производства, резервы для снижения себестоимости огромны.

В течение истекшего периода мы имели множество случаев убедиться в тех колоссальных резервах, какие существуют у нас в промышленности; использование этих миллиардного порядка резервов дает возможность без сколько-нибудь значительных затрат ускорить ход нашего социалистического развития. Достаточно упомянуть о таких резервах, как непрерывная неделя, при которой вся промышленность отбрасывает 52 праздных дня в году; увеличение сменности, которая в настоящее время достигает по всей промышленности лишь 1,6, т.-е. оставляет возможность значительного увеличения использования всего основного капитала, огромные резервы имеются по линии специализации и кооперирования производства как внутри отдельных отраслей, так и между отраслями промышленности и народного хозяйства и т. д. Обследование машиностроения, произведенное в 1929 г. специальной комиссией ВСНХ, указало на наличие многочисленных резервов, позволивших без особого труда разместить на «перегруженном» машиностроительном производстве дополнительные заказы дефицитных машин на несколько сот миллионов рублей. Известен факт на Путиловском заводе, где первоначальная программа тракторостроения на 1929—30 г. была установлена в 3 тыс. тракторов, а в дальнейшем была без труда «уточнена» до 12 тыс. тракторов, остро необходимых для нового социалистического земледелия.

Это выявление резервов шло рука об руку с широким движением по борьбе с другими многочисленными потерями в промышленности. О величине потерь в промышленности можно судить по следующим примерным данным. Не менее чем на 300 млн. руб. сжигается по всей промышленности топлива,—больше, чем это нужно, если на всех предприятиях применить уже известные рациональные методы сжигания. Вес излишне расходуемого в строительстве металла составляет не менее 200 тыс. тонн; перерасход кирпича здесь же определяется не менее, чем в 1,5 млрд. штук в год. В одном Архангельском районе на свалку идет около 400 тыс. тонн опилок, стружек и т. п. В хлопчатобумажной промышленности НК РКИ установил потери не менее чем 130 млн. руб. Потери в пищевой промышленности составляют не менее чем 200 млн. руб. В смазочном хозяйстве на небрежно расходуемой смазке страна теряет до 40 млн. руб. в год, на нерациональной таре и упаковке—свыше 50 млн. руб., и т. д., и т. п. В общем, по отдельным ориентировочным подсчетам, общая сумма потерь промышленности составляет не менее 2 млрд. руб.

С этими потерями, являющимися прямым результатом нашей технической некультурности, безалаберности и консерватизма, мы должны будем повести систематическую и упорную борьбу. Мы не настолько богаты, чтобы «бросать на ветер» пару миллиардов рублей. И разрешение проблемы уничтожения потерь должно будет встать в центре внимания рабочей общественности и рационализаторской мысли. Здесь мы имеем крупнейший резерв как для увеличения количества продукции, так и для снижения себестоимости и повышения качества продукции. И этот резерв должен быть нами полностью использован.

Еще хуже, чем с достигнутыми результатами в деле снижения себестоимости, обстоит дело с качеством нашей промышленной продукции.

«Фактическое положение с качеством продукции,—говорил тов. Куйбышев,—следует признать крайне неудовлетворительным. В отдельных же случаях приходится констатировать наличие тенденций к дальнейшему ухудшению качества продукции».

В какой мере это так, можно было бы привести множество примеров.

По заводам Югостали брак характеризуется следующими цифрами:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
	В процентах		
По чугуну передельн. рекл.	0,28	0,59	0,35
„ литейному	0,25	0,36	0, 8
„ сортовому железу	0,40	0,40	0,50
„ листовому „	0,11	0 11	0,19
„ кровельному „	0,37	0,39	2,90
„ белой жести	—	1,7	2,08

Положение с браком на заводах по ответственным металлоизделиям для транспорта остается угрожающим: в 1 квартале текущего года по сравнению с прошлым годом не только не имеется улучшения, но по ряду заводов произошло резкое ухудшение (по рельсам: на Надеждинском заводе брак возрос с 26,6 до 33,4%, на заводе им. Дзержинского—с 7,4 до 8,6%; по бандажам: на Луганском заводе—с 12,7 до 18,3%, и т. д.).

Вот что пишет директор Римско-Корсаковской машинно-тракторной станции, характеризуя качество сеялок:

«... Сеялки приходят с завода им. Петровского плохого качества; литье никуда не годное, детали имеют трещину, ее закрашивают на заводе и заведомо негодную шлют на место; дыры не подходят, приходится сверлить дрелью новые, что непосильно, а если гнать в Пугачово, то большой накладной расход, и долго не исполняется заказ, так что придется ждать до 1931 г.; запасных частей нет, даже ключей не кладут. Присланные тележки—без ящиков, хоть грызи зубами; брак достигает 50%. Если бы вы видели—ахнули, не иначе—вредительство там. На этих сеялках не сеять, а держать их в музее вредительства».

«Особо нетерпимым,—говорил т. Куйбышев,—является положение с качеством продукции в угольной промышленности, где процент зольности в первом квартале текущего года по ряду крупнейших шахт достигал 14%, по некоторым шахтам—даже 16%, повышаясь из месяца в месяц. Это тем более нетерпимо, что высокий процент зольности дезорганизует производственный процесс и приводит к авариям оборудования в коксовой промышленности. 14% зольности при производственной программе каменноугольной промышленности на будущий год в 72—73 млн. тонн угля означат, что под видом каменого угля будет добыто свыше 10 млн. тонн—свыше 600 млн. пудов никому не нужной и вредной для производства золы, а нашим железным дорогам потребуется для перевозки этой золы больше 6 тыс. составов. Если же к этому прибавить, что каждый лишний процент золы вызывает больше, чем на 1% повышение себестоимости в металлургии, ухудшение коэфициента использования домен и снижает качество получаемого металла, то нетерпимость повышения зольности будет совершенно очевидной. Нужна настоящая большевистская борьба за качество продукции.

Низкое качество лесных материалов приводит к тому, что сельскохозяйственное машиностроение, на протяжении последних лет, имеет до 40—50% отходов и отбросов от потребляемых лесных материалов. Еще хуже обстоит дело с качеством продукции в отраслях промышленности, производящих предметы широкого потребления. Такие отрасли промышленности, как текстильная и кожевенно-обувная, до сих пор надлежащей борьбы за улучшение качества продукции не ведут, в результате чего брак в ряде случаев достигает огромной цифры — 40%».

Такое положение с качеством продукции, естественно, не может быть дальше терпимо. Низкое качество продукции не только снижает количественные результаты работы промышленности, но и удорожает капитальные работы, усиливая и обостряя товарный голод, сокращая срок полезной службы товаров, повышая себестоимость продукции и т. д.

Вот почему XVI с'езд с такой резкостью заострил эту проблему качества промышленной продукции.

«Особо нетерпимым,—говорится в резолюции XVI с'езда,—является положение с качеством промышленной продукции, которое находится на очень низком уровне и в отдельных случаях имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению. С'езд считает, что в отношении качества продукции должна быть установлена не меньшая ответственность хозяйственных органов, чем за недовыполнение количественных заданий, при чем при составлении промфинпланов по основным отраслям, выпускающим массовую продукцию, должны предусматриваться показатели качества данной продукции. С'езд ставит перед хозорганами, профорганами, парторганизациями, комсомолом, печатью и всей рабочей общественностью задачу вовлечения широких масс трудящихся в работу по решительному улучшению качества продукции и широкое использование для этого таких форм организации труда, как социалистическое соревнование и ударничество».

Нет сомнений, весьма существенную роль в этих неблагоприятных показателях качественной работы промышленности: систематическом отставании снижения себестоимости от плановых заданий, высоких потерях в производстве, ухудшении качества продукции и т. д.—играет острый недостаток промышленности в кадрах. Достаточно сказать, что на 1 октября 1929 года в промышленности насчитывалось 24,1 тыс. специалистов с высшим образованием и 27,5 тыс. со средним образованием. В то же время по нормальным штатам предприятий и учреждений промышленности, составленных исходя из интересов технической целесообразности, нужно было бы в 1929—30 г. специалистов с высшим образованием 84.312, специалистов с средним образованием—113.956.

Иначе говоря, для удовлетворения максимальных потребностей промышленности нехватает инженеров 68% и техников—69%.

Рост потребности резко обгоняет рост втузов и техникумов. До ноябрьского пленума потребность в инженерах на пятилетие исчислялась по промышленности, планируемой ВСНХ, в 47.010 инженеров (по всему народному хозяйству без транспорта—73.010, с транспортом—80.740 чел.).

По пятилетке кадров, разработанной в апреле 1930 г., на основе директив ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) с учетом пересмотренных в сторону увеличения производственных планов промышленности, потребность промышленности ВСНХ СССР в инженерных кадрах исчислена в 176 тыс. человек (с экономистами, без транспортников). Вся существующая и вновь запроектированная сеть втузов СССР, по исчислениям ВСНХ, даст не более 70 тыс. инженеров, в том числе для промышленности не более 58 тыс., что покрывает лишь 33% потребности в инженерах.

Потребность в среднем техническом персонале ВСНХ СССР исчислена в 258,9 тыс. человек. Вся существующая и запроектированная школьная сеть техникумов СССР, по исчислениям ВСНХ СССР, дает 98 9 тыс. человек, или 36% потребности в техниках. Система внешкольных способов подготовки (курсы переподготовки практиков, экстернат, подготовка рабочих-выдвиженцев, школы-предприятия, выпуски третьего концентра школ 8-9- и 10-леток, продвижение на средне-технические должности окончивших ФЗУ и т. п.) должна покрыть значительную часть дефицита и дать 92,3 тыс. человек (33,6%). Общий дефицит, остающийся не покрытым—83 тыс. челов. (30,4%).

По инженерам и техникам вместе получается, таким образом, что при общей потребности в 451,3 тыс. специалистов (включая экономистов, работников научно-исследовательских учреждений, лесного хозяйства и строительства) за четырехлетие 1929—30, 1932—33 гг., покрытие по всем каналам подготовки составляет 300,8 тыс., или 66,8%, из них почти половина—143,8 тыс.—падает на долю внешкольной подготовки.

Нечего и говорить, что такое положение вещей не может быть признано хоть сколько-нибудь удовлетворительным. И перед нами во весь свой рост, во всем своем об'еме и во всей своей остроте продолжает стоять проблема кадров. Пути разрешения этой проблемы решениями партии даны. Нашей задачей должно быть всячески форсировать ее скорейшее разрешение.

* * *

Важнейшим условием и важнейшей предпосылкой разрешения всех поставленных XVI с'ездом партии задач в области индустриализации является дальнейший рост активности рабочего класса, вовлечение все больших масс трудящихся в социалистическое соревнование и ударничество.

За последние годы мы являемся свидетелями неслыханного под'ема активности рабочих масс. Творческая мысль начинает буквально бить ключом. И это, пожалуй, особенно наглядно видно в росте рабочего изобретательства.

Свыше 100 тыс. предложений на 500 предприятиях в 1928 — 29 г. и 80% одобренных предложений свидетельствуют о колоссальном сдвиге и активности рабочей массы. Количество предложений при этом ежегодно растет. Так, например, по текстильной промышленности число предложений в 1928—29 г. увеличилось по сравнению с предшествовавшим 1927—28 г. в три с половиной раза, по угольной—в два с половиной раза, по московской промышленности—в три раза, и т. д. Ценность предложений из расчета годовой экономии тоже возросла в два—три раза при крайне незначительных затратах, связанных с осуществлением рабочих предложений.

Наивысшее свое выражение эта активность широчайших рабочих масс трудящихся нашла в социалистическом соревновании и ударничестве. На 1 января 1930 года, по данным, охватившим 1.413 предприятий с 921 тыс. рабочих, в социалистическом соревновании участвовало 63% от общего количества рабочих. Это свидетельствует о том, что подавляющая масса рабочих с полным сознанием становится в ряды активных участников в деле социалистического строительства. И в этом лучшая гарантия, что стоящие перед нами задачи будут разрешены и притом в более короткие сроки, чем это мы сейчас можем предположить.

И. Верменичев.

На путях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

«XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации». (Сталин). Такова краткая, чеканная, концентрированная формулировка сущности решающих политических установок XVI партс'езда. Это значит, что на основе всей развернутой на предшествующих этапах работы мы вступили в последний период нэпа, когда поставленная Лениным задача превращения «России нэповской» в «Россию социалистическую» решается с невиданной быстротой, когда мы уже вступили в период социализма, в период уничтожения классов.

> «Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко». (Сталин. Заключительное слово на XVI партс'езде).

Это есть последняя стадия нэпа, когда мы вступили в эпоху окончательного разрешения задач, поставленных перед нэпом. А перед нэпом была поставлена задача победить капитализм, построить фундамент социалистического общества. Приведем всем известное классическое определение сущности нэпа, данное в свое время тов. Сталиным (на XIV партс'езде).

> «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики».
>
> «Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами», говорил тов. Сталин в докладе на XVI партс'езде, анализируя вопрос о совместимости нэпа с развернутым наступлением по всему фронту. «Переходом в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще остаются,—но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа». (Политотчет ЦК XVI партс'езду).

XVI партс'езд войдет в историю борьбы пролетариата за социализм как один из ярчайших моментов на пути к окончательной победе над капитализмом внутри нашей страны в результате развернутого наступления по

всему фронту и к построению в ближайший период фундамента социалистической экономики во всем хозяйстве СССР.

«Перед нами, — говорил Ленин на XI с'езде партии, — стоит теперь задача постройки фундамента социалистической экономики».

Что значит разрешить задачу построения фундамента социалистической экономики?

> «Создать экономическую базу социализма—это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктами сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать в конце концов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов». (Сталин. Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ в 1926 году. См. сборник «Об оппозиции», стр. 453).

Таким образом, создать фундамент социалистической экономики это значит, во-первых, охватить социалистическими производственными отношениями промышленность и обеспечить ей на такой базе быстрый темп роста, во-вторых, реорганизовать сельское хозяйство также на началах социалистических производственных отношений и обеспечить ему на этой основе быстрый рост производительных сил, в-третьих, создать между городом и деревней отношения социалистического продуктообмена и вытеснить соответственно всему этому из производства и обращения капиталистические элементы. Построить фундамент социалистической экономики, таким образом, означает перестроить все народное хозяйство на началах социалистических производственных отношений, переделав общественные отношения, свойственные мелкотоварному укладу, и ликвидируя кулачество как класс, выкорчевывая самые корни капитализма в СССР. Построить фундамент социалистической экономики, это значит—перейти к такому строю, который бы в основном базировался не на различных системах экономических отношений или укладах, а на одной системе, системе социалистического уклада, и на этой основе двинуться по пути к завершению строительства всего здания социализма, к окончательному уничтожению классов, изживанию классовых различий, двинуться вперед к коммунистическому строю.

Фундамент социалистической экономики по линии крупной промышленности—в основном уже построен. Достаточно указать, что в 1929—30 г. удельный вес частнохозяйственного сектора в продукции крупной промышленности составляет 0,7%. «Капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну» (Сталин, отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)). Именно тем обстоятельством, что по линии промышленности мы уже в основном имеем фундамент социалистической экономики, об'ясняются достигнутые невиданно быстрые темпы ее развития, на основе которых создались условия для социалистического преобразования всего хозяйства. «Всемерное развитие индустрии является ключом преобразования всего народного хозяйства на началах социализма». (Сталин). Социалистическая природа нашей промышленности и вытеснение капиталистических элементов есть решающий фактор для достижения исключительно быстрых темпов роста, которые даже передовым капиталистическим странам кажутся фантастическими. Здесь во весь свой рост уже показали себя преимущества социализма над капитализмом. Эти преимущества все больше выявляются по мере роста социалистической индустрии, по мере непрерывного перехода ее на высшую

ступень. Каждая новая ступень выявляет новые возможности для ускорения роста. Эта закономерность непрерывно повышающейся кривой развития социалистической индустрии в полной мере доказана опытом всех последних лет; она целиком обусловлена ростом социалистических производственных отношений и вытеснением капиталистических элементов, т.-е. построением фундамента социалистической экономики по линии промышленности. При таком фундаменте налицо все предпосылки для дальнейшего ускорения темпа развития нашей индустрии, что дает возможность догнать и перегнать в кратчайшие сроки передовые капиталистические страны. При наличии в основном построенного фундамента социалистических производственных отношений задача социалистической реконструкции промышленности сводится к борьбе за быстрые темпы на основе могущественного развития техники, при одновременном окончательном вытеснении остатков капиталистических элементов. Техническая реконструкция имеет здесь в основном уже готовую социально-экономическую базу.

> «В промышленности, — говорил тов. Сталин в докладе на XVI партс'езде,—которая уже об'единена и социализирована, техническая реконструкция имеет уже в основном готовую социально-экономическую основу. Задача реконструкции состоит здесь в том, чтобы усилить процесс вытеснения капиталистических элементов».

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства отличается тем, что она является сложным сочетанием коренной переделки старого деревенского уклада с технической реконструкцией. Здесь сочетаются величайшая перестройка социально-экономических основ хозяйства с революцией в технике с.-х. производства. Здесь «перестройка технической базы невозможна без одновременной перестройки старого социально-экономического уклада, без об'единения мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма в нашей стране». (Сталин). Социалистическая реконструкция сельского хозяйства связана далее с вытеснением и ликвидацией кулацко-капиталистических элементов, имеющих базу в виде мелкотоварного производства и удельный вес которых «во сто крат» выше, чем в промышленности. Это не может не вести к отчаянному, ожесточеннейшему сопротивлению их социалистическому наступлению, к бешеной борьбе с пролетариатом, при чем трудности борьбы здесь осложняются благодаря свойственным среднему крестьянству колебаниям. Проведение социалистической перестройки сельского хозяйства, построение в нем фундамента социализма, таким образом, связано с преодолением значительно больших трудностей.

Осуществить социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, построить, вместо мелкого и мельчайшего индивидуального хозяйства, крупное социалистическое земледелие — такова программа гигантского размаха, данная в решениях XVI партийного с'езда. «Судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду партии).

Широчайшее совхозное строительство, развертывание вслед за зерновыми фабриками крупных совхозов в области животноводства, а также и в других важнейших отраслях, быстрый, вслед за важнейшими зерновыми районами, рост колхозов во всех областях, установка на окончание в основном к концу пятилетки коллективизации СССР, установка на сплошную коллективизацию, — такова практическая программа социалистического строительства в сельском хозяйстве.

«К концу пятилетки коллективизация СССР должна быть в основном закончена и посевные площади колхозов к этому сроку должны покрыть 9/10 всей посевной территории СССР, обрабатываемой ныне индивидуальными хозяйствами». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду партии).

«Впереди пойдут совхозы, как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними потянутся многочисленные колхозы, как опорные пункты нового движения в деревне. Соединенная работа этих двух систем создает условия для полной коллективизации всех областей СССР». (Сталин. Там же).

Революционно быстрый темп строительства социалистического земледелия обеспечивает невиданно быстрые темпы роста производительных сил сельского хозяйства, далеко опережающие не только мелкое хозяйство, но и хозяйство крупно-капиталистическое. На опыте текущего года со всей отчетливостью доказаны преимущества социалистических форм сельского хозяйства, на основе которых достигнуты такие темпы расширения посевных площадей, которые исключены в самой передовой капиталистической стране—САСШ, вооруженной всеми новейшими техническими средствами для ведения сельского хозяйства. Развертывание социалистического земледелия ставит как совершенно реальную проблему «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении сельское хозяйство передовых капиталистических стран и тем самым в корне ликвидировать вековую отсталость нашего сельского хозяйства, в корне ликвидировать возможности для появления затруднений со снабжением с.-х. продуктами населения и промышленности СССР.

«На основе коллективизации, развития машинно-тракторных станций и организации совхозов, партия сможет начать осуществлять лозунг «догнать и перегнать» капиталистические страны мира не только в отношении промышленности, где преимущества крупного хозяйства уже давно вскрылись с огромной силой, но и в области сельского хозяйства, темпы развития которого до сих пор определялись подавляющим преобладанием крайне малопроизводительного мелкого и мельчайшего хозяйства, а теперь будут определяться ускоренным развитием колхозов и совхозов, представляющих собой новый тип хозяйства, невиданный в истории человечества и впервые открытый опытом хозяйственного строительства в СССР». (Из резолюции XVI партс'езда по докладу т. Яковлева).

* * *

На XI с'езде партии, в политическом отчете ЦК, который в последний раз делал тов. Ленин, он говорил:

«Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле действительно «последний и решительный бой»,—не с международным капитализмом, там еще много будет «последних и решительных боев» — нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить». (Ленин, том VIII, часть II, стр., 31. Разрядка моя. *И. В.*).

Разве эти слова не являются политическим завещанием Ленина в вопросах об отношении к кулачеству?

Сколько бы ни твердил тов. Бухарин о том, что Ленин в своих последних статьях даже не упоминает о кулаках, факт остается фактом. Во-первых, Ленин с исключительной ясностью учитывал, что «мирная» хозяйственная работа, которую мы развернули на рельсах нэп'а, на самом деле есть ожесточенная борьба капитализма с социализмом.

«На нас не наступают, — говорил он в том же докладе на XI с'езде—с оружием в руках и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг. Я говорил о коммунистическом соревновании с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть, между капитализмом и коммунизмом. (Ленин, том XVIII, ч. II, стр. 39. Разрядка моя. *И. В.*).

Во-вторых, Ленин тогда же предвидел, что «в ближайшем будущем» с кулачеством, т.-е. с капитализмом, «который растет из мелкого крестьянского хозяйства», нам предстоит в ближайшем будущем последний и решительный бой.

В такой бой теперь, в период развернутого наступления по всему фронту, мы и вступили. Мы вступили в период штурма рабочего класса на кулацко-капиталистические элементы.

Кулачество есть основной, решающий отряд капитализма в нашей стране. Капитализм в городе не имеет производственной базы, а в крупной промышленности капитализм уже побежден.

«Капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну. Ясно, что вопрос «кто-кого», вопрос о том, социализм ли победит капиталистические элементы в промышленности или они победят социализм,—уже решен в основном в пользу социалистических форм промышленности. Решен окончательно и бесповоротно». (Сталин. Политотчет ЦК на XVI с'езде).

Кулацко-капиталистические элементы в сельском хозяйстве, где они имеют базу в виде мелкотоварного хозяйства, непрерывно рождающего капитализм, где удельный вес их до последнего времени был в огромной степени выше, чем в промышленности, являются последней силой капитализма; они являются, так сказать, последней опорой буржуазии в ее борьбе с пролетариатом. Кулак является приводным ремнем международного капитализма в экономике нашей страны; он является последним оплотом капиталистической эксплоатации в СССР. Отсюда вытекает всемирно-историческое значение лозунга ликвидации кулачества как класса.

«С'езд подчеркивает величайшее историческое значение этого лозунга, означающего штурм рабочего калсса на последний оплот капиталистической эксплоатации в стране». (Резолюция XVI партс'езда по отчету ЦК).

Лозунг ликвидации кулачества как класса означает, что мы вступили в последний период борьбы капитализма и социализма внутри нашей страны, когда окончательно решается вопрос «кто-кого» внутри СССР. Вопрос «кто-кого» стоит теперь, прежде всего, в области сельского хозяйства, ибо в промышленности он в основном уже решен в пользу социализма. И когда будет закончена сплошная коллективизация СССР, когда кулачество на этой основе

будет ликвидировано как класс полностью, капитализм внутри СССР будет окончательно разгромлен. Вопрос «кто-кого» станет в основном проблемой борьбы международного капитализма с социализмом нашей страны.

Обстановка осени 1929 года характеризовалась быстро нарастающей волной коллективизации. Коллективизация с лета этого года перерастала в величайшее массовое движение миллионов бедноты и середняков, знаменуя коренной поворот середняка к коллективизации, к социализму.

Бурный рост коллективизации, великий перелом в развитии деревни происходил на фоне обостренной борьбы кулацко-капиталистических элементов против всей политики пролетарского государства и против быстро растущих колхозов. Кулачество делало судорожные попытки задержать происходящий великий перелом в развитии советской деревни, задержать развертывающийся решительный поворот середняков к коллективизации.

Решающим лозунгом кулачества являлся лозунг «против колхозов». Кулачество переходило к открытой атаке на все мероприятия пролетарского государства по социалистическому переустройству деревни, используя одновременно методы взрыва рождающихся колхозов изнутри путем проникновения в состав самих колхозов.

Классовая борьба в деревне перерастала в решительный бой капитализма с социализмом при повороте на сторону социализма основных масс крестьянства. Позиции пролетариата в сельском хозяйстве в этот период были прочно закреплены, а позиции кулачества ослаблены, во-первых, наличием уже организовавшихся совхозов и колхозов, давших в 1929 г. уже значительную часть товарного хлеба и позволяющих заменить кулацкое производство и, во-вторых, решительной борьбой с кулачеством, правильной политикой союза с середняком и под'емом политической активности бедноты в результате развернутой с беднотой работы.

Широчайшее движение крестьянства в колхозы на этом этапе в целом ряде районов переходило на ступень сплошной коллективизации. Лозунг сплошной коллективизации ряда передовых районов и областей стал совершенно реальным лозунгом, лозунгом дня.

В речи тов. Сталина на конференции аграрников-марксистов и в историческом постановлении ЦК от 5 января, исключительно своевременно был сформулирован лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Условия для перехода в наступление по всему фронту и провозглашения лозунга ликвидации кулачества как класса подготовлены были всем предшествующим развитием, и партия правильно выбрала момент для перехода в наступление по всему фронту.

> «Партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту. Об этом говорят растущая активность рабочего класса и небывалый рост авторитета партии среди миллионных масс трудящихся. Об этом говорят растущая активность бедняцко-середняцких масс и коренной поворот этих масс в сторону коллективного строительства. Об этом говорят наши достижения как в области развития индустрии, так и в области строительства совхозов и колхозов. Об этом говорит тот факт, что мы имеем теперь возможность не только заменить кулацкое производство, производством совхозов и колхозов, но и перекрыть его в несколько раз. Об этом говорит тот факт, что мы сумели уже разрешить в основном зерновую проблему и накопить известные хлебные резервы, переместить центр тяжести товарной продукции зерна из области индивидуального производства в область колхозно-совхозного производства. Вот где доказательство того, что партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту и провозгласив лозунг ликвидации кулачества как класса». (Сталин. Политотчет ЦК XVI с'езду партии).

Условия для перехода в наступление по всему фронту партия создала лишь в результате борьбы с правым и «левым» оппортунизмом. Разгром зиновьевско-троцкистской оппозиции, предлагавшей партии переход в наступление в условиях, когда не было возможностей заменить кулацкое производство совхозно-колхозным производством, означал разгром авантюристов, проведение политики которых привело бы к срыву наступления, к разрыву с середняком, усилению позиций капитализма, к срыву социалистического строительства. Беспощадная борьба с правыми — предлагавшими в момент, когда создались все условия для успешного наступления, отказаться от наступления, свернуть развернутые темпы индустриализации страны, задержать строительство совхозов и колхозов—есть борьба с капитулянтами, срывающими рост социалистической индустрии, срывающими социалистическую перестройку сельского хозяйства и расчищающими дорогу кулачеству.

И в том и другом случае мы имели бы один и тот же результат: срыв социалистического строительства и укрепление позиций капитализма. Борьба на два фронта: с правым уклоном, являющимся главной опасностью на данном этапе, и с «левым» оппортунизмом, с остатками троцкизма, и борьба с примиренчеством к ним — обеспечила достигнутые успехи в социалистическом строительстве и обеспечит победу социализма в нашей стране.

Лозунг ликвидации кулачества как класса коренным образом менял политику по отношению к кулачеству, означая переход от ограничения и вытеснения капиталистических элементов к ликвидации их на основе сплошной коллективизации. Лозунг ликвидации кулачества означает переход наступления на капиталистические элементы на последнюю ступень, завершающую это наступление, завершающую борьбу с капитализмом внутри страны.

> «Наступать на кулачество—это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс,—говорил тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов. Наступать на кулачество—это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, да ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги».

Переход в такое наступление, переход к такой политике по отношению к кулачеству в самый момент происходящего в деревне великого перелома (что являлось характерным для осени и зимы 1929/30 года), означал сокрушительный удар по кулачеству и его попыткам сорвать коллективизацию. Отчаянное и притом нарастающее сопротивление кулацко-капиталистических элементов развертывающейся коллективизации, бешеная борьба против колхозов своим острием была направлена против вхождения середняка в колхозы. Стремясь повернуть середняка против колхозов, кулачество одновременно делало попытки повернуть его против советской власти вообще. Удар по кулачеству означал удар по всему контрреволюционному фронту, означал удар по основным силам классовых врагов, пытающихся перетащить на свою сторону колеблющуюся часть середняков и сорвать дело социалистического строительства.

Первые решительные схватки в последнем бою с кулачеством, который гениально предвидел Ленин, закончились победой коллективизации и сокрушительным разгромом кулачества, несмотря на частичные неудачи и прорывы, которые мы имели весной этого года. Непреложным фактом истекшей весны является блестящий успех коллективного сева, закрепляющий происходящий великий перелом в развитии деревни, укрепивший

и консолидировавший опору советской власти в деревне—миллионные массы колхозников.

Частичные неудачи в колхозном строительстве являлись следствием ошибок и извращений правильной линии партии и, прежде всего, линии по отношению к середняку. Эти ошибки особенное распространение имели в национальных областях и в ряде районов потребляющей полосы. XVI с'езд дает следующий анализ этих ошибок:

«Эти ошибки и извращения выражались в применении мер принуждения и насилия в отношении середняков и бедняков при построении колхозов; в обобществлении у членов артели мелкого скота и коров, имеющих потребительское значение; в перенесении на незерновые районы темпов коллективизации, оправдавших себя на опыте и предусмотренных решениями ЦК только в отношении зерновых районов; в скороспелом создании коммун без соответствующей материальной и организационной подготовки; в создании под видом колхозов-«гигантов» безжизненно бюрократических организаций, построенных на началах командования; в задержке предназначенных правительством для колхозов кредитов и лишений колхозников представленных правительством льгот; в грубом администрировании по отношению к колхозам и колхозникам и замене выборности назначенством, командованием сверху; в затирании середняка и неиспользовании его хозяйственного опыта; в перенесении на середняка мер борьбы, направленных против кулака («раскулачивание», лишение избирательных прав и т. п.)». (Из резолюции XVI с'езда партии по докладу тов. Яковлева).

Основной сущностью этих ошибок и извращений является подмена политики укрепления союза с середняком при опоре на бедноту и беспощадной борьбы с кулачеством политикой командования в отношении середняка.

«Эти ошибки вызывают в ряде районов не только антиколхозные выступления, но и в отдельных случаях перерастание их под воздействием кулачества в антисоветские выступления». (Из резолюции XVI с'езда партии по докладу тов. Яковлева).

Кулачество получило в ряде мест возможность вновь стать на ноги и усилить свои позиции в борьбе против коллективизации. В таких условиях важнейшим моментом, обеспечивающим успех наступления, являлось восстановление нарушенных в ряде мест правильных отношений с середняком, ликвидация ошибок, основанных на забвении того, что переход к коллективизации должен происходить на базе союза с середняком, направленного против кулачества.

Своевременно принятые Центральным Комитетом партии меры привели к исправлению ошибок и обеспечили успех коллективизации, обеспечили успех наступления на капиталистические элементы. Решительность ЦК в борьбе с извращениями линии партии расценивалась различными оппортунистическими элементами, как отступление, как провал политики коллективизации и ликвидации кулачества. Вся вздорность подобной болтовни была подчеркнута тов. Сталиным в его статье «Ответ товарищам колхозникам». Эта болтовня является непосредственным отражением надежд капиталистических элементов.

Не отступление, а исправление ошибок в ходе самого наступления, не отступление, а закрепление достигнутых успехов, не отступление, а подтягивание резервов, перегруппировка сил в ходе самого наступления, не отступление, а развернутое наступление по всему фронту, не прекращение действия главного лозунга ликвидации кулачества как класса, а неуклонное его осуществление в районах сплошной коллективизации и решительная подготовка остальных районов для перехода к сплошной коллектизации и ликвидации кулачества,—такова действительность. Успех развернутого социалистического наступления по всему фронту партия обеспечит в борьбе на два фронта, в борьбе с «левацкими» извращениями линии партии и с главной опасностью—правым уклоном.

Правые оппортунисты, мечтающие о социализме без наступления на кулацко-капиталистические элементы, без классовой борьбы, мечтающие о мирном врастании кулака в социализм, мечтающие о развитии социализма в порядке самотека,—должны быть разгромлены до конца. Позиции правых, ведущие к капитуляции перед кулачеством, перед капитализмом, являются позициями, которые об'ективно служат делу капиталистической реставрации в СССР, делу поражения социализма. Правые об'ективно являются подлинной агентурой кулачества внутри партии. Разгром правых есть разгром радетелей кулацких интересов, находящихся внутри партии.

Наступление по всему фронту — такова линия, которую партия осуществляет со всей последовательностью.

Наступление по всему фронту—таков девиз на боевых знаменах большевизма.

Наступление по всему фронту — такова программа и генеральная установка партии на предстоящий период и таково условие для преодоления всех стоящих перед нами трудностей.

* * *

«Значительная часть середняцкой массы в важнейших зерновых районах, вслед за бедняками, поняла преимущества крупного общественного хозяйства, об'единившись добровольно в колхозы и проведя сев на коллективных полях, и повернула на социалистический путь. Тем самым не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей возможность при диктатуре пролетариата непосредственного перехода от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству». (Из резолюции XVI с'езда).

Это положение является отражением тех успехов всемирно-исторического значения, которых добилась партия за последнее время. На всем предшествующем этапе в развитии нашего хозяйства мы имели развертывание мероприятий, которые обеспечивали создание условий для происходящего теперь великого перелома. В 1921 г. при переходе к нэпу мы не имели условий, обеспечивающих непосредственный переход мелкого хозяйства к социализму, ибо этим условием является, прежде всего, наличие могущественной социалистической промышленности «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». (Ленин). Именно поэтому тогда стоял вопрос о под'еме мелкого хозяйства с неизбежным на известный срок выделением капитализма, как стихийного продукта мелкого хозяйства и обмена.

«Поскольку мы еще не в силах (разрядка моя. *И. В.*) осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена». (Ленин).

Ленин со всей отчетливостью ставил задачу создания предпосылок для непосредственной социалистической переделки мелкого хозяйства.

«Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, сорганизовало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство».

В результате развернутой огромной подготовительной работы (быстрый темп индустрии, массовое кооперирование, развитие МТС и совхозов, решительная борьба с кулачеством на основе союза с середняком и развертывание работы по организации деревенской бедноты, разгром троцкизма и беспощадная борьба с правым оппортунизмом и т. д.), мы обеспечили коренной, решающий поворот середняка к коллективизации, прочно обеспечив переход мелкого производства на рельсы крупного общественного, социалистического хозяйства.

В основных зерновых районах в колхозы и притом такие колхозы, как артели, обобществляющие основные средства производства, вступило 40—50% всего числа крестьянских хозяйств. Вырастает новый уклад вместо старого мелкотоварного, вместо старого мелкого товаропроизводителя выросла новая сила—колхозник. Социальная природа середняка, становящегося колхозником, начинает изменяться коренным образом. Вместо мелкого собственника, колеблющегося между капитализмом и социализмом, середняк становится работником коллективного хозяйства, идущим по пути постепенного изживания своей природы, изживания свойственных ему колебаний. Отсюда вытекает и изменение политических соотношений между пролетариатом и середняком-колхозником, выражающееся в переходе от лозунга союза с таким середняком к лозунгу опоры на него наряду с беднотой, с полупролетарскими элементами, как главному лозунгу в настоящий период. Необходимо особо подчеркнуть, что это изменение лозунгов находится в теснейшей зависимости от того, что середняк-колхозник из колеблющегося—между капитализмом и социализмом—мелкого буржуа, который благодаря установлению с ним союза, поддерживает политику пролетарского государства, превращается постепенно в врага капитализма, во врага кулачества. Это превращение середняка обусловлено социальной природой колхозов как формы социалистического хозяйства, как формы, возникающей в обстановке ожесточенной классовой борьбы, как формы, всем своим острием направленной против капитализма, против кулачества, как формы, ведущей деревню к социализму.

Бедняк или полупролетарий является эксплоатируемым слоем, сохраняющим только остатки мелкого хозяйства; он имеет обостренные классовые противоречия с кулаками, зверскими эксплоататорами, против которых он вел и ведет классовую борьбу. Бедняки являются политически наиболее близким пролетариату слоем, на который пролетариат опирался и будет опираться в борьбе с кулачеством. В такой пролетариату политически более близкий слой превращается и колхозник-середняк, составляющий новую прочную опору в борьбе против капитализма, в борьбе за социалистическое переустройство нашей страны. В результате мы имеем невиданное расширение опоры советской власти в деревне.

«По-новому ставится теперь вопрос об опоре советской власти в деревне. Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации». (Резолюция XVI партс'езда по докладу тов. Яковлева).

Иные думают, что новый лозунг об опоре как главный либо снимает, либо умаляет значение лозунга союза с середняком. Мы имеем тенденции недооценивать все значение союза с середняком, направленного против кулачества и являющегося основой перехода к колхозам.

«В партии, однако, продолжают существовать примиренческие отношения к троцкизму, что, прежде всего, выражается в недооценке союза рабочего класса с середняцким крестьянством. Партия будет вести самую решительную борьбу с этими настроениями». (Из резолюции XVI с'езда по отчету ЦК).

Союз с середняком, как выражение политических отношений рабочего класса и среднего крестьянства, остается не только для незерновых районов, но и для важнейших зерновых, где сохраняется пока еще значительное число неколлективизированных единоличников. Речь идет не о том, что мы изменяем отношения с неколлективизированным середняком, а речь идет об изменении политических лозунгов и политических отношений с тем середняком, который вхождением в колхозы постепенно изменяет свою классовую природу, перестает постепенно быть середняком, как таковым. Мы меняем, следовательно, лозунг союза по отношению к тем середнякам, которые в определенной степени уже перестают быть середняками. Эти слои середняков превращаются из союзников в опору, становятся вместе со всеми колхозниками действительной и прочной опорой советской власти. Но по отношению к неколлективизированному середняку лозунг союза с ним против кулака остается в полной мере. Именно этот принцип союза с середняком, союза, направленного против кулачества, против капитализма, является основой колхозного движения, основой для перехода неколлективизированных индивидуальных хозяйств на рельсы коллективизации.

«Лозунг союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняком определяет развитие деревни до ворот колхоза». (Яковлев, доклад на XVI партс'езде). Таким образом, лозунг, об опоре на колхозника есть лозунг новой эпохи в развитии советской деревни, когда на основе решающего поворота основных масс крестьянства к социализму, опираясь на новую выросшую силу — колхозников, мы ускоряющимися темпами идем к полному в ближайшие годы переходу от мелкого хозяйства к крупному коллективному и окончательной ликвидации кулачества как класса.

Превращение середняка-колхозника в опору не означает, что между середняком и бедняком внутри колхоза стирается всякая разница и уничтожаются различия. В колхозах мы имеем процесс возникновения новых производственных отношений, которые ведут к уничтожению всякой эксплоатации вообще. В колхозах с обобществленными средствами производства бедняки и середняки начинают (но только начинают) в корне переделывать свою природу. Однако, внутри колхоза еще сохраняются остатки индивидуального хозяйства, остатки частной собственности на некоторые средства производства (в личном хозяйстве колхозников), при чем середняк обладает большим индивидуальным хозяйством, чем бедняк. Между ними существует неравенство, основанное на разных размерах личного хозяйства, которое коренным образом отличается от неравенства, основанного на распределении по количеству и качеству труда. В результате, как совершенно правильно говорил тов. Яковлев в своем докладе на с'езде, «одни (бедняки) будут быстрее

изживать мелкособственнические предрассудки, другие (середняки) медленнее, одни (середняки) больше поддаются кулацкому воздействию, другие (бедняки) меньше, одни (середняки) больше тянут в сторону роста личной части хозяйства, другие (бедняки)—меньше».

В колхозах, таким образом, не достигается сразу, в один присест, переработка частнособственнической психологии. «В артели не завершается, а лишь начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству». (Резолюция XVI партс'езда по докладу тов. Яковлева). Только в результате упорной работы над подведением под колхозы материально-технической базы, путем под'ема культурного уровня всех колхозных масс, создания кадров из среды колхозников, только при руководстве колхозным движением со стороны пролетариата и его партии мы достигнем полной переработки вчерашнего мелкого собственника и окончательного изживания мелкособственнических представлений.

Мы имеем решающий перелом в деле коллективизации нашей деревни. Ближайшие годы будут годами упорной работы над обеспечением дальнейшего роста коллективизации всего СССР, над разрешением задачи полного перехода от мелкого хозяйства к крупному социалистическому земледелию, над коренной переработкой в колхозах частнособственнических представлений вчерашних мелких собственников. Этот глубочайший переворот в нашей деревне неизбежно связан с рядом огромных трудностей, связанных с обостренным сопротивлением социалистическому наступлению и с прямой и косвенной поддержкой остатков капитализма внутри СССР со стороны международной буржуазии. Неуклонно осуществляя линию на сплошную коллективизацию, на ликвидацию на этой основе кулачества как класса проводя во всей своей практической работе в деревне лозунг опоры на колхозника, ведя борьбу с оппортунистами всех мастей, партия обеспечит завершение коллективизации в кратчайший срок.

(Окончание в следующем номере).

С. Лейкин.

Раскулаченный кулак и его тактика*).

«Кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление продвижению коллективизации».
(Из резолюции XVI с'езда ВКП(б).

Ейский район, Донского округа — район сплошной коллективизации, где завершается процесс ликвидации кулачества как класса.

Тот поворот, который проделала партия в политике в деревне после того, как обозначилось историческое движение крестьянских масс в колхозы, в Ейском районе радикально изменил линию развития сельского хозяйства и начал создавать иной тип аграрных отношений. Господствующей и ведущей формой в экономике района стали колхозы. Они об'единяют в своем составе 93% всех крестьянских хозяйств. Такой огромный структурный сдвиг по-новому поставил вопрос о соотношении между обобществленным и единоличным секторами, о классах, о формах смычки.

Вся обстановка в станицах дышит борьбой. В борьбу втянуты все слои крестьянства, вплоть до тех, кто раньше стоял в стороне или вне политики. Рост колхозов — это коренной и притом крутой перелом в жизни масс. Разумеется, не только со времени проведения политики ликвидации кулачества как класса, а и раньше происходила борьба социалистической и капиталистической тенденций в сельском хозяйстве района, и борьба этих тенденций наложила отпечаток на процессы расслоения. В станицах не происходило «вымывания» среднего крестьянства, наоборот, происходил процесс увеличения середняцкого слоя за счет уменьшения бедноты, при значительном ослаблении позиций капиталистической верхушки.

Несмотря на это крестьянские хозяйства представляли резко-неоднородную массу. Наряду с 28,8% хозяйств, не имевших ни одной лошади, в районе в 1927 г. насчитывалось 8,8% хозяйств, которые располагали 3-мя, 4-мя и более лошадьми.

Выражением пестроты классовых отношений в станицах являются также данные о товарных излишках у кулацких и зажиточных хозяйств.

Выполнение хлебозаготовок кулацкими и зажиточными хозяйствами в 1929/30 году.

По культурам	Количество хозяйств	Наложено	Выполнено	
		В пудах		В %%
	Кулацких			
По зерновым	805	199.079	162.159	81,5
„ масличным	743	80.907	13.108	16,3
	Зажиточных			
По зерновым	1.715	222.925	179.819	80,2
„ масличным	1.772	102.645	26.182	22,3

*) По материалам работавшей в Ейском районе, Сев.-Кав. края, научн. экспедиции Аграрн. института Комакадемии.

У кулацких и зажиточных хозяйств было заготовлено в 1929/30 г. 381.268 пудов хлеба из общей массы 2.019.253 пуд. Это—довольно высокая цифра, если учесть то, что в районе 3 года повторялся недород.

Раскулачивание — разительный, сокрушающий удар по кулаку. Раскулачивание лишает его производственных источников существования, сводит на-нет роль кулацких хозяйств, как производителей товарного хлеба. Однако, для того, чтобы завершить процесс их ликвидации, надо без остатка преодолеть влияние кулачества на неустойчивые слои трудящегося населения деревни. Только при этом условии можно завершить успешно дело окончательного выкорчевывания капиталистических элементов в сельском хозяйстве.

«Разгромив, подрезав корни нашего классового врага, экономически его разорив, мы еще опасности не устранили»,—говорил тов. Андреев на Северо-Кавказской краевой партконференции, ибо «враг продолжает вести, ведет, вел и будет вести с нами самую отчаянную борьбу»...[1]).

Не следует думать, что сопротивление кулачества есть лишь акт отчаяния. Пока кулачество ликвидируется лишь в районах сплошной коллективизации, у кулаков неизбежно остается надежда на реставрацию. Некоторые раскулаченные кулаки изображают процесс раскулачивания, как случайный «зигзаг» в политике партии, который может быть еще изменен и пересмотрен...

Они знают великолепно, где ликвидируется кулачество и в каких районах ведется политика ограничения и вытеснения. Кулаки знают, что мы не ликвидируем пока рыночную форму связей между городом и деревней. Они знают, что существуют еще нэпманы в СССР и капиталисты за границей. Они знают про интервенционистские планы империализма и про то, что последний собирается оружием решать исторический спор между социализмом и капитализмом. Кулаки знают, что в рядах нашей партии имеются правые оппортунисты, которые настроены против, или стремятся свести на-нет лозунг ликвидации кулачества как класса...

И, когда кулак подсчитывает все эти обстоятельства, у него надежды вернуть обратно свои позиции превращаются в попытки к восстановлению своих позиций.

Кулаки являются носителями товарно-капиталистической тенденции в сельском хозяйстве, они присваивают чужой прибавочный труд. Но этой общей формулировкой не исчерпывается характеристика кулачества.

Кулак, прежде всего, продукт развития мелкотоварного производства. Кулаки вырастают из крестьянства и множеством нитей связаны с ним.

Вот почему даже раскулаченные кулаки используют все свои связи с деревней, пишут петиции, ходатайствуют, словом бьются за право жить и командовать деревней.

В своей борьбе против сплошной коллективизации, против своей ликвидации кулачество пытается сохранить остатки своих позиций и опереться на наиболее близкие ему социальные слои. Как это ему удается?

Помимо советского паспорта, каждый казак и иногородний крестьянин имеют еще «категорию», т.-е. своеобразный экономический паспорт, в котором обозначена принадлежность его к тому или иному экономическому типу хозяйства. От того, в какую категорию зачислен тот или другой крестьянин — от этого зависит его положение в станице и перспективы его хозяйства. И поэтому процесс установления категорий проходил иногда в обстановке классовой борьбы. Хитростями, искусственным разделом

[1]) «Правда», от 16/VI, 1930 г., № 164.

двора и т. п. верхушка деревни боролась за то, чтобы получить категорию пониже с тем, чтобы платить меньше налога, пользоваться большими льготами и иметь больший вес в общественных делах.

Самой почетной категорией в деревне считается «вторая». Очутиться на положении батрака охотников мало, зато числиться в бедняках многие не прочь. В период раскулачивания происходила иногда расшифровка этих категорий. Часто оказывалось, что за второй категорией скрывается настоящий эксплоататор. Естественно, что в Ейском районе не все кулаки имели настоящий кулацкий паспорт. Нет никакого сомнения в том, что часть (правда, незначительная) кулаков еще осталась в станицах и продолжает играть в них роль «социально-взрывчатого вещества».

Раскулачивание в районе начато широко, но еще до конца не завершено. Имеется еще 178 хозяйств «второй категории»—раскулаченных, которые ждут выселения. Раскулаченный кулак—самый злобный и непримиримый враг социалистического строительства. Ему терять нечего, он неистовствует, отчаянно борется,—иногда маскируется, старается проникнуть в колхоз, чтобы взорвать его изнутри.

В Екатериновке и других станицах мы были свидетелями таких случаев, когда на основании выполнения зажиточным устава колхоза, зажиточного переводили в категорию середняка...

Что в состав колхозов проникают чуждые, а иногда прямо кулацкие элементы, с этим фактом мы сталкиваемся в местных партийных документах. Например, в конце 1927 г. бюро Ейского райкома ВКП(б) признало: «при организации колхозов местные ячейки недостаточно обращали внимания на социальный состав колхозов, в результате чего мы имеем большой процент колхозов, засоренных кулацкими элементами (3%)».

Сельскохозяйственная артель им. «Первой пятилетки», — по словам ейской радиогазеты, — обнаружила в своем составе трех братьев Свергуновых, Барнета, Бушмана и Лабизного. Все они оказались главами явно кулацких хозяйств.

При обсуждении этого вопроса «некоторые активисты утверждали, — сообщает радиогазета,—что кулаки положительно относятся к колхозному делу»... Тут же на заседании,—продолжает эта газета,—выяснилось, что «хорошее отношение к колхозу со стороны затесавшихся кулаков—одна видимость. Они не меньше других стараются взорвать колхоз изнутри, распуская явно нелепые слухи, а при случае вредительствуют...».

У кулака в качестве союзника в станицах остались известные социальные группы, на которые он пытается опереться в борьбе против колхозов. Сюда, в первую очередь, нужно отнести так называемых «авторитетов». «Авторитет» не ведет, обычно, никакого хозяйства и в кулаках не числится, но по идеологии он — последовательный борец за реставрацию всех старых дореволюционных порядков. Обычно, роль «авторитетов» выполняют бывшие атаманы. «Авторитет»—человек грамотный, бывалый, читает газеты, знает, что делается в столице, за границей, и поэтому он служит источником политической информации, разумеется, недоброкачественной.

В Широчанской станице «авторитет»—бывший член Кубанской краевой рады, устраивал систематически вечера, на которых возрождались традиции разгульного казачьего быта. В момент перехода к сплошной коллективизации «авторитеты» нашли себя: они стали вожаками антиколхозной борьбы.

Орудием кулацкого влияния в станицах осталась, попрежнему, религия. Недавно по Ейскому району совершил инспекторскую поездку архиерей и после этого в поведении церкви появился больший элемент плановости. Попы всюду выступают с проповедями, посвященными общему положению деревни. Термин «колхоз» прямо не употребляется, но проповедь посвящена ему. Проповеди строятся по одной шпаргалке, преподанной, повидимому, сверху. Приводим образец такой проповеди:

«Вы долго заблуждались (намек на то, что поддерживали советскую власть) и теперь пришло вам наказание (намек на колхоз). Вы ослабли, как дети, телом и душой, вы безвольны (намек на то, что колхоз—планируемое хозяйство), вы должны вернуться к старому (намек на выход из колхоза)».

Нашей экспедиции приходилось встречать небольшие листовки, написанные от руки одним и тем же почерком, в которых «возвещалось о начале конца жизни на земле»... Церковь устраивает в одно и то же время по всему району молебствия о «ниспослании» дождей, о предотвращении якобы наступающего падежа скота и проч. Все это суммируется не случайно и связывается с появлением колхоза. Церковные мотивы звучат часто в рассуждениях антиколхозниц и в выступлениях подкулачников...

Экономически кулачество разгромлено. Наиболее сильные удары кулачеству нанесены в сфере хозяйственной. У него конфисковано 377 жилых построек и отобрано орудий производства и ценностей на сумму, близкую к полумиллиону рублей.

И все же кулачество даже в районе сплошной коллективизации сохраняет кое-какое влияние, кулачество политически еще окончательно не изолировано, ибо осталась в станицах идеологическая база в виде разного рода тайных агентов и явных подкулачников. Вот почему переход к сплошной коллективизации протекает в обстановке самой обостренной классовой борьбы.

Помимо влияния кулака, крупным фактором, который обусловил обостренную классовую борьбу, является так называемый «задержанный отлив». Накануне весенней кампании в Ейском районе, как во всем Северном Кавказе, был известный отлив части крестьянских хозяйств из колхозов. Поступило около 4-х тыс. заявлений о выходе из колхозов, что составляет 18% к общей массе коллективизированных хозяйств района. Местная партийная организация решила отложить разбор этих заявлений до окончания сева, чтобы не осложнять важнейшей кампании.

Задержка отлива сыграла отчасти положительную роль. Колеблющийся крестьянин получил возможность на большом земельном массиве колхоза в слаженном процессе коллективного труда развеять часть своих предрассудков. Удалось перевыполнить посевной план. Организация боролась за каждого колеблющегося колхозника.

Однако, на фоне этих успехов не видеть отрицательных сторон этого маневра значит — проявлять политическую близорукость.

Внутри колхоза, вследствие задержки отлива, остались антиколхозники. Они воспользовались затяжкой разрешения вопроса об отливе для консолидации своих сил. Оставив в своих рядах элементы, упорно не желающие быть в колхозе, твердо решившие пока вести единолично свои хозяйства, организация тем самым сохранила внутри колхозов элементы разложения.

В силу того, что внутрь колхозов проникла известная часть элементов, враждебных социализму, классовая борьба, элементы которой имеют еще место в колхозах, обострилась в колхозах, хотя здесь борьба приняла своеобразные формы.

В колхозах Ейского района антиколхозники и колхозники весною 1930 года находились и боролись внутри одной и той же организации. Это создало исключительно сложный переплет отношений. Нам приходилось встречать таких членов колхоза, которые растаскивали колхозное имущество, не показывались на работе, нарушали трудовой порядок, вели отравленную ненавистью агитацию против социалистических форм хозяйства и... изображали колхозы как новый вид реставрированной «панщины»...

Раскулаченный кулак и его агентура, чтобы сорвать процесс раскулачивания и сплошную коллективизацию, выработали сложную шкалу «скользящих» лозунгов, меняющихся в зависимости от соотношения классовых сил и общей обстановки в районе. Выработана особая кулацкая «стратегия» борьбы за массы, своеобразная система и «методология» подхода к ним.

Кулацкий агитатор идет в массы чаще всего с лозунгом, обнаженным по своей классовой наготе, который вскрывает истинные пружины действительно происходящей классовой борьбы.

Классовая борьба в станицах Ейского района сконцентрировалась вокруг весеннего сева. Сев в текущем году должен был решить судьбу массового колхозного движения. Это понимали все. «Если колхоз посеет, значит он устоит», — так рассуждал и кулак. И он поставил своей задачей дезорганизовать, взорвать колхозы именно весной, когда проверяется их способность руководить хозяйственными процессами в деревне.

Вокруг сева кулак разбрасывал не только лозунги, он вел активную вредительскую работу. Еще до сева, когда началось с большим под'емом массовое движение бедняков и середняков в колхозы, по станицам гулял призыв разбазаривать скот, ломать инвентарь и сдавать его на слом. Случаев полома инвентаря было зарегистрировано немного, зато было зарегистрировано значительное количество фактов массового разбазаривания скота. По данным переписи скота на 15 марта 1930 г., лошадей уменьшилось, по сравнению с 1929 годом, на 16,5%, свиней на 65,5%.

К началу весеннего сева были обобществлены основные средства производства членов артелей, но не весь обобществленный скот и инвентарь находился в колхозе; часть лошадей и инвентаря еще оставалась в отдельных хозяйствах. По отношению к ним кулацкие агенты выбросили лозунг: «Не давайте артели ничего, она не сумеет ничего посеять, даром пропадет труд». А тех, кто уже отдал в колхоз свой инвентарь, подкулачники начали подталкивать на то, чтобы они пытались самовольно его забрать.

Этот лозунг получил известный отклик у масс. Начали разбирать лошадей, которые стали в центре борьбы. Насколько активные формы приняла борьба за лошадь, показывает пример станицы Капанской, где из 1916 обобществленных лошадей было уведено 538, или 28%.

Мы привели данные по наиболее неблагоприятной станице. Благодаря настойчивым усилиям местных организаций, поддержанных колхозным активом, удалось все же начать сев колосовых. Колхозники начали появляться в поле. Тогда кулак выбросил другой лозунг: «Не выходите на работу, а те, кто выходит—срывайте работу».

В станице Должанской, в 4-х участках, из общего количества в 1310 дворов не выходило на работу в течение всей посевкампании 167 д., или 13%. В станице Щербиновской не выходило 31,2% дворов, из них бедняков 9,2%, середняков 41,3%.

И хотя в ряде колхозов все хозяйства дружно работали, все же нельзя отрицать того факта, что часть колхозников, в особенности подавшие

заявления о выходе, **бойкотировали полевые работы** и мешали их нормальному ходу.

Кулацкие лозунги все время менялись, «трансформировались». Когда удалось закончить посев колосовых, кулацкие агитаторы пытались начать кампанию против посева технических, особенно против посева тех культур, которые вводились в массовом масштабе в этом году впервые—соя, кенаф.

Несомненно, в лозунге бойкота технических культур, помимо непосредственных целей помешать колхозу, просвечивало еще стремление ослабить сырьевую базу социалистической индустрии...

Иногда образовывались на этой почве «прорывы». Колхоз Девяткинских хуторов не смог справиться с посевом пропашных культур, т. к. значительная масса колхозников поддалась нашептываниям кулацкой агентуры. Тогда беднота Екатериновки организовала ударный трудовой полк из 540 человек, вооруженный 1170 лошадьми, несколькими десятками машин и 5 тракторами. Обеспеченный медицинской и ветеринарной помощью, полк ударников походным порядком прошел 60 километров и принял боевое задание посевной пятерки — помочь Девяткинскому колхозу и другим засеять в 8 дней 1.600 га технических культур.

Тактика раскулаченного кулака в течение последних 2-х месяцев была очень гибкой. Он внимательно следил за ходом посевной кампании, за всеми перебоями, связанными с ней — быстро реагировал, дав яркий образец того, как накануне своей гибели опрокидываемый класс мобилизует остатки своих сил и способностей, чтобы отстоять себе базу для существования. Однако сев закончен успешно.

Всего посеяно 94.426 га колосовых, из них колхозами — 91.829, т.-е. 97%. Это — **значительная победа социалистического** земледелия. Организованность передовых колхозников, их трудовое напряжение дали возможность перескочить через барьер кулацких маневров. Это не значит, что борьба кончилась. Она продолжается вокруг основного вопроса: по какому пути должна развиваться деревня: по социалистическому или капиталистическому?

* * *

Кулаки, зная всю силу ненависти трудящихся крестьянских масс к помещичьему хозяйству, буквально танцуют на этом чувстве, пытаясь установить черты внешнего сходства между колхозом и крупно-помещичьим хозяйством. «Там были приказчики, здесь их много. Там все было у хозяина, теперь все в колхозе. Там мы были подневольны — и тут не свободны...» А вывод напрашивается: колхоз—это новая панщина, в лучшем случае, это—новый тип государственного хозяйства, но ни в коем случае не добровольное кооперативное об'единение бедняков и середняков. Вот почему в нашей массовой работе в деревне надо усиленно подчеркивать решение XVI с'езда партии, что «**колхоз является добровольным об'единением крестьян, созданным на средства самих крестьян**». Понятно, проведение принципа добровольности отнюдь не предполагает ослабления большевистского руководства колхозным движением и борьбы за каждого колеблющегося.

Один подкулачник выступил на массовом собрании актива в станице Екатериновке и заявил: «Революция дала нам землю, волю и хорошую жизнь. Теперь, когда появились колхозы, у нас все это забрали. Земли у нас уже своей нет, она общая. Воли — тоже, — нами командуют колхозные приказчики, и хорошей жизни нет, потому что пошла междоусобица среди крестьян...».Эту мысль, будто восстанавливаются старые, чуть ли не дореволюционные отношения, кулацкие агенты варьируют по-разному. Из факта обобществления основных средств производства они подводят крестьян к выводу, будто бы новый этап социалистического строительства в деревне есть обезземеливание крестьянства и его массовая пролетаризация...

Один подкулачник в сжатой форме сформулировал это положение таким образом: «Благодаря революции мы приобрели себе собственность, а теперь нас от нее освобождают». Наша экспедиция была свидетелем частых и оживленных дискуссий на крестьянских собраниях, посвященных вопросу, чем была по своим социальным устремлениям и по содержанию наша революция: буржуазно-демократической, антифеодальной или социалистической революцией. Таких терминов казаки, правда, не употребляют, но их дискуссии непосредственно примыкают к этой проблеме.

Основные массы деревни процесс образования колхозов связывают с определенным историческим **поворотом** в развитии СССР. Налицо только разная оценка этого поворота.

Кулак и подкулачник утверждают будто бы новый этап революции направлен против интересов трудящихся деревни.

Мотивы кулацкой агитации сливаются и являются часто органическим продолжением лозунгов правооппортунистической оппозиции. Кулацкие агенты часто твердят, что основой хозяйственного развития является земледелие: «Без машин прожить можно, а без хлеба нельзя. Население в городе увеличивается, растет число рабочих и служащих. Чтобы их обеспечить, государство создает колхозы с целью наиболее быстрой перекачки хлеба. Нам на шею сажают нахлебников, а нас не обеспечивают»...

Чтобы обосновать утверждения, будто колхозы являются своеобразной формой государственного хозяйства, кулацкие агенты обычно ссылаются на разбухший канцелярский аппарат в колхозах. «Людей насадили, они должны все учесть, за всем уследить, чтобы лучше поставить эксплоатацию (!) крестьянства». Нехватает только термина «военно-феодальная»...

Кулацкий агитатор развертывает иногда законченную программу правых—аграризация страны и отказ от политики быстрого темпа индустриализации.

Все разговоры об избытке внимания к рабочим, которые усиленно ведутся кулацкой агентурой в станицах, имеют один смысл: дискредитировать политику быстрого темпа индустриализации и доказать крестьянину, что в советской системе крестьянство — «эксплоатируемый» класс...

Опыт работы экспедиции Аграрного института Комакадемии показал, что между требованиями правых в партии и лозунгами кулацких элементов существует прямая связь. В несколько видоизмененной словесной оболочке и в законченном виде кулаки повторяют **те же** лозунги, **те же** аргументы и **те же слова**, которыми оперируют **правые** в борьбе за свою капитулянтскую платформу...

Правые уклонисты в своих дипломатических и маневренных выступлениях на XVI с'езде партии пытались обойти молчанием тот факт, что они являются об'ективно **кулацкой агентурой в партии** и их линия «ведет к капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами страны». (Из резолюции XVI партс'езда).

Между тем практика лишний раз подтверждает, что **кулак в своей ожесточенной и вероломной борьбе за реставрацию капитализма опирается на платформу и оперирует идеологическим оружием правого уклона.**

Кулак и подкулачник, прежде всего, восстают против нашей классовой политики, против тенденции крепить колхозы на путях энергичного наступле-

ния на кулачество, против проведения в жизнь лозунга сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

На массовом собрании в Екатериновке 24 марта 1930 г. выступало 6 подкулачников. Центральной идеей в их речах было лицемерное требование «классового мира» и уравнения кулака с бедняком, зажиточного с батраком. Один начал с протеста против якобы искусственного деления крестьян на категории: «Кто это выдумал среди крестьян разные классы? До каких пор будет классовый принцип?» (так и говорили «принцип»).

Кулак отчаянно и бешено сопротивляется политике социалистического наступления, пускается на самые рискованные и авантюристские методы борьбы, пытается даже террором остановить рост колхозного движения. Вместе с тем, кулак не прочь поддержать «теорию» правых, будто бы партия искусственно разжигает классовую борьбу в деревне... Пред'съездовские вылазки правых, пытавшихся дискредитировать всю работу партии в деле коллективизации и связанные с ней мероприятия по ликвидации кулачества, были встречены с большим сочувствием в кулацких слоях. Кулацкие агитаторы развертывали на крестьянских собраниях требования правых о непрерывных уступках, о сокращении темпов социалистического строительства, проповедывали теорию «самотека» в колхозном движении и требовали отказа от сплошной коллективизации и ликвидации кулачества. Чтобы реализовать свою платформу, являющуюся базой в решающих моментах идеологии правого уклона, кулацкие проповедники ведут агитацию за то, чтобы вся деревня сплотилась в единое «общенародное» об'единение.

Бедняцко-середняцкому колхозу, руководимому нашей партией, противопоставляется призыв действовать «скопом» (как выражаются в станицах)—лозунг крестьянской (по существу кулацкой) политической партии. На одном из участков в Екатериновке один подкулачник сформулировал задачи кулацкой партии следующим образом: «город из деревни увозит все и по дешевым ценам. Еще до урожая нам надо организоваться в союз хлеборобов и организованно разговаривать с советской властью»...

Особенностью Ейского района является то обстоятельство, что здесь колхозы об'единяют десятки крупных производственных участков, охватывают по 20—30, а иногда и по 40 тыс. га земли. Образование таких больших колхозов не есть увлечение «гигантоманией», а результат исторически сложившихся отношений. Колхоз обычно об'единяет один юрт (так называется станица и прилегающие к ней хутора). Станица — это почти город, в ней бывает по 12 и 17 тыс. населения. Дробить одну станицу на несколько артелей нецелесообразно, и поэтому создается единая артель, с десятком производственных участков, с автономным хозяйственным аппаратом, подчиненным правлению артели. Колеблющийся крестьянин знает, что участки являются составными элементами единого общественного хозяйства, и вот он часто спрашивает: управятся ли колхозники, при чем он тем чаще задает эти вопросы, чем больше он встречает фактов неслаженности, неувязок между отдельными элементами единого артельного хозяйства. Раскулаченный кулак спекулирует на этом недоверии к слишком крупному колхозному об'единению, к колхозу-«гиганту».

В большом ходу среди кулаков и так называемая теория «самотека». Они говорят: «Нас насильно убеждают, держат до 5 часов на собрании и сбивают с панталыку». «Не надо, говорил один подкулачник, доказывать, что нужно в колхозы вступать. Пусть вывесят вывеску про колхоз». Сектанты подтверждают: «И в писании сказано, что крестьянин должен сам выбирать, какая форма хозяйства для него лучше»...

Здесь мы имеем дело с кулацким пониманием принципа добровольности, которое должно привести к ликвидации пролетарского и партийного руководства добровольным движением бедняцко-середняцких масс в колхозы. Кулак великолепно знает, что в выборе хозяйствования известная часть трудящихся масс деревни колеблется, и он хочет, чтобы ему, носителю эксплоататорских отношений, было разрешено во-всю играть на собственнических инстинктах, а пролетариат и партия должны лишь лениво созерцать борьбу «двух душ» мелкого товаропроизводителя...

Когда появилась в Ейском районе статья тов. Сталина «Головокружение от успехов», то не все ячейки сумели развернуть достаточно энергичную раз'яснительную работу. Этим воспользовался кулак, взяв на себя роль «истолкователя» генеральной линии партии.

Перегибы в колхозном движении еще и сейчас продолжают служить темой для разговоров и возбуждения страстей. Кулак использует не только отдельные местные случаи искривления линии партии, но демагогически играет на их косвенном влиянии. Когда кулацкий проповедник говорит о перегибах, то он использует не только местные случаи, — он рассказывает о перегибах, имевших место в стране, а также о всех мыслимых искривлениях, не нашедших применения, широко при этом пользуясь нашей газетной информацией. Кулацкие идеологи в своей борьбе против колхоза прикидываются «сторонниками» генеральной линии партии, демагогически извращают смысл принципа добровольности колхозного движения с тем, чтобы повернуть его против социалистического строительства и сплошной коллективизации деревни.

Когда мы употребляем термин «кулацкий лозунг», то мы, прежде всего, выясняем социально-классовый источник лозунгов классовой борьбы, интересам какого класса они служат. Основная фигура, на которую раскулаченный кулак опирается, — подкулачники. Подкулачники вербуются из всех слоев населения, но основное ядро, при помощи которого раскулаченный кулак оперирует для решения своих основных стратегических задач,—это люди, которые имеют солидный «опыт» и «стаж» антисоветской борьбы.

Вот данные о наиболее злостных врагах колхозного движения одной из станиц:

Служили в контрразведке	7 человек.
Выносили смертные приговоры	2 „
Избивали и пороли трудовое население в годы гражданской войны	5 „
Бандиты	3 „
Участвовали в разоружении органов милиции	20 „
Активно срывали хлебозаготовки	6 „
Срывали собрания бедноты	2 „

Такие кадры с таким стажем способны отстаивать интересы кулачества и не очень щепетильны в выборе средств...

Кулак пытается опереться на различные социальные звенья, но, разумеется, там, где ему удается, он с особенной охотой пускает вперед бедняка. В станицах все знают наизусть знаменитое ленинское положение, что кулак—это враг, середняк—союзник, а бедняк—опора советской власти. И кулак говорит бедняку: «Ты считаешься опорой, ты самая главная сила у советской власти, тебе и по штату положено брать за глотку вожаков колхоза».

Колхоз стал межой в отношении между классами в теперешней казачьей деревне. *Колхоз волнует*, он служит темой для речей, вопросов и размышлений. Все слои крестьянства прекрасно понимают, что колхоз *коренным* образом меняет структуру сельского хозяйства, вырабатывает другой тип общественно-производственных отношений. В деревне понимают, что колхоз несет большие и при том *революционные* изменения в деревенский уклад, что он является величайшим переворотом в жизни масс.

Крестьяне собираются, обсуждают в группах волнующие их вопросы о колхозе. В таких группах не всегда увидишь коммуниста или комсомольца, зато часто присутствует *подкулачник*. Он уже обязательно постарается внести элемент разложения. Особенно в «ударе» подкулачник, приехавший из города. Он имеет всегда запас всяких политических басен, нелепых и неестественных. Целую неделю подкулачник оперирует с ними в закоулках, пока кто-нибудь не разоблачит его. Подкулачник часто берет на себя роль толкователя советских законов, статей из газет. Одна северо-кавказская газета вышла как-то с такой шапкой: «Задумайся хлебороб, как тебя втянули в колхоз, насильно или добровольно?». Газета была на руках всех подкулачников. Кого они ни встречали, они предлагали «задуматься», и толковали *вопрос* газеты, как *призыв* выйти из колхоза (!)...

Когда появляются признаки заметного недовольства среди масс, кулак и подкулачник применяют более *активные* формы борьбы. Первое место занимают так называемые *стихийные собрания*. Собираются в определенные часы возле общественных учреждений. На собрании нет председателей, нет докладов, все говорят, все шумят, все чего-то требуют. Присутствует много женщин. Они выступают резче, ведут себя активнее. Накануне посева колосовых, отчасти и перед посевом пропашных, в нескольких станицах происходили подобные собрания, на которых собирались подавшие заявления о выходе из колхоза. Главным требованием этих собраний было: «Распустить артель» или «раздать инвентарь, лошадей, разобобществить землю». Иногда организаторы пытаются придать стихийным собраниям невинный характер. В Екатериновке 10 мая собралось стихийное собрание в количестве 200 человек. Главарь этого собрания, подкулачник Бутенко, предложил присутствующим выбрать делегацию в стансовет и потребовать, чтобы «вышли власти и дали отчет народу». В «дополнение» к советской общественности кулак пытается создать еще «стихийную» общественность...

* * *

Исключительно высокие формы активности кулака есть *ответ* на нашу политику ликвидации кулачества как класса.

Одной из форм борьбы кулака с колхозом является агитация за выход из колхоза, агитация за то, чтобы «растащить» колхоз, чтобы воспользоваться хорошим урожаем в колхозе для индивидуального обогащения.

Надо *различать* выходы из колхоза, которые имели место весной и которые возможно будут летом и осенью. Весенние выходы в основном об'яснялись нарушением принципа добровольности вступления в колхоз, это было выявление «мертвых душ».

Выходы осенью могут являться, с одной стороны, результатом плохой организации дела, результатом отсутствия трудовой дисциплины в колхозе. С другой стороны, будут иметь место выходы, *подсказанные* кулаком. Тов. Яковлев в своем докладе на XVI с'езде дал четкую установку о недопустимости либерального отношения, потворства выходам такого характера. Он сказал:

«*Есть выходы, подсказанные кулаком. Кулак ведет войну с колхозом.* Немало есть и в колхозах *подкулачников*, готовых унести с собой 10—15 га засеянной общественным трудом земли, да к этому прихватить своего конягу, свой инвентарь да еще получить к тому же гарантию, что к кулакам их не отнесут. Чем лучше прошел посев, тем больше у таких элементов тяги к выходу, к тому, чтобы использовать первый колхозный посев для индивидуального обогащения. Таких подкулачников нельзя рассматривать иначе, как дезертиров. Всякое либеральничанье, доходящее до готовности в любой момент любому такому дезертиру выделить колхозную землю, несмотря на прямое запрещение устава, надо рассматривать как прямое пособничество кулаку.

...*Людей, которые пытаются крестьян принудить к вступлению в артель, мы рассматриваем, как врагов партии и советской власти, как пособников кулаков.* Но вместе с тем в отношении тех, кто вошел в артель, мы говорим прямо: не может быть общего хозяйства без установления элементарной дисциплины...

Ты вошел в артель добровольно, но это не значит, что ты в любой момент можешь ее растащить по своему усмотрению. (Доклад тов. Яковлева на XVI с'езде ВКП(б).

Переключение внимания основных масс колхозников на хозяйственно-организационные задачи требует разряжения элементов классовой борьбы внутри колхозов. Эту задачу нельзя разрешить, *не изгнав из колхозов* проникших в их ряды тайных и явных агентов кулака, активно борющихся против социалистического строительства. В станицах еще остались хозяйства раскулаченных, они являются питательной базой для всех тех маневров, о которых мы говорили выше.

Довести в районах сплошной коллективизации до конца дело ликвидации кулачества как класса является совершенно настоятельной необходимостью, учитывая «величайшее историческое значение этого лозунга, означающего штурм рабочего класса на *последний оплот* капиталистической эксплоатации в стране». (Из резолюции XVI с'езда партии).

Довести до конца ликвидацию кулачества в районах сплошной коллективизации, это значит—выявить всех до последнего (в том числе и загримированных кулаков), это значит—закончить до конца их раскулачивание, беспощадно подавлять кулацкий саботаж и вредительство. Это, наконец, значит выбрасывать из партии правых оппортунистов, отказывающихся бороться за генеральную линию и работающих об'ективно на кулака.

Ейск—район, где живут донские и кубанские казаки. Диктатура пролетариата упрочилась здесь в результате долгих лет упорной, кровавой войны. Часть местного населения была базой для формирования белогвардейских банд, а в прошлом большинство служило в казачьих полках, игравших роль опоры буржуазно-помещичьего режима. Станицы, имевшие в прошлом значительные *вандейские* кадры, повернули на социалистический путь развития.

В колхозах Ейского района зимою 1930 года состояло 93% бедняцко-середняцких хозяйств. Колебания мелких собственников на крутом повороте плюс вредительская активность кулака, помноженная на ошибки местных организаций, привели в марте к значительному отливу. 18% крестьянских хозяйств Ейского района заявили о выходе из колхоза. Все же 75 проц. осталось, осталось после отката, после трехмесячной упорной борьбы кулака за колеблющихся. Значение этого факта *нельзя недооценивать*.

Если в *казачьих* станицах самые консервативные в прошлом слои вливаются массовым потоком в колхозное движение, то это также *лишнее* доказательство наличия *глубокого перелома* в сторону социализма, происшедшего в последнее время среди середняцких масс.

Ленин не раз повторял свое известное положение, что в революционную эпоху дни и месяцы по своему историческому значению бывают равны годам и десятилетиям мирного развития.

Событием большого исторического значения, которое ускорит победоносное строительство социализма, является процесс превращения середняка-казака, связавшего свою судьбу с колхозным движением в важнейших зерновых районах, из союзника в *действительную опору советской власти в деревне.*

Изменение социальной природы середняка, которое началось, развертывается и охватит собою в ближайшем развитии большие пласты «центральной фигуры земледелия», целиком соответствует коренным задачам социалистической революции. Для победоносного завершения своей революции рабочий класс подводит материально-техническую базу, развивает крупную индустрию, осуществляет социальную реконструкцию сельского хозяйства и этим самым *расширяет социальную базу своего господства.*

Крупнейшим политическим балансом, с которым наша партия пришла на XVI с'езд, является интенсивный рост социалистического уклада в сельском хозяйстве, в результате чего «*меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР*, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический в сельском хозяйстве». (Из резолюции XVI с'езда партии).

Но тут же надо рассеять недоуменное состояние многих оппортунистов: не сразу, не «вдруг», не в один день середняк превратился в опору. Только люди, забывшие азбуку ленинизма и платящие дань революционной фразе, могут думать, что бурный рост коллективизации автоматически снимает все противоречия деревни, вызванные классовым расслоением и господством предрассудков, рожденных мелкотоварным производством.

С муками и болью, в драматическом единоборстве «двух душ», преодолевая колебания и сомнения, свойственные мелкому товаропроизводителю, нарождается новый тип середняка-колхозника—опора рабочего класса. *Колхоз* формирует этого нового середняка. В артелях, вместо частной собственности на средства производства, имеется коллективная собственность на основные средства производства. Частых межей на полях района мы нигде не встречали, всюду созданы единые, общественные земельные массивы. В колхозах начинает складываться (с борьбою и трениями) новый тип трудовых взаимоотношений. *Работают не на себя, а на колхоз.* Появляются зародыши планового продуктообмена между городом и колхозом.

Начинают складываться новые формы распределения результатов труда. Стойкий середняк одобряет в основном переход на распределение продукции по качеству и количеству затраченного труда, и колхозные единицы учета труда входят в сознание середняка, как прочная форма распределения, хотя у него имеются к ней некоторые поправки.

> «*В артели не завершается, а лишь начинается* дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству. В колхозах крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного под'ема всей колхозной массы». (Из резолюции XVI с'езда партии).

В колхозе заложены все предпосылки для того, чтобы постепенно, в процессе длительного общения середняков с беднотой, в едином коллективном хозяйстве были устранены противоречия, связанные с материальным неравенством и собственническими предрассудками.

Задача партийных организаций использовать целиком и до конца социалистическую природу колхоза, чтобы середняк-колхозник был сознательным и стойким борцом за социалистические отношения деревни. Решив успешно эту задачу, мы с корнем и без остатка вырвем влияние кулачества в деревне.

Опыт ликвидации кулачества как класса на Сев. Кавказе имеет большое значение для всей партии.

Он показал, прежде всего, что осуществление такого исторического мероприятия, как сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества, не может проходить без затруднений, без обострения классовой борьбы и частичных колебаний середняка.

Преодолеть сопротивление кулака, пресечь его попытки отстоять себя и сохранить влияние в деревне можно лишь методами *самого решительного наступления на кулачество*, сплочением и организацией бедноты, широким вовлечением середняка в колхозы и их руководящие органы и созданием массовой партийной организации в деревне. Особо важное значение приобретает последняя задача.

«Создание сильных партийных ячеек в совхозах и колхозах, превращение совхозов и колхозов в опорные пункты партработы в деревне... становится необходимой предпосылкой успешной работы партии по социалистической реконструкции сельского хозяйства». (Из резолюции XVI с'езда ВКП(б).

Несмотря на большие трудности при осуществлении практических мероприятий по ликвидации кулачества, опыт показывает, что колхозы способны в самый ближайший отрезок времени заменить производство кулацких хозяйств и перекрыть их производительность. В обстановке самой злостной антиколхозной агитации, вредительства и саботажа, план весеннего сева был выполнен, при чем колхозы С. Кавказа в текущем году дали рекордную цифру: они засеяли 74% всей посевплощади ярового клина.

Таким образом, ставка партии на колхозы, как на производителей *товарного хлеба*, целиком оправдалась и одновременно рассеялась легенда правых, будто бы страна не проживет без кулацкого хлеба...

В ответ на бешеную активность классовых врагов и их оппортунистической агентуры, XVI с'езд партии в докладе тов. *Сталина* и в резолюции с'езда выдвинул лозунг *развернутого социалистического наступления по всему фронту.*

Это значит, что *главным лозунгом* партии на весь текущий период остается *ликвидация кулачества как класса*, окончательное выкорчевывание остатков капитализма в сельском хозяйстве. Осуществление этого лозунга «потребует *длительной и упорной* борьбы с кулаком, систематической работы над проведением коллективизации и должна развертываться *в полном соответствии с осуществлением сплошной коллективизации и как ее неразрывная часть*». (Из резолюции XVI с'езда ВКП(б)).

Практика показала, что кулак берет на щит идеологию правого уклона, он законно рассматривает правых, как свою политическую агентуру в нашей партии. Практика обследования нашей экспедицией лишний раз подтверждает, что правые выражают политические устремления враждебного пролетарской диктатуре класса, который борется за реставрацию капитализма. Вот почему *нельзя* ликвидировать кулачество как класс и завершить сплошную коллективизацию без разоблачения правооппортунистической идеологии, без изоляции и окончательного *разгрома правого уклона.*

К. Таболов.

Против великорусского шовинизма в вопросах национальной культуры.

«Партия должна усилить борьбу с обоими уклонами (великодержавным шовинизмом и местным национализмом) в национальном вопросе и с примиренчеством к ним, усилив одновременно внимание к практическому проведению ленинской национальной политики, изживанию элементов национального неравенства и широкому развитию национальных культур народов Советского Союза».

(Из резолюции XVI с'езда ВКП(б) по отчету ЦК).

Эти несколько строк намечают совершенно правильные перспективы в национальной политике партии на новом этапе. Вместе с тем они отражают итоги громадной работы партии по установлению фактического равенства национальностей. При чем эта работа по установлению фактического равенства велась и должна вестись в дальнейшем путем непримиримой борьбы на два фронта в национальном вопросе в целом и в строительстве национальных культур в частности.

Дело в том, что в числе других тяжелых наследий царизма диктатура пролетариата получила громадное политическое, экономическое и культурное неравенство национальностей. Правда, в ходе революции и гражданской войны, а затем в связи с началом восстановительного периода пролетариат успешно решил задачу установления так наз. формального, прежде всего, политического равенства трудящихся различных наций.

Однако, победивший пролетариат не мог ограничиться в национальной политике установлением только формального равенства. Поэтому с переходом к нэпу партия на своих с'ездах во всю ширь поставила задачу достижения фактического равенства национальностей. При этом было ясно, что фактическое равенство национальностей нельзя установить без длительной и серьезной помощи центра — окраинам, быв. метрополии — быв. колониям, ранее угнетавшей нации — ранее угнетенным нациям.

Следовательно, основная задача национальной политики восстановительного периода заключалась в установлении фактического равенства национальностей. Эта идея проходит красной нитью через все решения X и XII с'ездов партии. На X с'езде в своем докладе тов. Сталин сказал:

«Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) национальностей, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [1]).

[1]) «Стенограф. отчет X с'езда партии», стр. 101.

Следовательно, основная задача национальной политики партии—«дать возможность» отсталым народам догнать центральные районы в политическом, культурном и хозяйственном отношениях. Суть национального вопроса заключалась, таким образом, в том, чтобы материально помочь отсталым национальным окраинам догнать передовые районы страны.

Эта мысль в еще более резкой и категорической форме сформулирована в резолюции XII с'езда партии. Там сказано:

«Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих, или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне» [1]).

На основе этих директив за восстановительный период партия проделала огромную работу по оказанию «действительной и длительной помощи» отсталым национальным окраинам.

Во-первых, для окончательного завершения политического равенства национальностей были образованы независимые и автономные республики, национальные области и районы. Во-вторых, для установления экономического равенства были переброшены фабрики и заводы в республики и автономные области, была оказана большая финансовая и прочая помощь трудящимся отсталых национальностей. В-третьих, для установления культурного равенства партия провела большую работу по выработке и развитию национальных культур трудящихся различных национальностей, создавала школы, клубы и проч. на родном языке.

В деле фактического неравенства национальностей огромное значение имеет культурный момент. Если во всей стране советская власть унаследовала от царизма огромную культурную отсталость, то в национальных окраинах бескультурье нередко доходило до ужасающих размеров. Достаточно сказать, что многие национальности в несколько сот тысяч человек не имели даже своей письменности (чеченцы, ингуши и т. д.), народы больше чем в полмиллиона человек насчитывали только десятки грамотных (туркмены и проч.). Словом, огромное большинство мелких угнетенных наций страны, по существу, даже не имело своих нацкультур в полном смысле этого слова.

Следующие отрывочные цифры показывают культурную отсталость различных национальностей при царизме. Если в 1915 г. на территории, ныне занимаемой РСФСР, охват детей школьного возраста составлял 55,2%, то на территории нынешнего Узбекистана—2%, Дагестана—6,6%, Якутии — 10%, Туркмении — 11,4% и т. д. [2]). При этом вряд ли нужно оговаривать, что в некоторых окраинах и этот процент почти исключительно составляли русские дети. Например, в Туркестане в 1912 году в правительственной школьной сети было в среднем 1,2% детей школьного возраста коренных национальностей. Остальная часть учащихся детей угнетенных национальностей обучалась в религиозных школах.

Царизм, преследуя малейшие попытки создания и развития среди «инородцев» родного языка, письменности, искусства и проч., вместе с тем старался всеми силами их насильственно руссифицировать. Все это вместе взятое создавало небывалую культурную отсталость трудящихся нацокраин, загоняло культурный рост масс мелких народов в тупик.

Именно, поэтому, сейчас же после Октябрьской революции, а особенно в связи с переходом к мирному строительству, проблема культурного развития угнетенных ранее национальностей встала во весь рост. Нужно было

[1]) «РКП(б) в резолюциях ее с'ездов», стр. 363.
[2]) «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», стр. 270.

создавать школы низшие и средние, прежде всего. Надо было развить письменность, прессу. Далее, необходимо было развивать искусство, музыку и т. д. И встал вопрос,—на какой основе? На основе ли русской культуры — тогда неизбежно неравенство языков, неравенство наций и, по существу, продолжение руссификаторской политики царизма. Партия категорически отвергла этот путь культурного под'ема отсталых национальностей.

Ленинская партия твердо пошла по линии создания школ на родном языке каждой национальности, создания и развития их письменности, создавая и развивая тем самым национальную культуру трудящихся различных народов на основе советов. Эта установка наиболее четко выражена в резолюции X с'езда партии. Там сказано:

> «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) *развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке*; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» [1].

Осуществляя эти решения, наша партия проделала огромную работу по созданию школ, театров, письменности, по развитию музыки, искусства и проч. трудящихся различных национальностей страны. Партия считала культурный фронт в работе национальных окраин одним из наиболее серьезных участков работы в деле установления фактического равенства национальностей. Вот почему соввласть добилась огромных успехов в деле поднятия грамотности среди трудящихся национальных окраин. Так, с 1920 по 1926 год поднялась грамотность вотяков с 3 до 25%, башкир с 9,2 до 24%, черкесов с 5 до 16% и пр. Далее, с 1924 по 1928 г. количество учащихся на 1.000 душ населения в школах всех типов увеличилось по 8 автономным республикам РСФСР с 56,8 до 85 чел.

Вместе с тем в культурном развитии национальных окраин имеются весьма слабые участки. Так, напр., в 1927—1928 году школой I ступени было охвачено детей фактического школьного возраста — по Союзу 70,1%, Украине—80,5%, Туркменистану—31,1%, Узбекистану—27,6%, по 9 республикам РСФСР — 62,03% [2]). Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Чечня и др.—наши слабые участки на фронте культурного строительства. Надо принять решительные меры, чтобы двинуть вперед отстающие в школьном строительстве республики и нацобласти до уровня передовых районов.

Но самый культурный рост национальностей и задачи дальнейшего их развития поставили в порядок дня вопросы о судьбах национальных культур, об увязке их роста с задачей создания интернациональной культуры социализма. При этом очень многие работники не только центра, но и национальных областей и республик, в том числе выходцы из ранее угнетенных наций, понимали дело создания и развития национальных культур, по преимуществу, как агитационный шаг, не принимали или не понимали подлинную политику партии в деле развития национальных культур. Требовалась большая ясность в решении вопроса о взаимоотношении национальной и интернациональной культуры и пр.

Вопросы взаимоотношений национальных культур переходного периода и интернациональной культуры социализма, а также задачи культурного

[1]) «Стеногр. отчет X с'езда партии», стр. 324—325.
[2]) «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», стр. 276.

строительства национальных окраин получили четкую формулировку в докладе тов. Сталина на собрании студентов КУТВ'а. Сталин говорил:

> «Если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей... *Пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру*» [1]).

В этой формулировке соответствующий пункт резолюции X с'езда партии нашел блестящее по своей глубине и ясности—развитие. Вместе с тем формулировка т. Сталина, воплотив опыт культурного строительства национальных окраин, намечает ближайшие задачи и указывает отдаленные судьбы национальных культур переходного периода. Эта четкая формулировка задач развития национальных культур сыграла громадную роль в проведении и укреплении линии партии.

Однако, политика партии в деле развития национальных культур, выраженная наиболее четко в формулировке тов. Сталина, вызвала атаки со стороны троцкистско-зиновьевской оппозиции. Ваганян, теоретический оруженосец троцкизма по национальному вопросу, подверг резкой критике национальную политику пролетариата, обвинив партию в бауэровщине, в национализме. При этом критика Ваганяна носила ярко выраженный великорусско-шовинистический характер. Устами Ваганяна восстало против ленинской линии партии великодержавное колонизаторство. Ваганяновщина до сих пор является знаменем великорусского шовинизма в вопросах развития, вернее, отрицания развития национальных культур.

Прежде всего, Ваганян и троцкисты выступили против самой национальной культуры. Они полностью отождествили национальную культуру и культуру буржуазии. Ваганян писал:

> «Под национальной культурой следует понимать *только господствующую классовую культуру буржуазии*» [2]).

Итак, национальная культура есть даже не просто культура буржуазии, а культура господствующей буржуазии. Но раз троцкисты стали на точку зрения отождествления буржуазной и национальной культуры, то логически они должны были отвергнуть национальную культуру как культуру буржуазии. Корень ошибки Ваганяна, следовательно, заключается в том, что он не понимает классовой сущности национальной культуры. Ясно, что, с точки зрения Ваганяна, надо было не развивать, а всячески ломать национальные культуры как псевдоним культуры буржуазии.

При этом Ваганян не понял расстановки сил в классовой борьбе вокруг вопросов нацкультуры. Он полагает, что буржуазия за всякую национальную культуру. А между тем факт, что против строительства — национальных по форме, пролетарских по содержанию — культур классовый враг ведет отчаянную борьбу. Характерно, что кулаки и муллы выступают против советской национальной культуры, которую троцкисты окрестили буржуазной, и в противовес выдвигают религиозные школы, преподавание корана, арабскую письменность и т. д. Такие требования они выдвигали еще весной этого года в Борчало, Белоканском районе (Закавказье). Разве не ясно, даже из таких фактов, что если бы лозунг развития национальных по форме, пролетарских по содержанию культур был лозунгом буржуазии, последняя не выступала бы против нее? Разве тот факт, что буржуазно-нацио-

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 258—259.
[2]) В. Ваганян. «О национальной культуре», стр. 51.

налистические элементы самых различных наций ведут отчаянную борьбу против строительства советских национальных культур, лишний раз не подтверждает правильность линии партии на развитие национальных культур и колонизаторскую сущность Ваганяна и троцкистов?

Решительно отвергнув троцкистско-ваганяновские предложения, партия на XV с'езде еще раз подтвердила необходимость всемерной поддержки и развития национальных культур трудящихся. С'езд особо подчеркнул задачу установления фактического экономического и культурного равенства. В резолюции с'езда сказано:

> «Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам под'ема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития и их экономики и культуры» [1]).

Потребовав «более быстрый темп развития» национальных областей и республик, XV с'езд дал тем самым новую, более развернутую формулировку задач установления фактического равенства национальностей. Ибо при том бурном росте хозяйства и культуры, который испытывает Советский Союз в реконструктивный период, нельзя достигнуть фактического равенства национальностей, не установив временного неравенства в темпах развития путем форсирования экономического и культурного роста национальных областей и республик.

Наиболее полная и категорическая формулировка задач пролетарской революции в области развития национальных культур имеется в программе Коминтерна. Программа в числе основных задач пролетарской диктатуры выдвигает:

> «Обеспечение и поддержку всеми силами и средствами советского государства национальных культур освободившихся от капитализма наций при последовательной пролетарской линии в деле развития содержания этих культур» [2]).

Следовательно, программа Коминтерна снова ставит задачей пролетарской диктатуры помощь угнетенным национальностям «всеми силами и средствами». Далее, пролетарская диктатура должна оказывать поддержку в развитии не всякой национальной культуры, а в развитии культур наций, освободившихся от капитализма. И, наконец, эта поддержка должна быть обусловлена всемерным развитием пролетарского содержания национальных культур.

Но можно ли в национальной форме развивать пролетарское содержание? Ваганян на это дает отрицательный ответ. О форме и содержании культуры, Ваганян пишет:

> «Форма культуры не ограничивается ее наружностью, она—ее строение, «ее» закон»,—как говорит Гегель. С этой точки зрения только в обыденном разговоре можно говорить о национальной форме культуры, а научный язык—язык марксистской науки такого дикого сочетания не признает, ибо структура культуры, ее строение (т. е. форма культуры) определяется в конечном итоге не языком и нравами, а классовой борьбой» [3]).

Здесь заложена вторая ошибка Ваганяна. Выше Ваганян отождествил буржуазную и национальную культуру и, таким образом, выступил против строительства и развития культур трудящихся различных национальностей. Тут же Ваганян, по существу, связав национальную форму с определенным

[1]) «Стенографический отчет XV с'езда», стр. 1300.
[2]) «Программа и устав Коминтерна», стр. 43.
[3]) В. Ваганян. «О национальной культуре», стр. 44—45.

классовым (буржуазным) содержанием неразрывной связью,—также выступил против линии партии в вопросах национальной культуры. Ваганян полагает, что раз культура национальная, то она тем самым буржуазная, раз форма национальная, то и содержание должно быть обязательно эксплоататорским.

Но это неверно теоретически, и вредно политически. Верно, что содержание культуры состоит из классовых принципов. Верно, что национальная культура при господстве буржуазии по своему содержанию совпадает с культурой господствующего класса. Но также верно, что национальная форма вполне совместима с социалистическим содержанием, не уничтожается пролетарской революцией, а наполняется новым, тоже классовым, но пролетарским содержанием.

Эта установка наиболее четко выражена в формулировке т. Сталина. Он писал:

> «Мы строим пролетарскую культуру. Это верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,—такова та общечеловеческая культура, которая идет к социализму. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот. Национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму» [1]).

Отвергнув путаницу Ваганяна и колонизаторские установки его— об'явить национальную форму только «облачением» буржуазной культуры и тем самым повести борьбу против национальных культур трудящихся различных национальностей — партия повела еще более интенсивную работу по установлению фактического равенства национальностей на фронте культурного строительства. Партия отвергла политически вредную линию противопоставления национальной формы и пролетарского содержания.

Противники развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур переходного периода обычно прикрываются именем Ленина. Но Ленин, всячески третируя национальную культуру при господстве буржуазии, имел ввиду при этом эксплоататорское, буржуазное содержание культуры, но не национальную форму. Ленин предостерегал от борьбы с национальной культурой «вообще», считал это неправильным.

Вот, что писал Ленин о национальной культуре еще до войны:

> «В каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплоатируемые массы, условие жизни которых неизбежно порождает идеологию демократическую и социалистическую... Ставя лозунг «интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [2]).

Таким образом, Ленин не об'являет войну нацкультуре вообще, а указывает, что при господстве буржуазии в каждой национальной культуре, помимо господствующего буржуазного принципа, имеются «элементы» демократические и социалистические, поскольку в каждой нации есть трудящиеся. По существу, Ленин в каждой национальной культуре отмечал две противоположные культуры, национальную культуру буржуазии и национальную культуру пролетариата. Ленин писал:

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 257—258.
[2]) Ленин. т. XIX, стр. 43.

«Есть две нации в каждой современной нации,—скажем мы всем национал-социалам. *Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре.* Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [1]).

Следовательно, по мнению Ленина, при господстве капитализма, кроме господствующей культуры буржуазии, черносотенцев и клерикалов, Пуришкевичей и Гучковых, существовала в качестве «элемента» другая национальная культура, — пролетариата, Чернышевских и Плехановых. Именно поэтому Ленин не мог выступать против национальной культуры «вообще», не мог отождествлять национальную культуру в целом с культурой буржуазии.

Само собой понятно, что после свержения господства буржуазии, при диктатуре пролетариата, классовое содержание национальной культуры, коренным образом изменилось. Национальная культура буржуазии и крепостников, Пуришкевичей и Гучковых, низвергнута, уничтожена и превратилась в «элемент», который все больше и больше сходит на-нет. И напротив, национальная культура пролетариата, Плехановых и Чернышевских и, главное, Ленина, превратилась в господствующую, все возрастающую культуру строящегося социализма.

Таким образом, полностью оправдалось следующее положение Ленина:

«Значение лозунга национальной культуры определяется *об'ективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира*» [2]).

Октябрьская революция коренным образом изменила соотношение классовых сил в стране и в том числе в области содержания национальной культуры. Именно только после Октябрьской революции стало возможным и даже необходимым для пролетариата выдвинуть лозунг развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур различных народов Советского Союза. Да иначе и быть не могло, ибо пролетарская революция, уничтожая эксплоататорское классовое содержание культуры, не может ставить своей задачей ломку и уничтожение национальных форм.

Сейчас ясно для каждого — и это полностью подтвердил опыт нашей революции—что в переходный от капитализма к социализму период нации не только не уничтожаются, но и развиваются, даже формируются новые нации. Весь этот процесс происходит в обстановке классовой борьбы и не в обычных, т.-е. буржуазных, условиях. Процесс развития и формирования наций у нас возглавляет не буржуазия, а социалистический пролетариат. Это единственно правильный путь приобщения трудящихся отсталых наций к социалистическому строительству. А пока существуют и даже возникают нации, не может не существовать и не развиваться советская национальная культура.

Все эти основные вопросы национальной политики получили новое подтверждение и развитие в докладе тов. Сталина на XVI с'езде партии.

В своем докладе тов. Сталин сказал:

«Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявить все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. *Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет*

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 50.
[2]) Там же, стр. 44.

в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре» [1]).

Итак, к единой общей и по форме и содержанию социалистической культуре победившего во всем мире пролетариата, через расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата — такова политика партии. При этом партия никогда не ставила самоцелью развитие национальной формы. Основное для нас—всемерное развитие пролетарского, социалистического содержания культуры.

Какое огромное революционное значение имеют мероприятия партии в деле строительства нацкультур, видно на работе по замене арабского алфавита многих восточных народов СССР унифицированным латинским. Старый арабский алфавит был символом религии, на нем, по преимуществу, издавали священные книги. По существу, это—не массовый рабоче-крестьянский, а кастовый алфавит, доступный узкому кругу интеллигенции и духовенству. Поэтому по инициативе трудящихся отсталых, прежде всего, тюркских народов соввласть взяла курс на замену арабского — латинизированным алфавитом. Вот почему это мероприятие встретило огромное сопротивление со стороны реакционного духовенства и националистической интеллигенции. Так, в Татарии группой интеллигенции в начале введения латинизированного алфавита был подан протест «81» в Обком партии и в Москву. Однако, сейчас совершенно ясно, что латинизированный алфавит неимоверно облегчает массам научиться грамоте, дает им возможность использовать плоды национальной культуры и служит фактором, сближающим национальные культуры народов СССР. Таким образом, латинизированный алфавит—крупнейший фактор по пути развития национальных культур народов СССР и в то же время крупнейший шаг по пути к интернациональной культуре.

Только через развитие национальных культур переходного периода лежит путь к торжеству общечеловеческой культуры социализма. А в эпоху диктатуры пролетариата, когда существуют и даже возникают нации, только в национальной форме может происходить рост и всемерное укрепление пролетарского содержания. Неправ поэтому тов. Луппол, когда пишет следующее:

«Политика рабочего класса, очевидно (?!), пойдет по пути изживания национально-культурных особенностей, ибо и они своей каплей *увеличивают силу капитализма*, раз'единяя и разбивая силы трудящихся» [2]).

Это ошибочная, по сути, непартийная точка зрения. Ведь жизнь показала, что политика рабочего класса до сих пор шла вовсе не в направлении изжития национальных культур и культурных особенностей, а, наоборот, их развития. Опыт также показал, что в переходный период лозунг создания и развития национальных культур на основе советов не «увеличивает силу капитализма» и не раз'единяет трудящихся, а как-раз, наоборот, ослабляет силу капитализма, укрепляет позиции пролетариата среди трудящихся, прежде всего, крестьян — самых различных отсталых национальностей. Иначе линия партии на развитие и даже создание национальных культур была бы ошибочной. Давно пора изгнать из литературы взгляды, противоречащие политике партии в области национальной культуры.

В своем докладе на XVI с'езде тов. Сталин сказал:

«Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма, глубоко ошибаются полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как-раз наоборот. *На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцве-*

[1]) И. Сталин. «Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)», стр. 85.
[2]) И. Луппол. «Ленин и философия», изд. 3-е, 1930 г., стр. 257.

та национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и ускорением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки национальных культур народов СССР» [1]).

Ясно, что это место полностью можно отнести не только по адресу Ваганяна, но и отчасти Луппола и других.

То, что национальные культуры могут развернуться еще с новой силой, показывают цифры о национализации школы. Так, по переписи 1926 года, из учтенных 89 народностей только 26 имели из всего количества грамотных свыше 70% грамотных на родном языке (среди них впереди идут русские—99,7% грамотности на родном языке) и 7 народностей, у которых только ниже 15% грамотных на родном языке (среди них хакасы—только 3% из всех грамотных на родном языке, курды—2,3%).

Далее, в 1927—1928 году в школах 1 ступени родным языком были обеспечены русские дети по РСФСР на 99%, вотяки в Вотской обл.—на 2,7% (русские там же—на 71,5%), калмыки в Калмыцк. обл.— на 8,6% (русские там же—на 99,8%) [2]). Эти цифры говорят о том, как мало мы еще национализировали даже начальную школу. Затем они же подтверждают мысль тов. Сталина, что по мере перевода этих школ на родной язык многие национальные культуры получат огромный размах и развитие.

Рост национальных культур имеет пока что огромные резервы. Одним из них является дело культурного роста восточницы. Так, к 1926 году грамотных женщин было у калмыков 3,5%, казаков—3,1%, ингушей—1,7%, чеченцев—0,3%, и т. д. И вместе с тем в 1927—1928 г. школами 1 ступени охвачено из девочек школьного возраста: у калмыков — 24%, у казаков—12,2%, ингушей—11,7%, чеченцев—6,5%. Тут нужна упорная работа против отсталого быта и предрассудков, чтобы восточницу сделать грамотной. А это выполнимо только при всемерном развитии сети школ на родном языке, на базе растущей национальной культуры.

То, что политика отрицания роста и развития национальных культур есть идеология великодержавного шовинизма — нагляднее всего можно показать на высказываниях Ваганяна. Ваганян, отождествивший буржуазную и национальную культуру, об'явивший лозунг развития национальных культур национализмом, нагляднее всего показал свое великодержавное колонизаторство.

В своей книге Ваганян пишет:

«При таких условиях, когда так узок горизонт, так незначителен опыт, так ограничен размах классовой борьбы, как у ранее угнетенных наций, разумеется, молодая культура неминуемо подпадает под влияние более сильной, более мощной культуры, этап, который прошел каждый народ перед тем, как выйти на широкую дорогу. Интернациональный элемент в культуре великороссов — лучше было бы сказать на великорусском языке — чрезвычайно мощный, действительно общечеловеческий» [3]).

Дальше Ваганян прямо отождествляет великорусскую культуру с пролетарской—ратуя за господство «интернациональной культуры великороссов». Следовательно, Ваганян отбрасывает не всякую национальную культуру, а только культуры угнетенных ранее наций, и, напротив, выдавая великорусскую национальную культуру за интернациональную, навязывает ее отсталым национальностям. Ваганян не замечает, как, отстаивая гегемонию «интернациональной культуры великороссов», он не только узаконяет национальную культуру, но и отстаивает ее господство.

[1]) И. Сталин. «Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)», стр. 84, 85.

[2]) «Национ. политика ВКП(б) в цифрах, стр. 278, 279.

[3]) В. Ваганян. «О нац. культуре», стр. 125.

Ваганян, таким образом, сражается за гегемонию великорусской национальной культуры. Для этой цели он и об'являет войну национальным по форме, пролетарским по содержанию культурам отсталых народов СССР. Чтобы показать великодержавный шовинизм Ваганяна, достаточно привести только одно место из резолюции XII с'езда партии. Там сказано:

«Разговоры о преимуществах русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и проч.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности» [1]).

Таким образом, партия в лице XII с'езда даже «разговоры» о преимуществе русской культуры квалифицирует как попытки закрепить господство великорусской нации. А Ваганян не только разговаривает, но и об'являет войну национальным культурам мелких народов, навязывает им великорусскую национальную культуру и пишет на эту тему целые книги. Разве не ясно после этого, что ваганяновщина есть наихудшая форма великодержавного шовинизма и прямая попытка «закрепить господство великорусской национальности»?

Жизнь показывает, что по мере национализации школ и развития нацкультур значение русской культуры вовсе не умаляется. Напротив, русская культура и язык получают еще большее распространение. И вместе с тем, там, где мы отстаем в деле развития различных сторон национальной культуры, получается прорыв идеологического фронта. Так, например, в Азербайджане в средней школе за недостатком советской литературы учащиеся обращались к муссаватской или турецкой религиозной и контрреволюционной литературе. А буржуазные националисты из преподавателей им в этом охотно помогали. В результате наша школа II ступени выпускала иногда людей, зараженных муссаватской националистической идеологией. Этот пример красноречиво говорит о том, куда бы шел культурный рост молодежи и целых наций, если бы партия не взяла курс на развитие национальных по форме, интернациональных по содержанию культур.

Ошибочно, конечно, отвергать огромное значение ценностей пролетарской по содержанию, национальной по форме великорусской культуры для создаваемых и растущих нацкультур трудящихся различных национальностей. При строительстве национальных культур советов мы должны всемерно использовать помощь и достижения культуры великорусского пролетариата, должны теснее связывать культурное строительство нацокраин с передовым отрядом союзного пролетариата — русским рабочим классом. Решительная борьба с великодержавным шовинизмом Ваганяна и др. должна сопровождаться непримиримой борьбой с местным национализмом за неразрывную связь национальных культур различных советских народов, за господство социалистического содержания национальных культур. Между тем у нас в этой области как на практике, так и в теории сплошь и рядом встречаются грубые ошибки и явные уклоны.

Однако, ошибки и уклоны в деле создания и развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур не могут служить оправданием для охаивания строящихся советских национальных культур. В своем

[1]) «РКП(б) в резолюциях ее с'ездов», стр. 363.

докладе в Комакадемии, посвященном проблемам национальной культуры и культурному строительству национальных окраин, тов. Диманштейн говорил:

«В настоящее время в условиях развития национальных культур у нас наблюдаются некоторые противоречия. В вопросе о слиянии культур это противоречие состоит в том, что, с одной стороны, мы сами ведем очень большую интернациональную воспитательную работу в направлении сближения между национальностями, укрепления их братства, но в то же время мы ведем также в некотором смысле большую национальную работу, волей неволей отдаляющую в известном отношении нации друг от друга, отдаляющую культуру одной нации от культуры другой» [1].

По существу, это — огромная уступка великорусскому шовинизму. В самом деле. Если только в области воспитательной работы мы ведем политику по сближению национальностей, а наряду с этим ведем «большую национальную работу», которая отдаляет одну нацию от другой, одну национальную культуру от другой, то не ясно ли, что линия партии в деле развития национальных культур ошибочна? Именно такой вывод вытекает из всей аргументации тов. Диманштейна.

При этом подобная оценка строительства национальных культур в стране для тов. Диманштейна вовсе не случайна. В той же работе т. Диманштейн о национальных культурах пишет следующее:

«Культура, которая идет в национальные массы автономных областей и республик, является национальной культурой именно потому, что она приспособляется к тем специфическим бытовым, географическим, климатическим и т. п. условиям, в которых живут массы данной нации... Мы потому по существу и называем эту культуру национальной, что она, благодаря нашей советской системе приспособляется к тем специфическим нуждам, которые создались в данном национальном районе, вследствие целого ряда условий, в том числе и бытовых, и национальных» [2].

Таким образом, у тов. Диманштейна получается оригинальная, по существу, ошибочная концепция в вопросах национальной культуры. С одной стороны, происходит развитие национальных культур, и это приводит к отдалению наций друг от друга, ибо национальные массы не в состоянии обеспечить национальную культуру пролетарским содержанием. Это — процесс отрицательный. В этой связи и находятся заявления тов. Диманштейна о том, что «мы не можем переносить на настоящий период то, что было правильно для другого периода», что «у нас не может быть оправдания для правого уклона», т.-е. политика развития национальных культур была правым уклоном и ее надо отвергнуть. С другой стороны, национальные культуры растут на здоровой основе, поскольку эта культура «идет» в национальные массы, «приспособляется» к специфическим национальным условиям. А что это за культура, которая «идет», «приспособляется» к национальным условиям? Такой культурой может быть только великорусская. Следовательно, формулировка т. Диманштейна, по существу, отвергает национальные культуры народов окраин в пользу великорусской культуры.

Ошибка т. Диманштейна заключается в том, что, во-первых, он не понимает, что та работа, которая проводится по созданию национальных по форме и пролетарских по содержанию культур, не раз'единяет наций, а, напротив, сильно сближает их, образуя тем самым необходимый этап к их окончательному слиянию при социализме. Тот процесс, якобы отдаления, на котором настаивает тов. Диманштейн, является кажущимся и имеет место только в национальной форме. А по существу, поскольку пролетарское со-

[1]) «Вестник Комакадемии», № 31, стр. 119.
[2]) «Вестник Комакадемии», № 31, стр. 117.

держание является основным в каждой культуре советской нации, и именно эта часть национальных культур испытывает наибольший рост при широкой поддержке диктатуры пролетариата—происходит громадный процесс сближения наций и национальных культур. Это—факт бесспорный. Иначе неверна была бы политика партии.

Разбираемая ошибка тов. Диманштейна вытекает из неправильной оценки национальных культур народностей СССР. Диманштейн считает национальные культуры по содержанию не пролетарскими, а только «советизирующимися». При этом т. Диманштейн исходит из того ошибочного положения, что носителем и вдохновителем культур малых народов является мелкая буржуазия, крестьянство в целом, что методологически и политически неверно.

Во-вторых, ошибка т. Диманштейна состоит в том, что он выдвигает новую национальную культуру, которая якобы «идет в национальные массы», а не создается ими в ходе классовой борьбы и социалистического строительства. Выходит, по мнению т. Диманштейна, что национальные массы не могут создавать национальную по форме, пролетарскую по содержанию культуру. А здоровый рост национальных культур происходит постольку, поскольку есть культура «приспособляющаяся», «идущая» в массы со стороны. Так отвергаются национальные культуры окраин и вводится великорусская культура.

Ошибочно, конечно, полагать, что все национальные культуры страны в одинаковой мере насыщены пролетарским содержанием, и что в степени этой насыщенности и пролетарского совершенства между ними существует однообразие. Это неверно. Было бы нелепо предполагать, что в современной национальной культуре тюрков и великороссов одинаково сильно пролетарское содержание и слабы элементы прошлых культур. Если даже современную великорусскую культуру нельзя полностью об'являть пролетарской (разумеется, по содержанию), то тем более этого нельзя оказать в отношении культур наций, у которых нет еще даже пролетариата и пр. Мы стремимся к тому, чтобы пролетарское содержание заняло монопольное положение во всех национальных культурах. Но стремление не есть еще действительность.

Ошибка тов. Диманштейна заключается в том, что он, по существу, отвергает советские национальные культуры малых народов СССР, по сути дела, считает их даже в основном непролетарскими по содержанию. И в этом уже есть элементы великодержавного пренебрежения к современным национальным по форме и пролетарским по содержанию культурам народов страны. Когда же наряду с этим т. Диманштейн выдвигает положение о «внесении правильной идеологии извне», выдвигает лозунг «интернационализации наших национальных культур», то становится ясной неправильность всей позиции тов. Диманштейна. Охаивая культуры малых народов, он им проповедует культуру извне, т.-е. по существу великорусскую культуру. Бросается в глаза, таким образом, известное совпадение позиций у Диманштейна с Ваганяном.

В самом деле, Ваганян считает строительство национальных культур национализмом, бауэровщиной. Диманштейн же полагает, что строительство национальных культур отдаляет нации друг от друга. Ваганян прямо навязывает малым нациям великорусскую культуру. Диманштейн же, проповедуя культуру «извне», говорит, по существу, то же. Не случайно выпал из поля зрения тов. Диманштейна великодержавный шовинизм как главная опасность в национальном вопросе.

Вокруг вопросов партийной политики в развитии национальных культур происходит борьба с уклонами внутри партии. В деле создания и развития национальных по форме и пролетарских по содержанию культур народов СССР происходит также классовая борьба. Ибо вопросы культурного строительства имеют огромное политическое значение

Известно, что Ленин придавал громадное значение грамотности, культуре в деле социалистического строительства. Ленин писал:

«Безграмотный человек стоит вне политики, его надо сначала научить азбуке, без этого не может быть политики; без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [1].

Итак, «безграмотный человек стоит вне политики». А у нас сейчас есть почти целые безграмотные национальности (чеченцы, туркмены и проч.). Это не значит, что почти целые национальности «стоят вне политики!» Но это уже нетерпимо в эпоху бурного роста социализма, опирающегося на сознательный трудовой энтузиазм масс. Характерно, что в национальных окраинах даже значительная часть партийцев стоит «вне политики!» Например, в Хорезмской окружной организации (Узбекистан) 49% азбучно - неграмотных (а по другим данным даже 60%). Ясно, что такое культурное состояние целых наций и партийных организаций терпеть нельзя. А эти задачи также упираются в необходимость развития национальных культур.

Буржуазные элементы разных наций борются за сохранение эксплоататорского содержания национальной культуры. Идее классовой борьбы и социалистического строительства они противопоставляют мнимые общенациональные интересы, религию и пр. Борясь за создание и развитие национальной культуры на буржуазной основе, муссаватисты, дашнаки, джадиды, алаш-ординцы, султан-галиевцы и проч. борются за буржуазное содержание национальной культуры. Эту линию они стремятся провести в школе, театре, музыке и пр. Затем буржуазные националисты, терпящие поражения в борьбе за буржуазное содержание в национальной культуре, стараются возвести в принцип национальную форму, стремясь всячески уродовать и консервировать ее. В хвосте этих буржуазных элементов плетутся уклонисты, в сторону местного национализма, сдающие позиции классовому врагу. Вот почему всемерное развитие национальных культур сопровождается и должно сопровождаться самой беспощадной борьбой с националистическими уклонами от правильной линии партии.

Строительство национальных культур должно сопровождаться непримиримой борьбой за пролетарскую интернациональную идеологию. Однако, здесь у нас имеются слабые участки. Возьмем школу. Известно, что среди учителей национальных окраин огромное количество выходцев из социально-чуждых слоев. Даже в Татарии в 1927—1928 г. среди учителей школ I ступени было свыше 24% из чуждых, в Кукморской волости Мамадышского кантона 40% учителей—выходцы из торговцев, мулл и проч. (среди них многие с низшим образованием). В Нижегородском крае среди татарских учителей также 40% из чуждых. Ясно, что это затрудняет действительное интернациональное воспитание, тормозит борьбу за пролетарскую по содержанию культуру.

Пролетарские элементы ранее угнетенных национальностей при поддержке союзного пролетариата выдвигают на первый план задачу всемерного вытеснения и окончательной ликвидации остатков буржуазного содержания в их национальной культуре и всемерного развития пролетарского содержания. При этом, поддерживая развитие национальной формы, пролетариат не может возводить в принцип это развитие формы и в то же время не должно иметь места противопоставление формы и содержания советских национальных культур. При строительстве национальных культур надо помнить слова т. Сталина:

«Расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране, в целях подготовки условия для отмирания

[1]) Ленин, т. XVIII, часть I, стр. 385.

и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире» [1]).

Путь к окончательному торжеству интернациональной культуры социализма лежит через строительство национальных по форме и пролетарских по содержанию культур переходного периода. Успешное выполнение этой задачи—создания национальных культур советских народов — предполагает непримиримую борьбу на два фронта: против великодержавного шовинизма как главной опасности и против местного национализма. В успешном завершении этой борьбы и строительства национальных культур XVI с'езд партии сыграет крупнейшую роль.

---

[1]) И. Сталин, «Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б)», стр. 86.

Г. Смолянский.

Кризис и стачечная борьба пролетариата.

Под'ем экономической борьбы пролетариата в 1928 году был одним из главных показателей нового, третьего периода. Уже тогда пришлось выдержать атаку правых, которые считали этот под'ем экономических боев временным под'емом, являющимся отзвуком прежних больших революционных боев. Правые и примиренцы подчеркивали тогда оборонительный характер этих стачек. X пленум ИККИ отметил продолжающийся рост экономических боев. Но вторая половина 1929 года и начало 1930 года показали в ряде капиталистических стран (в том числе в ряде важнейших стран — Германия, САСШ, Чехо-Словакия, Польша, Индия и др.) значительное снижение как количества стачек, так, особенно, числа бастующих и потерянных рабочих дней. Этим воспользовались правые и троцкисты для того, чтобы с новой силой открыть атаку против установки Коминтерна на развертывающийся под'ем рабочего движения. Правые, троцкисты, а за ними и остальные оппортунистические элементы, оставшиеся внутри коммунистических партий, выдвинули аргумент о том, что в периоды промышленных кризисов никогда не бывало и не может быть под'ема стачечной борьбы, а это, мол, есть основной показатель нового под'ема рабочего движения вообще.

Февральский расширенный президиум ИККИ в своей политической резолюции в главе о стачечной борьбе на это ответил:

> «Развертывающееся ныне во всем мире, на основе борьбы за экономические требования пролетариата, стачечное движение характеризуется тем, что оно все больше развивается помимо и против играющих штрейкбрехерскую роль реформистских профсоюзов, при все более активном участии неорганизованных масс, при все шире распространяющейся в процессе борьбы практике создания массами органов руководства стачками.
>
> ... Возникают в подавляющем большинстве случаи, как экономические движения, связанные с борьбой либо за повышение заработной платы, либо против снижения ее. Эти стачки в ряде случаев приобретают политический характер, превращаясь в стачки солидарности, стачки защиты увольняемых и преследуемых капиталом рабочих, стачки защиты пролетарских революционных организаций...
>
> ... В странах, вступивших в кризисную полосу при наличии некоторого снижения экономического стачечного движения в отдельных случаях, продолжающий нарастать революционный под'ем находит выражение, кроме обострения форм экономических стачек, и в других боевых формах массовой пролетарской активности...».

Со времени февральского расширенного президиума ИККИ прошло почти полгода. Дальнейшее развитие экономического кризиса и стачечные бои, особенно последних двух месяцев, целиком подтвердили этот анализ расширенного президиума.

Это констатировал и XVI с'езд ВКП(б) в резолюции по докладу тов. Молотова.

* * *

Первый вопрос, который возник в связи с мировым экономическим кризисом,—это вопрос о влиянии кризиса на стачки. Здесь целиком сошлись позиции правых и Троцкого. Правые в «Геген дем Штром» не только говорят о невозможности, в условиях кризиса, развернуть экономические бои пролетариата, но вытаскивают старую теорию Каутского о границах профессионального движения (которое обречено, по Каутскому, на переход к обороне с развитием монополистического капитала) для того, чтобы доказать невозможность вообще наступательных экономических боев в нашу эпоху. Троцкий в своих тезисах «О третьем периоде ошибок Коминтерна» заявляет:

> «Из перспективы хронического кризиса ни в коем случае не может вытекать перспектива расширяющихся экономических боев.
>
> Если экономический под'ем во Франции продлится еще год—два (!),— что не исключено, то в порядке ближайшего дня будет стоять прежде всего развитие и углубление экономической борьбы...
>
> При падающей кон'юнктуре, при росте безработицы... рост эксплоатации порождает не радикализацию масс, а, наоборот, упадок духа, разброд и разложение... Серьезный промышленный под'ем был бы во всех случаях не минусом, а огромным плюсом для французского коммунизма... Вассар и Ришета дают представителям капитала неоценимые аргументы против экономических уступок рабочим и, что еще важнее, дают решающие аргументы реформистам против экономических стачек».

В стачечной борьбе последнего периода такие же аргументы нередко выдвигались и внутри коммунистических партий. Так, во время забастовки на текстильной фабрике «Джентльмен» в Лодзи, ЦК КПП пришлось вести решительную борьбу с теорией некоторых товарищей, что в период хозяйственного кризиса нельзя организовать стачечной борьбы.

Каково положение в действительности? Что представляют собой экономические бои последнего года?

Прежде всего, нужно отметить, что годы экономической кон'юнктуры и экономического кризиса после войны не обязательно совпадали с соответственным под'емом и падением стачечной волны. Если в период восходящего развития капитализма до войны и расцвета реформизма профсоюзная (тред-юнионистская) тактика стачек требовала для забастовочного движения наличия высокой кон'юнктуры, то послевоенное стачечное движение носит совершенно другой характер, поскольку мы живем в эпоху кризиса капиталистической системы вообще. Послевоенный период знает три полосы экономических кризисов: первый большой послевоенный кризис 1920—1921 гг., кризис 1924—25 гг. после инфляции (Германия, Польша, Австрия и др.), нынешний мировой экономический кризис. Если мы проследим развитие стачек после войны, то мы увидим, что как раз в годы первых двух кризисов в странах, подверженных этим кризисам, имелось наибольшее стачечное движение. И как раз в годы наибольших успехов частичной капиталистической стабилизации и рационализации стачечное движение пало до самой низкой цифры. В 1926 году, например, в Германии количество стачек было самое меньшее за 33 года. В том же году в Австрии было самое низкое стачечное движение за весь послевоенный период. Эти кризисы следовали за годами революционного под'ема. После победы на политическом фронте буржуазия переходила в экономическое наступление, но пролетариат оказывал еще ожесточенное сопротивление («Черная пятница» 1921 г. в Англии, стачки 1924 года в Германии и др.). Сказывался еще запас энергии революционного периода. Но, несмотря на большой размах, эти экономические бои имели тогда больше оборонительных элементов, чем наступательных. Это было уже переломное движение вниз. Иначе развивалось стачечное движение

с конца 1927 года. В 1928 г. рабочий класс переходит *в контрнаступление*. Это — *решающий* фактор при оценке современных экономических боев. Но это не значит, что в течение всех последних двух с половиной лет стачечное движение *безостановочно и равномерно* развивалось вверх. Приходится принимать во внимание *трудности* под'ема. При оценке нынешнего под'ема рабочего движения не приходится исходить только из экономических боев. *Чисто экономических* боев становится все *меньше и меньше*. Стачки все больше сочетаются с революционными демонстрациями, все больше перерастают в бои *политические*. И тем не менее, несмотря на огромную безработицу, которая, конечно, известным образом влияет на готовность рабочих к частым экономическим боям[1]), мы видим *в ряде важнейших стран* — в Англии, Франции, Китае, Австралии — большой под'ем стачечного движения. В Индии после полугодового перерыва начинается *новая* волна экономических боев (стачка 30.000 джутовых рабочих в Калькутте, проходящая чрезвычайно бурно; стачка на Великой Индийской железной дороге — 30.000 чел.). Даже в САСШ, при громадном кризисе в этой стране, число потерянных рабочих дней в результате забастовок в 1929 г., правда, уменьшилось, но *количество стачек увеличилось*, по сравнению с предыдущим годом, почти на 40%. Это говорит о том, что стачки сейчас более мелкие, распыленные, эти стачки протекали в крайне ожесточенных формах.

Неравномерное развитие стачек в 1929 году (наиболее ярким выражением которого является стачечная борьба в Англии, с одной стороны, и в Германии, с другой) связано также и с неравномерным развитием капиталистической рационализации. В Германии, где капиталистическая рационализация началась почти на два года раньше, чем в Англии, она соответственно раньше себя исчерпала. Здесь капиталисты подготовляют второй тур рационализации уже на основе исключительного наступления на старые завоевания рабочего класса и путем непосредственного снижения зарплаты. Здесь первая волна стихийного протеста против капиталистической рационализации, поднявшаяся с осени 1928 г., уже прошла. Сейчас германский пролетариат переживает, после некоторого затишья зимою 1929—30 г., переломный период к новым крупным боям. В Англии идет сейчас первая волна протеста против позднее начавшейся капиталистической рационализации.

Весьма поразительным является и тот факт, что за последние два года, при сравнении процентного отношения стачек в отдельных отраслях производства ко всему стачечному движению в целом, сказывается огромный рост стачечного движения, как раз *в кризисных* отраслях производства и падение числа стачек в тех производствах, которые пока менее были затронуты нынешним мировым экономическим кризисом. Вот отдельные показатели:

I. АНГЛИЯ

Производство	Колич. потер. раб. дней.	
	1928 г.	1929 г.
Угольная пром.	3%	8%
Текстильная пром.	50%	82%
Металл. пром.	4½%	9%

II. ГЕРМАНИЯ

Производство	Колич. потер. раб. дней.	
	1928 г.	1929 г.
Угольная пром.	4,3%	2%
Текстильная пром.	5%	56½%

[1]) Если, с одной стороны, особенностью нынешних экономических боев является то, что они происходят на под'еме и на фоне общего и кон'юнктурного кризиса капитализма, то, с другой стороны, известное сдерживающее влияние, по крайней мере, на определенном этапе оказывает и кон'юнктурный кризис, но центр тяжести при определении характера боев *в первом, а не во втором*.

III. САСШ

Производство	Количество стачек.	
	1928 г.	1929 г.
Текстильная пром.	10%	14½%
Строительная пром.	21%	23%
Металл. пром.	5%	6%

IV. ЧЕХО-СЛОВАКИЯ

Производство	Колич. потер. раб. дней.	
	1928 г.	1929 г.
Угольная пром.	40%	21%
Текстильная пром.	5½%	22%

Характерным для Германии является тот факт, что число локаутов по отношению к стачкам уменьшилось почти в 2 раза — с 9½% до 4½% (по отношению ко всему количеству экономических боев).

Как известно, наиболее кризисной промышленностью является *текстильная*: менее (благодаря зимнему сезону и ряду других обстоятельств) была охвачена кризисом *угольная* промышленность. И как раз в текстильной промышленности процент стачек повсеместно *возрос*, а *в угольной — понизился*.

В значительной степени недостаточное развертывание экономических боев и особенно массовой политической стачки за последний год об'ясняется еще и *суб'ективным* фактором, тем, что компартии не сумели проявить достаточную активность и *инициативу*. Политическая линия на самостоятельное возглавление классовых боев компартиями усвоена, — в этом большое политическое достижение последних двух лет, но в организациях весьма силен еще практический оппортунизм, неверие в боеспособность масс, установка на оборону, что является серьезнейшим тормозом в деле развертывания экономических боев.

При оценке теперешних экономических боев и массовой политической стачки следует иметь в виду еще один элемент, а именно — *организованное штрейкбрехерство социал-демократии*, то, чего не было до войны. Если в первый период после войны социал-демократия в стачках не играла еще *открытой, организованной* штрейкбрехерской роли, то сейчас картина иная. Мы имеем организованное штрейкбрехерство во всех, и особенно *в крупных*, экономических боях. Это также следует учитывать при анализе развития экономических боев.

И, наконец, последний вопрос, сюда относящийся, — это вопрос о стачках и локаутах. Некоторые товарищи считают, что только стачки представляют собой выражение под'ема рабочего движения, а локауты означают оборону, упадок движения. Такое представление особенно для настоящего периода в корне неправильно. Если мы возьмем начало третьего периода, момент перелома в рабочем классе, перехода рабочего класса от обороны в контрнаступление, то что мы увидим? Первой крупнейшей борьбой в этом периоде была борьба рурских металлистов, рурский *локаут*. В рурском локауте впервые обнаружилось *контрнаступление* рабочего класса. И Коминтерн, и Профинтерн в своей оценке рурского локаута были против брандлерианцев и против примиренцев, которые выставляли эту борьбу, как чистую оборону. Брандлерианцы выступали тогда и говорили о том, что тот, кто считает, что в Руре мы вышли с успехом, что в Руре рабочий класс не потерпел поражения, тот ничего не понимает ни в профсоюзной борьбе, ни в профсоюзной тактике. А между тем это был переломный момент от второго к третьему периоду, это был переход рабочего класса от обороны в контрнаступление. Конечно, предприниматели наступают. Но отличительная черта заключается в том, что это наступление предпринимателей *наталкивается* на контрнаступление рабочего класса.

Возьмем нынешний локаут шерстяников в Англии. Не есть ли это крупнейшее явление перелома в английском рабочем движении со времени поражения всеобщей стачки и разгрома горняков в 1926 году? Не есть ли это

первое серьезное, активное выступление рабочего класса Англии за последние годы? В процессе локаута разве мы не видим, как ведется борьба против снижения зарплаты рабочего класса? Как рабочий класс переходит в контрнаступление? Разве мы не видим здесь впервые активную роль Движения Меньшинства и компартии? Впервые со времени антипрофсоюзного закона мы видим сейчас массовое пикетирование революционным путем, которое ломает антипрофсоюзный закон. Это есть типичный переход рабочего класса от обороны в контрнаступление.

Все крупные локауты, которые мы имели в третьем периоде, неизменно сочетались с переходом рабочего класса в контрнаступление. С другой стороны, разве мы не знаем бесконечного количества стачек, которые являются чисто оборонительными боями. Стоит напомнить то, что писал Ленин о локаутах. В своей статье «Локауты и марксистская тактика» Ленин в 1914 г., во время большого локаута 70.000 рабочих в России, в связи с массовыми протестами против отравления рабочих на «Треугольнике», выступил против меньшевиков — в частности против Мартова — которые тогда развивали теорию о том, что призыв большевиков к стачке солидарности, т.-е. к массовой политической стачке, только затуманивает проблему и «дезориентирует» русский пролетариат. Ленин на это отвечал меньшевикам:

> «Локауты предпринимателей вызываются обострением борьбы (вот как Ленин смотрел на локауты! *Г. С.*) и, в свою очередь обостряют борьбу. И пролетариат, сплачиваясь на борьбе, развивая борьбой и свое сознание, и свою организацию, и свой опыт, приходит все шире и все шире к убеждению, все более и более твердому, в необходимости полного экономического переустройства капиталистического общества».. «Марксистская тактика состоит в соединении различных приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, а все вместе ведут ко все более глубокому и решительному конфликту».
>
> «Для нас не столь важно, как это называется—стачка или локаут, для нас важно, чтобы выбор момента борьбы был выгоден для рабочих, чтобы он дал возможность мобилизовать массы для борьбы».

Но если необходимо дать резкий отпор тем открытым оппортунистам, которые отрицают возможность стачечной борьбы вообще при наличии экономического кризиса, то, с другой стороны, не менее важно разоблачать и тех оппортунистов, которые свою пассивность скрывают под маской «радикальной» фразы, заявляя, что в условиях экономического кризиса невозможны частичные экономические бои, а лишь очень крупные движения или всеобщие стачки. Подобную аргументацию Коминтерну приходилось уже слышать в самом начале третьего периода. На IX пленуме ИККИ пришлось немало бороться с настроениями в отдельных партиях (например, Кирш и Берлиоз во Франции), что в условиях монополистического капитала вообще невозможны успешные частичные бои пролетариата и необходимо готовиться лишь к всеобщей забастовке. Это было простое повторение Каутского. И сейчас те товарищи, которые отрицают возможность частичных экономических боев при наличии кризиса, фактически проделывают тот же самый путь. Это связано с отрицанием возможности развертывания в условиях кризиса экономических боев вообще. Бывает и так, что на начальном этапе развития экономического кризиса,—как мы видели выше,—стачки несколько суживаются, рабочие более сдержанно относятся при первой волне безработицы и массовых увольнениях к экономическим боям. Но когда рабочие убеждаются, что они упираются в тупик, тогда картина меняется. Мы уже имеем опыт для проверки этого положения. Когда летом безработица в Германии не сократилась и кризис все более разрастается, мы присутствуем сейчас при начале новой полосы крупных экономических боев, свидетельством чего являются стачки в Мансфельде и рурских металлистов.

* * *

Анализ цифровых данных о движении стачек за последние два года показывает большое изменение форм забастовочного движения. Мы видим почти повсеместно значительно больший рост количества стачек, чем числа потерянных дней, там, где в 1929 году шел дальнейший рост стачечного движения. В тех странах, где стачечная волна в 1929 году пошла вниз, мы видим меньшее падение количества стачек, чем числа бастующих и, особенно, потерянных дней (Польша, Германия, САСШ и т. д.). Это говорит о том, что во всем мире стачки стали более короткими и распыленными.

Значит ли это, что в 1929 году рабочий класс перешел снова к обороне и стал менее активен? Значит ли это, что в процессе полевения рабочего класса имеется какой-то серьезный прорыв?

Правые, которые и раньше отрицали переход рабочего класса в контрнаступление, сейчас особенно подчеркивают чисто оборонительный характер стачечных боев пролетариата. Троцкий (в названных выше тезисах) почти дословно повторяет правых:

> «Даже по отношению к чисто экономическому фронту нельзя говорить, как это делают Монмуссо и К°, о наступательном характере борьбы. Они основывают это определение на том, что значительный процент стачек ведется во имя повышения заработной платы. Глубокомысленные вожди забывают, что такая форма требований навязывается рабочим, с одной стороны, ростом цен на жизненные продукты, а с другой—повышением физиологической эксплоатации рабочего вследствие новых промышленных методов (рационализация). Рабочий вынужден требовать повышения номинальной заработной платы для того, чтобы защитить свой вчерашний жизненный уровень... С точки зрения синдикальной политики эти стачки носят чисто оборонительный характер...
>
> Нисколько не улучшает дела указание наших вождей на то, что будто стачки становятся «политическими» вследствие... активной роли в них полиции... Расправа над стачечниками сама по себе имеет, конечно, политическое значение. Но отожествлять ее с революционно-политическим наступлением рабочих масс—могут только крикуны, бессознательно играющие на руку хозяевам и их полиции».

Некоторые наши товарищи приходят к тому же выводу об оборонительном характере нынешних стачек на основании большого количества забастовок против снижения зарплаты. Так, в Англии, например, в 1929 г. из 420 стачек 39 велись за повышение зарплаты, 81 против снижения зарплаты и 104 по вопросам о безработице (147 разных), следовательно, заключают эти товарищи, стачечное движение 1929 года в Англии носило характер оборонительный.

Это утверждение фактически возвращает нас к спорам периода рурского локаута, т.-е переломного периода. Как раз в Англии, где после всеобщей забастовки мы имели в 1927 г. самое низкое количество стачек за 30 лет (с 1897 г.), где только во второй половине 1928 года начинается стачечное оживление, где в 1929 году налицо действительно бурный рост стачечного движения с большой активностью неорганизованных (явление очень редкое в Англии) против тред-юнионистской бюрократии и «промышленного мира», — мы имеем настоящий перелом и переход рабочего класса от пассивной обороны к активной обороне и контрнаступлению.

Если мы рассмотрим важнейшие стачки 1929—30 гг., то мы увидим следующие характерные черты:

1. Стачечное движение последнего года носит подлинно мировой характер. Совершенно новые территории, самые отдаленные страны мира, совершенно новые слои вовлекаются в стачечное движение (неорганизованные, женщины, подростки, негры, сельхозрабочие, самые глухие колонии). В САСШ—впервые в истории этой страны—начинается забасто-

вочное движение на Юге (нью-орлеанская забастовка и другие). Вовлекаются в широкое забастовочное движение негры. В январе 1930 года, в Калифорнии бастует 8.000 сельскохозяйственных рабочих, главным образом, мексиканцев. На Кубе 20 марта 1930 года происходит 24-часовая всеобщая стачка 200.000 рабочих против безработицы и репрессий в отношении революционного профдвижения. Стачка ярко политическая. В стачке участвуют рабочие сахарных заводов и тростниковых полей, большие массы неорганизованных рабочих, членов «независимых» союзов, и даже желтых. Руководство стачкой в руках красной Национальной Рабочей Конфедерации Кубы.

Новым является большой размах и острый характер стачечного движения в Австралии, где количество потерянных рабочих дней в 1929 г. в 3 раза больше, чем в 1928 году.

В феврале 1930 года в Гваделупе (французская колония) бастуют колониальные рабочие за повышение заработной платы, бастующие нападают на жандармский пикет: 3 жандарма ранены, 1 рабочий убит, 3 — ранено.

В Индо-Китае — на сахарной плантации Фуриен в Кохинкине забастовка протеста по случаю смерти от побоев одного рабочего. Арестовано 100 человек, 800 бежали в джунгли, остальные в марте (1930 года) еще бастовали.

В Порто-Рико в конце января 1930 года бастовало 15.000 рабочих на сахарных плантациях. Забастовка стихийна. Бастовали неорганизованные рабочие, которые требовали восьмичасового рабочего дня.

О Китае и Индии говорить много не приходится. Здесь забастовочное движение связано с общим революционным под'емом в этих странах.

2. Знаменательным является в 1929—30 г. большой рост забастовок солидарности, а также относительно успешный результат забастовок, несмотря на мировой экономический кризис. Точная статистика о забастовках солидарности дается только Унитарной Конфедерацией Труда. Здесь, за период сентябрь 1929 г.—март 1930 г. количество стачек солидарности составляло 14% (больше 70% стачек было за повышение зарплаты). Из 619 стачек за полугодие сентябрь—февраль 435 окончились победой рабочих.

Такая же картина наблюдается почти во всех капиталистических странах Европы и почти по всем отраслям промышленности. Единственная промышленность, где борьба ведется, главным образом, против снижения зарплаты (и против рационализации) является текстильная промышленность; при этом настроение текстильных рабочих очень боевое.

В Бельгии из 25 забастовок горняков в 1929 году было 15 забастовок протеста и солидарности и 10 по вопросу зарплаты. У металлистов (Франция, Германия) весьма большое количество забастовок окончилось победой. У сельхозрабочих из 10 забастовок, известных в 1930 году, 7 было за повышение зарплаты и только одна против снижения зарплаты.

Самые крупные стачки в Румынии, Греции и Польше были стачками протеста и солидарности (Леметр и Лупены в Румынии, горняки Лаврио и Стратоник в Греции, забастовка на текстильной фабрике «Джентльмен» в Лодзи).

3. Упорный ожесточенный характер стачечной борьбы в 1929 году обнаруживается в небывалом вмешательстве аппарата буржуазного государства.

Если в Польше в 1928 году полиция вмешивалась 81 раз в экономические забастовки, то в 1929 году, это было повальное явление.

В трех случаях (Пабьяницы, Санок, Олькуш) имели место бурные демонстрации и расстрелы.

В Германии — за время забастовки на фабрике «Рецения» в Силезии—бурная демонстрация бастующих, стрельба и 24 жертвы. Борьба на Оппеле. Остро политический характер имела борьба трубопрокладчиков.

Во Франции — во время стачки в Оденкуре у Пэжо — военное положение. В Бельфоре (забастовка 13.000 текстильщиков и металлистов) столкновения с полицией, много раненых. Комитет солдат 3-го саперного полка и солдаты 35-го армейского полка выразили свою солидарность с бастующими.

Во время стачки в Нью-Орлеане (САСШ) все население выступает на защиту бастующих против полиции: 2 убитых, 100 раненых.

Во время трехмесячной стачки тысячи лесорубов в Канаде (началась в ноябре 1929 года) был применен самый жестокий террор по отношению к бастующим. Убито 2 члена стачкома.

В Швейцарии при забастовке металлистов у Афольтека в Базеле было об'явлено исключительное положение (на основании закона об уличном движении).

Это в «культурных» странах капитализма.

Далее следуют расстрелы в Лаврио, Лупенах и самые свирепые репрессии в колониальных странах, которые для этих стран являются «как бы нормальным явлением» (хотя по размерам своим они, несомненно, значительно превышают то, что было в предыдущем году).

4. Несомненно, новым является как все более заостряющийся политический характер всех экономических боев вообще, так и целый ряд чисто политических стачек, не связанных с общеполитическими кампаниями (1 мая, 1 августа, 6 марта), возникших на почве экономической борьбы или увязывавшихся непосредственно с экономическими требованиями.

Из этих стачек особенно были характерны:

Забастовка у Оппеля (Германия) — против увольнения коммуниста. Забастовка в Берлине на текстильной фабрике в Вайсензи против увольнения члена делегации в СССР.

Забастовка на заводе в Гонтуа, в Сан-Лие (Франция) в середине февраля — против увольнения коммуниста. Забастовка протеста 24.000 парижских цементщиков против ареста руководителей унитарного союза.

Четыре политических забастовки в Австрии — в одном случае против введения «закона против террора», в трех других случаях против принятия на завод фашистов.

Забастовка в Лаврио и Стратониках (Греция) против террора. Горняки Греции впервые за последнее время вступают в борьбу.

Забастовка на Кубе — в защиту революционных профсоюзов.

Весьма интересна первая и, насколько можно судить, единственная пока забастовка копенгагенских печатников с требованием семичасового рабочего дня. В этом именно политическое значение забастовки. Здесь также фактически не было забастовки с 1908 года.

5. Но, пожалуй, самым показательным для определения боеспособности рабочих масс являются вынужденные маневры социал-демократов и профсоюзных бюрократов, которые пытаются даже в некоторых случаях, взять руководство нарастающей активностью масс в свои руки. Надо иметь в виду, что в экономических боях социал-демократам труднее маневрировать, чем в чисто политической области. Здесь они должны немедленно что-то конкретное показать. И, если даже самые реакционные профсоюзные бюрократы начинают разглагольствовать о стачечной борьбе, значит давление масс

действительно велико (при этом нельзя забывать, что возможность маневров социал-демократии определяется и слабостью компартии и революционного профдвижения).

Наиболее симптоматичны в этом отношении маневры германской и английской профбюрократии.

В Германии председатель союза строителей Тарнов — одна из самых влиятельных и реакционных фигур АДГБ—выступает в рейхстаге с заявлением: «Мы нисколько не сомневаемся в том, что германский пролетариат, в особенности профессиональные союзы, не замедлят в силу сложившихся обстоятельств возобновить борьбу за заработную плату». «В Геверкшафтсцейтунг» появляется в последнее время новая рубрика «Экономические бои рабочего класса». Это делает центральный орган АДГБ, который забыл даже самое слово—«стачечная борьба».

В Англии бюрократия союза шерстяников пытается возглавить большую стачку рабочих - шерстяников. Профбюрократы пытались даже в отдельных местах создавать комитеты борьбы, подобные созданным нами. Но именно дальнейшее чудовищное предательство профбюрократов показало, для чего нужны были эти маневры. К сожалению, компартия и Движение Меньшинства не сумели и не смогли противопоставить этому предательству свою собственную организацию борьбы, несмотря на то, что в стачке участвовало 50% неорганизованных.

Весьма характерным с этой точки зрения является появление на сцене Кука и Фиммена. На Стокгольмском конгрессе Амстердамского Интернационала Кук выступил с критикой его руководства, а Фиммен после нескольких лет молчания и деятельного «врастания» в социал-фашизм неожиданно разразился громовой статьей против «левых» голландских с.-д.... конечно, «слева». Это не помешало, впрочем, тому же Фиммену в самое последнее время совершить путешествие в фашистскую Польшу и под любезной защитой самых от'явленных польских социал-фашистов с присущим ему «темпераментом» выступить на митинге в Гдыне—этой главной морской базе польского империализма в будущей интервенции против СССР.

Социал-демократия пытается возглавить нарастающую активность масс для того, чтобы ее обезглавить. Но в то же время это является ярким свидетельством действительного полевения масс. Характерны в этом отношении два факта из опыта 6 марта и последнего 1 мая.

* * *

Как же обстоит с нашим руководством экономическими боями? Здесь надо прямо сказать: если тактика «класс против класса», провозглашенная IX пленумом ИККИ, IV конгрессом Профинтерна и VI конгрессом Коминтерна, более или менее удовлетворительно осуществлена в парламентских выборах, если она в значительной степени (хотя далеко неудовлетворительно) продвинулась вперед при перевыборах фабзавкомов (самостоятельные списки), то в руководстве стачечными боями почти все партии за весьма немногими исключениями, очень мало еще ушли вперед. Здесь именно лежит ключ к об'яснению чрезвычайно слабого темпа продвижения наших позиций на заводах и особенно на крупных предприятиях. Это же является, вне всякого сомнения, основной причиной потери нами целого ряда важнейших позиций на крупных предприятиях во время последних перевыборов фабзавкомов в Германии, поскольку красные фабзавкомы, получившие в прошлом году доверие масс, не оправдали этого доверия, не сумели взять на себя инициативу развертывания, организации и возглавления экономических боев.

Напомним главнейшие этапы за последние два года.

Когда обозначился перелом от второго к третьему периоду, компартии и революционное профдвижение были захвачены врасплох. Во время IX пленума ИККИ и IV конгресса Профинтерна раздавались голоса о невозможности частичных экономических боев при монополистическом капитализме. Во французской УВКТ были даже случаи срыва стачечной борьбы (Унитарный союз горнорабочих) на том основании, что при монополистическом капитале речь может итти, мол, только лишь о всеобщей стачке, и что всякая частичная стачечная борьба сейчас заранее обречена на неудачу. Отсюда возникли грубо-оппортунистические теории,—правда, получившие быстрый отпор со стороны КПФ и УВКТ,—о так называемом «активном реформизме» и «активной обороне». В Германии брандлерианцы выбросили другой лозунг—«Толкайте профсоюзных бюрократов». IX пленум ИККИ и, особенно, IV конгресс Профинтерна взяли решительную линию на самостоятельное возглавление коммунистами и революционным профдвижением экономических боев пролетариата.

Но конкретное содержание в лозунг самостоятельного руководства стачечными боями было вложено после IV конгресса Профинтерна и VI конгресса Коминтерна. Непосредственно после VI конгресса Коминтерна, осенью 1928 года, начинается полоса крупных экономических конфликтов в ряде стран (Рур, Лодзь, всеобщая забастовка текстильщиков на севере Франции, забастовка текстильщиков в Мюнхен-Гладбахе и т. д.). Эти бои носят стихийный характер. Организованность слабая. Но борьба уже носит характер встречных боев. Основные проблемы самостоятельного руководства уже ставятся конкретно. В основном они сводятся к трем вопросам:

1. О профсоюзном легализме.
2. О комитетах борьбы (выбираемых всей массой стачкома).
3. О неорганизованных.

В этот период идет ожесточенная идеологическая борьба с правыми и примиренцами. Правые открыто превращаются в штрейкбрехеров, агентов реформистской профбюрократии. Именно на вопросе о новой стачечной тактике происходят измена Гайса и раскол чешских красных профсоюзов.

Затем начинается медленная реализация новой тактики. И если при перевыборах фабзавкомов самостоятельные списки до сих пор встречают еще сопротивление со стороны нашего профсоюзного актива, то здесь практическое осуществление новой тактики встретило наибольшее сопротивление. Здесь оппортунизм на практике оказался наиболее сильным. И это не удивительно, ибо тут непосредственно угрожают материальные лишения, безработица, увольнения и другие репрессии.

Возьмем теперь ряд конкретных примеров руководства экономическими боями компартий крупнейших капиталистических стран Европы.

В наиболее яркой форме нарисованную нами картину развития стачечного движения за последние два года мы находим в Германии. Вначале, в 1928 г., мы имели переход в контрнаступление рабочего класса (рурский локаут, Мюнхен - Гладбах и др.). В этот период произошел открытый переход брандлерианцев к штрейкбрехерской политике. Уже в силу переломного характера, какой носили эти бои для германского рабочего движения, они неизбежно должны были приобрести остро-выраженное политическое содержание.

С весны 1929 года эта первая полоса крупных экономических боев проходит. Стачечные бои сокращаются и, в общем, число потерянных рабочих дней в 1929 г. в четыре почти раза меньше, чем в 1928 г. Стачки этого периода распыленные, мелкие и очень ожесточенные. Экономические бои встречают не только жестокое сопротивление, но и организованное штрейкбрехерство со стороны реформистского профаппарата. В этом отно-

шении наиболее показательным было движение трубопрокладчиков в конце августа 1929 года. Это была первая стачка, которая целиком была подготовлена и руководилась коммунистами. Реформистский союз об'явил стачку «незаконной» и стал поставлять штрейкбрехеров. Из 1.100 штрейкбрехеров было 850 членов реформистского союза и 250 доставленных из провинций. Огромное значение этой забастовки заключалось в том, что она вскрыла ярко-фашистский характер реформистского профаппарата и разрушила много реформистских иллюзий.

Но если в борьбе трубопрокладчиков наше руководство стояло на высоте, то в других стачках этого периода очень сильно давал себя знать оппортунизм на практике. Это было не мало связано с «левыми» сектантскими загибами, свившими себе наибольшее гнездо как-раз в рядах профотдела ЦК КПГ (во главе с т. Меркером).

Наибольшего своего выражения эти сектантские загибы нашли в пренебрежении единым фронтом снизу, в отрыве от членской массы реформистских профсоюзов и от социал-демократических рабочих. На этой почве развились пораженческие теории о пассивности рабочих масс, которая об'ективно, мол, не позволяет развертывать экономические бои. Так было, например, у металлистов, где товарищи не готовились к кампании пересмотра тарифных договоров для многих сотен тысяч рабочих в июне этого года, считая, что профоппозиция недостаточно для этого сильна и подготовлена. Сейчас, с нарастанием сопротивления капиталистическому наступлению на уровень зарплаты в Мансфельде и Руре, эта вредная оборонительная установка уже очевидна для всех. Но уже весною этого года можно было ясно ощущать диспропорцию между об'ективным боевым настроением масс и суб'ективной неподготовленностью значительной части наших профсоюзных функционеров. Это сказалось особенно во время стачки 10.000 швейников, которая охватила 114 городов и продолжалась 14 дней. Здесь часть наших функционеров допустила совершенно неоправдываемую пассивность и давно уже небывалое в КПГ оппортунистическое отношение к реформистскому профаппарату. Наши товарищи допустили, чтобы стачкой руководил реформистский профсоюз. Это был типичный манезр реформистов, который они сейчас применяют по отношению к мелким, распыленным предприятиям и производствам, тем более решительно продолжая тактику фашистского удушения стачечной борьбы в крупном производстве и в крупном предприятии. Для оценки поведения части наших функционеров достаточно указать на то, что писал Штеттинский коммунистический «Фольксвахт» (от 16/IV, 1930 г.):

> «Наступление союза предпринимателей отбито (!)... Для того, чтобы обеспечить сплоченность всего фронта внутри и во вне, штеттинские коллегии решаются... стачку прекратить»..

В том же самом направлении шло развитие стачечного движения за эти два года и во Франции. Франция является единственной крупной капиталистической страной на континенте Европы, где стачечное движение безостановочно нарастало, достигая своего наибольшего размаха в январе 1930 г. Но и здесь первая половина 1929 г. прошла под знаком относительно мелких боев. Затем картина меняется, все большие и большие массы вовлекаются в борьбу, которая охватывает территории раньше никогда не бывшие в бою (Бельфор, бассейн Бриэ, Нанси). Знаменательным является огромный процент участия в стачечном движении металлистов, которые стоят на первом месте по забастовкам (в январе 1930 г. на 159 стачек и 79.581 бастующего приходилось для металлистов—37 стачек и 23.400 бастующих), а также вовлечение в движение государственных служащих (почтовики, служащие таможень). Здесь, несомненно, компартией и

унитарными профсоюзами были сделаны значительные успехи в смысле руководства стачками. Старая традиционная распыленность движения понемногу исчезает. Преодолевается и государственный легализм. Наконец, в последнее время—Бельфор (текстильщики и металлисты), Гизе (металлисты)—сделан для Франции значительный и весьма знаменательный шаг вперед в смысле непосредственного вовлечения компартий в активное участие и руководство забастовочным движением и, главное, в смысле признания этого рабочими массами.

Но, вместе с тем, и здесь мы имеем ту же основную слабость—оппортунизм на практике, установку на оборону, а не на наступление, неумение реализовать единый фронт снизу, при одновременно-недостаточном разоблачении социал-фашизма. Сказываются еще синдикалистские традиции, например, неумение и даже нежелание использовать в интересах забастовки парламентскую трибуну (Бельфор). Типичной французской традицией, оставшейся в наследие от синдикалистского периода и очень трудно преодолеваемой, является отсутствие серьезной подготовки к стачке.

Об этих слабостях руководства стачечным движением во Франции мы слышим и заявления самих французских товарищей, начиная от VI конгресса Коминтерна и до сегодняшнего дня: заявление, например, тов. Монмуссо, еще в конце 1928 г., что «движение перекатило через наши головы»; заявление в марте 1923 г. в Политсекретариате ИККИ по докладу французской компартии, что «мы до сих пор еще идем в хвосте экономических боев». И, наконец, в самое недавнее время, Политбюро КПФ в своем письме в Областной Комитет Севера буквально повторяет то, что говорилось еще два года тому назад, что «стачки вспыхивают больше всего вне нашего контроля, что наши унитарные союзы всегда появляются уже потом, захватываемые врасплох, что они пытаются расширить движение, но это чаще всего им не удается».

То же самое — в Чехо-Словакии. Несмотря на экономический кризис, боевое настроение рабочих, несомненно, имеется налицо (хотя количественно стачечное движение и сократилось). Большим достижением в Чехо-Словакии является то, что компартия и революционное профдвижение уже оправились от измены Гайса и других правых ренегатов и взяли решительный курс на самостоятельное руководство экономическими боями. Но на партию и на красные профсоюзы все еще давит гнилое наследство Гайса, традиции которого свили себе прочное гнездо в рядах старых функционеров красных профсоюзов. Так, например, на конференции МКП горняков, в декабре прошлого года, чешский представитель прямо заявил, что около трех четвертей функционеров красного союза горняков фактически против новой тактики. Характерными для Чехо-Словакии явились в последний период сектантские перегибы, которые исходили из глубокой оппортунистической пассивности. В этом отношении буквально классическим явился пример забастовки почти 2½ тысяч стекольщиков в январе этого года в Геплицком районе.

Здесь наше влияние было очень сильно. Забастовка была об'явлена на двух заводах—в Унтер-Рейхенау и Блейштедте—на почве увольнения 400 рабочих. С 1922 года здесь не велось ни одной стачки. Ни местное руководство, ни Центральный Комитет союза стекольщиков к стачке совершенно не готовились. Завком вел оппортунистическую линию, в частности, когда были намечены увольнения, он предлагал уволить неорганизованных и фашистов. Настроение было боевое, но местное руководство, очевидно, не надеялось на готовность рабочих к забастовке и во главе с коммунистическим депутатом парламента Гайбликом пустило в ход средство нажима. Идя по линии наименьшего сопротивления, они в первый же день потушили ванны, благодаря чему должен был остано-

виться весь завод на 2—3 месяца, что было выгодно предпринимателю. В итоге: забастовка окончилась большим поражением, а красный профсоюз потерял всех своих членов.

Выводы из всего сказанного выше напрашиваются сами собой. В основном они сводятся к следующему:

Под'ем рабочего движения, несомненно, налицо. Компартии и революционное профдвижение, несомненно, сделали значительные успехи в усвоении политических лозунгов новой тактики (комитеты борьбы, отношение к неорганизованным и т. д.).

Но практическое осуществление новой тактики здесь еще больше отстает, чем во всех других отраслях массовой работы компартии и революционного профдвижения. Оппортунизм на практике здесь более силен, чем где бы то ни было. И, поэтому, здесь существует серьезнейшая угроза—при общем абсолютном продвижении вперед—относительно еще большего раздвижения ножниц между об'ективным и суб'ективным фактором, между ростом политического влияния компартии и революционного профдвижения и его организационным охватом. Эта болезнь есть общая болезнь компартии и революционного профдвижения. Мы видим ее не только в описанных нами странах, но и в Польше, и в Англии, и в Соединенных Штатах, и в Китае. Даже в Китае мы шли на местах почти неизменно в хвосте по отношению к «левому» Гоминдану, и только в процессе самой стачечной борьбы линия выправлялась ЦК КПК.

Основная опасность на нынешнем этапе—это установка значительной части наших профсоюзных функционеров на оборону, а не на наступление. Вот почему в области стачечной борьбы более, чем где бы то ни было в другой области, сказывается необходимость беспощадной борьбы на два фронта. Нигде так не видно, что главной опасностью является открытое капитулянтство правых и что «левые» перегибы ведут к отрыву от широких рабочих масс, к сектантству, к той же пассивности и хвостизму.

В. Мицкевич-Капсукас.

Экономический кризис, Польша и лимитрофы.

Экономический кризис в Польше.

В момент временного кон'юнктурного улучшения положения в хозяйстве Польши, после фашистского переворота, с легкой руки тов. Бранда была создана теория, согласно которой молодые государства имеют значительные преимущества перед старыми (как Германия, Англия) тем, что они якобы имеют возможность гораздо успешнее развиваться за счет развития средств призводства, постройки новых железных дорог, новых отраслей промышленности и проч. Действительность полностью опровергла эту теорию. На почве чрезвычайного об'единения трудящихся масс и сужения внутреннего рынка еще в конце 1928 г. Польша вступила в полосу экономического кризиса, который особенно сильно обострился в конце 1929 г., благодаря начавшемуся мировому экономическому кризису и, в особенности, мировому аграрному кризису.

Особенно острый кризис переживает сейчас в Польше сельское хозяйство. Он вызван, прежде всего, мировым аграрным кризисом, выражающимся, в первую очередь, в резком падении цен на продукты сельского хозяйства. После некоторого под'ема цен на зерно в конце марта и начале апреля, явившегося результатом чрезвычайных мер фашистского правительства и потребовавших значительных затрат польской казны, идет дальнейшее распространение с.-х. кризиса и происходит новое падение цен на продукты животноводства и на технические культуры. При этом большое значение имеет тот факт, что Польша вывозит, главным образом, рожь, цены на которую на мировом рынке особенно упали. Так, в 1927/28 г. цена доппельцентнера ржи в Варшаве доходила до 43,77 злотых, в конце марта 1930 г.— 20,75 зл., в начале мая — 18,19 зл., а в начале июня — 15,5 зл. В провинции цена доходит до 10 зл. Приблизительно такое же падение цен на овес, картофель. Буржуазные экономисты утверждают, что эти цены ниже себестоимости, отсюда бешеная атака помещиков и кулаков на зарплату с.-х. рабочих. Несколько повышенные цены остались только на пшеницу, запасы которой в Польше уже иссякли. По подсчетам журнала Исследовательского института хозяйственной кон'юнктуры и цен «Хозяйственная кон'юнктура», польское сельское хозяйство вследствие падения цен только по зерновым культурам потеряло за прошлый хозяйственный год 400 млн. злотых. Надежды на переход от зернового хозяйства к животноводству также померкли, так как для этого перехода требуются крупные капиталы, которых нет; кроме того, на мировом рынке началось падение цен и на продукты животноводства.

Это создает катастрофическое положение в сельском хозяйстве Польши, переход к более экстенсивному хозяйству, к его деградации. Вот что пишет

о положении крестьянского хозяйства Польши орган пилсудчиков «Бюллетень научного кооперативного института»:

«О покупке искусственных удобрений к весеннему севу наш крестьянин уже совсем и не думает... Результатом будет общий переход к экстенсивному хозяйству и уменьшение посевной площади под зерновыми культурами. Крестьяне уменьшают продукцию зерновых культур и картофеля до границ собственного потребления... Дальнейшим неизбежным последствием будет уменьшение уже в будущем году зерновой продукции страны и упадок производительности наших хозяйств».

И польские буржуазные экономисты из лагеря Пилсудского заговорили о неслыханной и все растущей пауперизации польской деревни, о том, что сельское хозяйство Польши идет к сельскохозяйственным отношениям, господствующим в Индии или Китае (Курнатовский и др.).

Согласно данным варшавской с.-х. кооперации, в 1929 г. к весеннему сезону было продано 14.411 тонн искусственных удобрений, а в 1930 г. только 5.747 тонн. Сильно уменьшилась также продажа с.-х. машин.

Никаких перспектив на улучшение в ближайшее время положения в сельском хозяйстве даже польские буржуазные экономисты не видят. Большее огорчение доставляет им факт, что урожай хлебов в этом году обещает быть довольно хорошим. В связи с хорошим урожаем осенью ожидается еще большее падение цен и еще большее обострение аграрного кризиса.

«Новый хозяйственный год,—сказал в начале июня директор департамента земледелия Розе,—начинается для сельского хозяйства в исключительно тяжелых условиях. Задеты все отрасли с.-х. производства, а также все категории сельских хозяйств».

Розе не верит в возможность перехода польского сельского хозяйства от зернового хозяйства к животноводству. Единственную возможность выхода из кризиса он видит в предоставлении сельскому хозяйству (т.-е. помещикам и кулакам) долгосрочных кредитов и в введении вывозных премий на продукты сельского хозяйства, т.-е. в прямом переложении тяжестей кризиса на плечи широких трудящихся масс, из которых должны быть выколочены эти премии. Для этого потребовались бы миллионы и миллионы злотых. Весьма сомнительно, удастся ли при данном положении в Польше фашистскому правительству выжать эти миллионы из крайне обнищавших трудящихся масс. Во всяком случае, кризис сельского хозяйства этими мерами не может быть изжит.

Острый аграрный кризис, вызвавший крайнее сужение внутреннего рынка, и начинающийся мировой экономический кризис чрезвычайно обострили кризис и в промышленности. Обеднение широких масс и сужение внутреннего рынка привело, прежде всего, к острому кризису в отраслях промышленности, работающих для широкого потребления, т.-е. в легкой промышленности — текстильной, кожевенной, деревообделочной и т. д. Текстильная промышленность, в которой занято 30% всех рабочих обрабатывающей промышленности Польши, переживает прямо-таки катастрофическое положение. Ее продукция сократилась за 13 месяцев (до февраля 1930 г.) на 41%. В феврале и марте шло дальнейшее сокращение. В апреле начался некоторый поворот к увеличению продукции, однако, это увеличение имело лишь временный, сезонный характер. Отказ в обещанных правительственных заказах привел в июне месяце к новому сокращению количества рабочих, работающих в текстильной промышленности (за 1—7 июня в Лодзи, по официальным данным, число безработных вновь возросло на 4.107). В других отраслях легкой промышленности, по данным кон'юнктурного отчета государственного «Хозяйственного банка», положение не улучшилось и в апреле.

Строительный сезон протекает весьма слабо, раза в два слабее, чем в прошлом году. Правительственные обещания больших вложений в строительство оказались неосуществимыми. 50 миллионов, отпущенных для строительства, не хватит даже для окончания начатых построек.

В конце прошлого года начался кризис и в тяжелой промышленности. Вследствие накопления больших запасов и сокращения заказов начала сокращаться добыча железной руды и угля. До декабря месяца шло повышение добычи угля благодаря, главным образом, спросу на внешнем рынке. В декабре экспорт угля сократился на 21%; одновременно началось сильное сокращение потребления угля на внутреннем рынке. Запасы угля сильно возросли и началось сокращение производства. С конца 1929 г. по апрель 1930 г. добыча угля сократилась с 4.100 тыс. тонн до 2.600 тыс. тонн в месяц, т.-е. на 63%. В марте 1930 г. добыча сократилась по сравнению с мартом 1929 г. на 27%, в апреле продолжалось сокращение — на 6,5%, хотя вывоз угля за апрель месяц увеличился на 41 тыс. тонн, т.-е. почти на 5%.

Несколько лучше положение в металлургии, однако, и там продолжается падение выплавки чугуна и стали: за первые 4 месяца 1930 г. выплавка чугуна уменьшилась с 50.707 тонн до 37.713 тонн, по сравнению с теми же месяцами 1929 г.— уменьшение на 24,3%; выплавка стали уменьшилась с января по апрель с 105.896 тонн до 91.438 тонн, по сравнению с 1929 г.— на 21%; прокатная продукция сократилась с 76.402 тонн в январе до 69.984 тонн в апреле. Общая сумма заказов с января по апрель уменьшилась на 28% по сравнению с прошлым годом. Сравнительно небольшое уменьшение прокатной продукции об'ясняется большими заказами СССР, которые в первые два месяца с. г. поглощали 95 — 98% всего польского вывоза прокатных изделий, а в марте — апреле — 78 — 73%.

Майский номер «Хозяйственной кон'юнктуры» пишет, что в марте 1930 г. продукция всей польской промышленности сократилась более, чем на 25% по сравнению с мартом 1929 г.; после марта в дальнейшем продолжалось сокращение, хотя и более медленным темпом; в некоторых отраслях промышленности замечалось даже некоторое частичное повышение продукции. Запасы в легкой промышленности значительно уменьшились; в тяжелой промышленности имеются еще большие запасы. При сильном сужении внутреннего рынка и слабой способности Польши конкурировать на внешнем рынке, нельзя ожидать в ближайшее время улучшения положения. Майский номер «Хозяйственной кон'юнктуры» пишет, что сомнительным является, наступит ли в течение ближайших месяцев улучшение. «Нет еще признаков приближения оздоровления и даже более значительного улучшения». По существу, то же самое пишет и июньский номер «Хозяйственной кон'юнктуры».

Одним из основных опорных пунктов относительной стабилизации Пилсудского было ускорение картелирования польской промышленности. Результатом картелирования было повышение цен на внутреннем рынке и этим самым его сокращение и поощрение демпингового вывоза на внешний рынок, консервирование технической отсталости производства и пр. В результате этого в Польше укрепился монополистический капитал в наиболее паразитических формах. И сейчас одним из основных требований тяжелой индустрии является требование повышения цен на ее продукты, что еще более затруднит развитие легкой промышленности.

Количество зарегистрированных безработных, по официальным данным, в апреле начало уменьшаться: 29 марта оно достигло 295 тыс., а 3 мая упало до 273 тыс., 24 мая — 240 тыс., 7 июня — 227 тыс. Однако, эти данные, несомненно, неполны, ибо они не охватывают многих безработных из мелкой промышленности; во-вторых, по истечении 17 недель многие безработные механически исключаются из регистрации безработных. Все-таки и при большой тенденции бирж труда к сознательному уменьшению числа зарегистрированных безработных количество зарегистрированных безработных и теперь еще на 120 тыс. больше, чем в прошлом году. Если к полным безработным приба-

вить работающих по 2—4 дня в неделю, количество которых составляет около 30% всех работающих, то в общей сложности получим, что не менее 60% всех рабочих являются безработными и полубезработными. Некоторое сокращение количества безработных произошло за последние месяцы, главным образом, за счет сокращения безработных строителей; некоторое уменьшение произошло также в текстильной промышленности, но там уже начинается обратная волна; сокращение рабочих в тяжелой промышленности и на железных дорогах продолжается.

Все это свидетельствует об огромном росте противоречий в польской промышленности и о несомненном процессе развала капиталистической стабилизации в Польше.

Положение на *денежном рынке* тоже является весьма тяжелым. Количество опротестованных векселей продолжает расти. Приблизительный процент их достиг в мае 18,8 против 15,5% в апреле. Обороты сокращаются. Банкротства растут. Торговля потеряла кредитоспособность. Денежные излишки в польском банке сокращаются. Все чаще начинают говорить о приближающемся кризисе польской валюты.

Поиски долгосрочного внешнего займа покамест не увенчались успехом. Курс польских займов на нью-йоркской бирже за первую четверть 1930 г. упал в среднем до 83,86 против 92,06 в ноябре 1927 г. Он сейчас ниже даже курса греческого займа и лишь на два пункта выше болгарского займа. Падение курса, несомненно, находится в связи с неустойчивым внутренним положением Польши. Поэтому ей так трудно получить долгосрочный внешний заем, который мог бы временно несколько улучшить ее положение.

Подводя итог сказанному, необходимо констатировать, что *Польша переживает глубокий экономический кризис, без перспектив на улучшение в ближайшее время, напротив, с перспективой на дальнейшее углубление кризиса и деградацию сельского хозяйства, не исключающей некоторых колебаний и некоторого ослабления темпа нарастания кризиса. Процесс загнивания капиталистической стабилизации и роста классовых противоречий зашел в Польше дальше, чем в других европейских странах.* Те мероприятия, которые предпринимаются для ослабления остроты кризиса фашистским правительством, представляющим интересы крупного капитала и помещиков, при все большем сужении внутреннего рынка и нарастании мирового экономического кризиса, не дали и не могут дать более или менее существенных результатов. Польско-германский торговый договор, до сих пор еще не ратифицированный, тоже не обещает ничего хорошего для Польши. При введении в Германии высоких таможенных пошлин на продукты сел. хозяйства ничего существенного не может выиграть от него даже сельское хозяйство Польши. Между тем, он открывает дверь в Польшу для германской промышленности и ставит под серьезную угрозу польскую легкую промышленность.

Всю тяжесть последствий кризиса буржуазия стремится переложить на плечи трудящихся масс. Идет новая волна капиталистической рационализации производства, сокращение заработной платы, удлинение рабочего дня, введение фашистской регламентации труда, штрафов и проч., налоговые экзекуции в деревне, продажа с молотка имущества крестьян за неуплату процентов по долгам (задолженность крестьян сильнейшим образом возросла не только в банках, но еще более у частных ростовщиков). Еще более усиливается фашистский террор против трудящихся масс и угнетенных национальностей. До крайности обостряются классовые противоречия.

В результате этого растет сильнейшее недовольство в городе и деревне, усиливается революционный под'ем и влияние компартии, растут революционные выступления рабочего класса под руководством компартии. Особенную активность и упорство в борьбе проявили безработные в провинции, где они еще менее обеспечены, чем в центре. Несмотря на экономический кризис, поднимается волна забастовок. Среди крестьян, доведенных до полного разорения, развивается стихийное антиналоговое движение, которое в некоторых местах приняло широкие размеры. Даже министр финансов Матушевский заговорил об «антиналоговом психозе» крестьян. Недовольство все более проникает и в среду городской мелкой и даже средней буржуазии. На этой почве мы имели во многих местах митинги-протесты купцов против тяжести налогов и кое-где даже своеобразные их забастовки, выразившиеся в закрытии лавок.

При этом идет, несомненно, сужение базы польского правящего фашизма и медленное, но неуклонное расшатывание его мощи (по сравнению с первыми годами фашистской диктатуры в Польше). Он, несомненно, все более лишается поддержки не только среди рабочих масс, но среди основной крестьянской массы и даже среди городской мелкой и средней буржуазии, которая раньше почти полностью его поддерживала. Об этом сужении базы пилсудчиков говорят и имевшие место выборы в разных местах Польши. В конце концов, чтобы не дискредитировать себя, т. н. «Беспартийный блок» пилсудчиков вовсе отказался от выставления на выборах своих списков. Напротив, среди городской мелкой и средней буржуазии сильно увеличивается влияние эндеков, являющихся не меньшими фашистами, чем пилсудчики, но играющими в резкую оппозицию к диктатуре Пилсудского. В деревне сильно растет влияние тех народно-фашистских партий, которые особенно сильно прибегают к «левой», радикальной фразе (крестьянская партия, украинская радикальная партия и друг.). Об этом свидетельствуют особенно ярко последние выборы в Сандомире, Зап. Украине, Зап. Белоруссии. Однако, крупный капитал и помещики до сих пор видят в правящей фашистской группе лучшего выразителя и защитника своих интересов и полностью ее поддерживают. Диктатуру Пилсудского поддерживает также армия; в его руках госаппарат. Мировой империализм, видя в этой группе лучшее орудие для борьбы против СССР, также поддерживает ее. Это еще дает возможность фашистской диктатуре пилсудчиков править, несмотря на сужение их социальной базы, сильные трения в лагере польского фашизма, несмотря даже на трения в самом лагере пилсудчиков и отход от них некоторых групп (отход группы радикала Стапинского, консерватора Дзячковского, народника Курельского, отход бывш. министра Чеховича, острые выступления пилсудчиковской газеты «Пржелома» о разложении правительственного обоза и пр.), несмотря, наконец, на проявление некоторых признаков разложения в армии, госаппарате, «Стрельце». Словом, в Польше *все более нарастают элементы общеполитического кризиса.*

Экономический кризис в лимитрофах.

Лимитрофы (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия) переживают не менее острый экономический кризис, чем Польша. Он охватил их сельское хозяйство, промышленность, торговлю и кредит. Экономический кризис этих стран тем отличается от кризиса ряда других стран, что наряду с общими причинами (чрезвычайное обнищание трудящихся масс и связанное с ним сужение внутреннего рынка и мировой экономический кризис) здесь очень сильно влияет послевоенная раздробленность лимитрофов и отсутствие широких российских рынков сбыта для их промышленности, а также усиление экономической мощи СССР и сильнейшая экономическая зависимость этих стран от капиталистических стран Запада.

Кризис в промышленности.

Крупная промышленность Латвии и Эстонии развилась в свое время благодаря наличию широких российских рынков сбыта, благоприятному географическому положению, наличию портов, обслуживавших огромные области царской России (35% внешней торговли царской России шло через эти порты) и пр. Лишившись этой базы, промышленность их катастрофически пала.

Крупнейшие заводы Эстонии и Латвии или вовсе исчезли, или же сократились во много раз.

Попытки восстановить промышленность натолкнулись на огромные препятствия (недостаток капитала, узость внутреннего рынка, крайняя ограниченность для промышленности лимитрофов внешних рынков, наконец, сопротивление латвийской и эстонской аграрной буржуазии развитию промышленности, так как она создает кадры революционного пролетариата и пр.). Все же за 10 с лишним лет самостоятельного существования Латвии, Эстонии и Литвы мы видим некоторый рост промышленности, особенно в Латвии, где раньше была наиболее сильная промышленность. В Латвии количество предприятий с числом рабочих более 9, имевших в общем 24 тысячи рабочих, увеличилось с 406 в 1921 году до 827 предприятий с 43 тыс. рабочих в 1925 году и до 60 тыс. рабочих к началу 1930 года (до войны было 120 тыс. рабочих). По главным отраслям промышленности они были распределены в 1927 г. таким образом: в деревообделочной промышленности — 20,2%, пищевой — 17,2%, металлообрабатывающей — 16,9%, текстильной — 12%, химической — 6,9%, бумажной — 4,8%. Сейчас это процентное отношение незначительно изменилось. За последние годы несколько увеличилась химическая промышленность, работающая почти исключительно на экспорт, и текстильная промышленность, тоже работающая в значительной степени на экспорт.

В промышленности Эстонии (на предприятиях с количеством рабочих более 4 чел.) сейчас насчитывается 35 тыс. рабочих (до войны было 75 тыс.). В Литве промышленность никогда не была сильно развита. В ней насчитывается 7.730 предприятий с 31 тыс. рабочих, в том числе на предприятиях с количеством рабочих более 9 чел. — 9 тыс. (до войны было всего около 7 тыс., однако, та небольшая крупная промышленность, которая тогда была в Литве—металлообрабатывающая и кожевенная—сейчас почти вовсе исчезла особенно металлообрабатывающая промышленность).

В настоящий момент латвийская промышленность переживает тяжелый кризис на почве сужения внутреннего рынка (особенно в связи с аграрным кризисом, обострившимся на почве мирового аграрного кризиса) и на почве сокращения внешнего рынка. «Во всех отраслях производства чувствуется перепроизводство», — пишет «Яунакас Зиняс» от 5 февраля: «Нынешнее сужение рынка является только началом возможного более глубокого кризиса». Наиболее острый кризис разразился в лесной и деревообделочной промышленности. Лесопильные заводы стояли всю зиму; весной начали работать, но не полную неделю. Начались большие сокращения в резиновой и текстильной промышленности; за один только февраль месяц сокращено в резиновой промышленности более 2 тыс. рабочих, в текстильной — более тысячи. Сокращается число рабочих и в обувной промышленности. Вводится неполная неделя. Количество безработных, зарегистрированных на бирже труда на 1 декабря 1929 г. составляло 8,124, а на 15 февраля 1930 г. — 14.524.

Несколько спасают положение заказы СССР. Надо сказать, что в деле латвийского промышленного экспорта большую роль играет экспорт в СССР—он составляет 42% всего промышленного экспорта Латвии, в том числе текстиля — 74%, металлических изделий—80%. Это показывает, что и сейчас

промышленность Латвии в значительной степени зависит от советских рынков. Несомненно, благоприятно сказывается на развитии хозяйственной жизни Латвии торговый договор, заключенный ею в 1927 г. с СССР. Около 7 тыс. рабочих Латвии работает на советский экспорт и на советском транзите. Советский транзит по жел. дорогам Латвии составлял в 1928 г. более 65% всего ее транзита и дал ей 7—8 млн. латов.

Эстония, которая только недавно заключила торговый договор с СССР, находится в менее благоприятном положении. Ее экспорт в СССР относительно падает: по официальным данным, в среднем Эстония вывозила в СССР за 1923—1927 гг. — 22,7% всего своего годового промышленного экспорта, в 1927 г. — 18,8%, а в 1928 г. — только 13,7%. На первом месте стоит экспорт бумаги, продукция которой благодаря этому быстро растет: в 1923 г. она дала 26 тыс. тонн, а в 1926 г. — 40 тыс. тонн, из которых 30 тыс. было экспортировано в СССР. Самая крупная отрасль эстонской промышленности—текстильная, работающая, главным образом, на экспорт в капиталистические страны. В ней работает до 9 тыс. чел. Она, как и почти все другие отрасли эстонской промышленности, все время переживает тяжелую депрессию. В настоящий момент она переживает тяжелый кризис. В декабре 1929 г. обанкротилась фабрика «Текстиль» в Ревеле. Из-за перепроизводства прекратила работу текстильная фабрика «Хито Кяров». Сокращает число рабочих «Балтийская мануфактура» и Кренгольмская мануфактура. Последняя работает 4 дня в неделю. Кризис разразился и в других отраслях промышленности: деревообделочной, металлообрабатывающей и пр. В Эстонии на 1 декабря 1929 г. было зарегистрировано на бирже труда 5.288 безработных; а в январе 1930 г. количество это выросло до 20 тыс. Хорошо работает, благодаря заказам СССР, только бумажная промышленность.

Промышленность Литвы еще более находится в состоянии загнивания, чем промышленность Эстонии, и переживает тяжелый кризис. Некоторые советские заказы имеет кожевенная и металлообрабатывающая промышленность Литвы. Количество промышленных безработных в Литве, включая и рабочих из мелких мастерских, по данным буржуазных газет, достигало зимой около 10 тысяч.

Данные о безработных во всех лимитрофах далеко не охватывают всех безработных; они вовсе не охватывают с.-хоз. и лесных рабочих, которые здесь составляют огромное количество (в Литве, по переписи конца 1923 г.,—231 тыс., в Латвии — 290 тыс., в Эстонии — 200 тыс., в Финляндии—380 т.) и рабочих, работающих неполную неделю.

В Финляндии мы замечаем иной путь развития промышленности. Финляндское хозяйство и до войны не было так тесно связано с Россией, как хозяйство Эстонии, Латвии и Литвы. Вследствие ограждения Финляндии от России таможенной границей в нее не устремлялись такие большие иностранные капиталы с целью использования обширных российских рынков, как в Латвию и Эстонию. Внутренний же рынок Финляндии был довольно узок и не мог особенно привлекать иностранные капиталы.

Промышленность Финляндии относительно быстро развивалась. В 1920—1927 гг. ее валовая стоимость продукции возросла с 6,1 млрд. финских марок до 12,4 млрд. м. Средний годовой прирост ее продукции составлял около 12%. Она значительно превзошла довоенный уровень. В последние годы валовая стоимость промышленной продукции Финляндии превзошла валовую стоимость сел.-хоз. продукции. Однако, уже в 1928 г. начали обнаруживаться в ней признаки кризиса, который вскоре разразился, как кризис кредитный, промышленный и торговый. Особенного напряжения он достиг в 1929 г.

Говоря об экономическом кризисе лимитрофов, особо надо подчеркнуть роль усиления экономической мощи СССР. С одной стороны, как мы видели выше, заказы СССР несколько ослабляют остроту промышленного кри-

зиса в лимитрофах, с другой—рост экспорта СССР усиливает в них кризис. Особенно ярко обнаружилось влияние роста экспорта СССР в Финляндии. Главными отраслями финской промышленности являются лесная и бумажная. В финском экспорте лес и древесные полуфабрикаты составляют 57% всего экспорта, бумага—около 30%. Из 160 тыс. промышленных рабочих в 1927 г. — 57 тыс. работали в древообделочной промышленности и 18 тыс. в бумажной. За 1920—1927 гг. продукция лесопильных заводов Финляндии возросла с 700 тыс. стандартов до 1.400 тыс., т.-е. удвоилась. Это оказалось возможным в виду того, что сначала вовсе отсутствовал, а потом не мог выйти в возможных размерах на мировой рынок советский лес. Вывоз лесных товаров из Финляндии составил в 1927 г. 1.250 тыс. стандартов. Финляндия заняла первое место среди лесоимпортеров Англии. Но вот укрепился на мировом рынке лес СССР. Несмотря на все препятствия, которые ему чинились, он отвоевал в Англии первое место. В результате этого начал сокращаться вывоз финского леса. В 1928 г. он сократился приблизительно на 100 тыс. стандартов; в 1929 г. вывоз равнялся почти прошлогоднему. В 1930 г. к концу марта было продано пиленого лесного товара 490 тыс. стандартов против 600 тыс. стандартов за то же время в 1929 г. В результате этого около 30 лесопильных заводов Финляндии уже приостановлено, в том числе два крупнейших завода; некоторые были сожжены, чтобы получить страховые премии. Финские капиталисты пытаются спасти положение, вкладывая большие капиталы в целлюлозную и бумажную промышленность. Строится ряд новых фабрик, другие расширяются, ставятся новые машины. Однако, цены на бумагу понижаются.

Кризис в лесной промышленности Финляндии тяжело сказался и на всех других отраслях финской промышленности, прежде всего, на строительной промышленности, металлической, транспорте, а особенно на текстильной промышленности, торговле и т. д. Текстильные фабрики работают 4 дня в неделю; производство трикотажных фабрик сократилось на 24%, а количество рабочих — на 22%. Количество рабочих в металлообрабатывающей промышленности сократилось на 11%. То же самое в других отраслях промышленности. Застой в строительной промышленности. Не достраиваются даже многие дома, начатые строиться. Сократилась торговля. Значительно возросло количество опротестованных векселей (за 11 мес. 1929 г.—14.663 векселя на сумму 89,3 млн. финских марок против 6.308 и 36,3 млн. марок в 1928 г.), увеличилось количество банкротств. За первый квартал текущего года обанкротилась 501 фирма.

К концу февраля на биржах труда крупнейших центров Финляндии было зарегистрировано свыше 12 тыс. безработных. По данным рынка труда в промышленности было 37 тыс. безработных (всего промышленных рабочих насчитывается 160 тыс.).

Экспорт леса и древесных полуфабрикатов занимает первое место не только в Финляндии, но и в Латвии и Литве. Весьма значительный процент всего вывоза составляет лес также в Эстонии и Польше (в последней 23% всего экспорта). Во всех этих странах советский лес, в связи с ростом экономической мощи СССР, наносит сильнейший удар капиталистическим лепромышленникам, которые становятся ярыми врагами СССР. Печать лимитрофов посвящает этому вопросу очень много внимания.

Сильно сказывается на лимитрофах и конкуренция советского льна. В Литве, Латвии и Эстонии вывоз льна занимает, после леса и продуктов животноводства, первое место. Но на мировых рынках все большую роль начинает играть советский лен. В результате этого вывоз льна из лимитрофов начинает сокращаться. Так в 1924 г. из Литвы было вывезено льна 14 тыс. тонн, из Латвии — 20,5 тыс. т. (26% всего экспорта), из Эстонии — 10,4 тыс. тонн, в 1926 г. соответственно — 16,7 т. т., 25,3 т. т. и 10,3 т. т., а в

1928 г. — только 9,5 т. т., 12 т. т. (9,8% всего экспорта Латвии) и 5,6 т. т., в 1929 г. еще меньше.

Аграрный кризис.

Однако, было бы совершенно неправильно экономический кризис в лимитрофах сводить к конкуренции СССР. Советский лес и лен, несомненно, играют в нем большую роль и вызывают чрезвычайное озлобление против СССР лимитрофной буржуазии. Однако, кризис в лимитрофах, в первую очередь, связан с чрезвычайным понижением покупательной способности до крайности эксплоатируемых аграриями и буржуазией широких рабочих и крестьянских масс, обостренным неурожаем 1928 г., а в 1929 г. еще и усиленным мировым аграрным кризисом, выразившимся в резком падении цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства.

Сельское хозяйство занимает первое место в экономической жизни не только Литвы, но и Латвии и Эстонии, которые еще до империалистической войны быстро перерастали в индустриально-аграрные страны с быстро растущим классом промышленных и сел.-хоз. рабочих, а теперь превратились в аграрный придаток к развитым капиталистическим странам.

Между тем сельское хозяйство этих стран уже в связи с неурожаем 1928 г., охватившим целые области лимитрофов, начало переживать весьма тяжелое положение. В северо-восточной части Литвы, в Латгалии, в некоторых местах Эстонии и в Северной Финляндии беднейшие крестьяне вследствие недорода вынуждены были продать последнюю корову; во многих местах они буквально голодали. В результате этого чрезвычайно усилилось закабаление их кулакам и банкам. Заработная плата сел.-хоз. рабочих была сокращена до минимума; в голодающих местах они вынуждены были работать лишь за одни харчи; многие вовсе были выброшены на улицу. В 1929 г. урожай был лучше, в некоторых местах даже хороший, однако, падение цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства на мировом рынке сказалось и в лимитрофах и крайне обострило аграрный кризис. В Литве цены на рожь, по сравнению с ценами неурожайного 1928 г., упали в 3 раза, между тем налоги нисколько не уменьшились. Правительство Литвы для того, чтобы удержать цены на зерно на определенном уровне, отпустило несколько миллионов литов и начало скупать зерно у кулаков и помещиков по более высоким ценам. Однако, в условиях беспрерывного падения цен на мировом рынке при вывозе зерна за границу пришлось ему столько приплачивать (по 4—5—6—8 литов на каждый экспортируемый центнер), что эта затея скоро совершенно лопнула. Министр земледелия Литвы Алекса в своей речи в конце марта прямо сказал, что при теперешних катастрофически низких ценах на мировом рынке не оплачивается даже транспорт зерна из более отдаленных от германской границы местностей Литвы в близко лежащий Кенигсберг. Между тем на поднятие цен на мировом рынке на зерно литовские фашисты не видят никаких перспектив; единственный выход из кризиса они видят в развитии животноводства и молочного хозяйства, на которое лимитрофы обращают особое внимание.

В Латвии, Эстонии и Финляндии уже давно начали переходить от зернового хозяйства к скотоводству. Латвия, Эстония и Финляндия не экспортируют зерна, напротив, в большом количестве его импортируют и экспортируют масло, свиней, бэкон, мясо и т. п. В Литве до сих пор в молочных кооперативах состоит только 10% всех сельских хозяев (главным образом кулаков и помещиков), однако, вывоз масла и там очень быстро растет. По отдельным странам этот рост вывоза масла показывают следующие данные (в тоннах):

Годы	Из Литвы	Из Латвии	Из Эстонии	Из Финляндии
1924	524	3.666	3.187	—
1926	1.749	10.135	8.691	19.888 [1])
1929	4.084	14.795	12.359	23.359

Эти данные показывают огромный рост вывоза масла. Однако, вследствие большого роста предложения масла на мировом рынке и падения покупательной способности широких масс, цены на масло в Англии, а потом и в Германии, главных стран импорта масла, тоже начали падать. Еще раньше начали падать цены на свиней, бэкон и мясо, и вследствие этого сократился их вывоз. В Эстонии вывоз свиней сократился с 55 тыс. в 1927 г. до 23,6 тыс. в 1929 г., вывоз скота — с 5,7 тыс. до 3,0 тыс. В Латвии на этой почве катастрофически сократился вывоз бэкона в Англию: в 1927 г. было вывезено 4.076 тонн, в 1929 г. только 922 т. В Литве, благодаря заключению в начале 1929 г. торгового договора с Германией, вывоз свиней и скота значительно увеличился; однако, это увеличение имело лишь временный характер. В марте т. г. в связи с поднятием таможенных пошлин вывезено из Литвы свиней в Германию уже в 3 раза меньше, чем в январе; еще больше сократился вывоз скота. В связи с введением новых таможенных ставок в Германии неизбежно еще более падут цены в лимитрофах и на масло и сократится его вывоз. Словом, аграрный кризис не может ограничиться только зерновым хозяйством. Он уже и сейчас начинает чувствоваться и в скотоводческом, в частности, в молочном хозяйстве. Обострение кризиса в этой отрасли сельского хозяйства, которое до сих пор считалось якорем спасения для аграрной буржуазии лимитрофов, угрожает катастрофическим падением всего хозяйства.

Тщетны попытки господствующих классов преодолеть аграрный кризис путем повышения таможенных импортных пошлин и введения повышенных цен на зерно путем хлебной монополии, премий на вывоз мяса, бэкона, масла и пр. Государственная приплата к низким рыночным ценам на зерно и премии на вывоз уже практиковались в Литве, Латвии и других странах. По приблизительным подсчетам, в Латвии эти приплаты помещикам и кулакам доходили бы до 30 млн. латов; при дальнейшем падении цен на продукты скотоводства приплата должна была бы быть еще выше. По существу это означало бы не что иное, как переложение последствий кризиса на плечи широких трудящихся масс и еще большее их закабаление. Однако, трудящиеся массы уже находятся в таком тяжелом положении, что едва ли удастся еще выкачать от них прибавки и премии для кулаков и помещиков. Мечты мировой буржуазии создать внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства путем развития своей промышленности, конечно, останутся лишь благими пожеланиями.

Итак, *сельское хозяйство лимитрофов очутилось в таком же тупике, как и промышленность. Острый аграрный и промышленный кризис без перспектив на улучшение в ближайшем будущем, напротив, с перспективой на еще большее углубление его, может привести эти страны к катастрофическому положению. Частичная стабилизация капитализма в них все больше расшатывается и загнивает, как и в фашистской Польше.* Экономическое положение лимитрофов и сейчас уже весьма тяжелое. Баланс внешней торговли Эстонии и Латвии пассивный (в Латвии пассив составлял в 1927 г.—28,7 млн. латов, в 1928 г.—47,4 млн. латов, в 1929 г.—90,8 млн. латов; в Эстонии в 1927 г. — актив в 9,4 млн. крон, в 1928 г. — пассив

[1]) Данные экспорта 1928 года.

4,3 млн. крон., в 1929 г. за 11 мес. пассив—6,4 млн. крон; в Финляндии в 1927 г. — пассив в 61 млн. марок, в 1928 г. — 1.768 млн. м., в 1929 г. — 569 млн. м. Только в Литве мы имеем за последний год активный баланс, достигнутый усиленным вывозом леса и временным увеличением вывоза рогатого скота и свиней в Германию.

Даже буржуазные экономисты и буржуазные политики вынуждены признать, что лимитрофы переживают тяжелый кризис. И. о. управляющего Литовского банка Пакнис на общем собрании акционеров от 15 февраля сказал, что «хозяйственная депрессия» Зап. Европы и Америки «проникает во все щели экономических отношений и в Литву».

«К концу года все больше и больше начали проявляться признаки ухудшения. Две вещи здесь имели решающее значение и испортили наши хорошие осенние перспективы: это — катастрофическое падение цен на зерно и отсутствие рынка для нашего льна... Положение сельских хозяев влияет на торговлю и промышленность. Особенно нелегким и неясным является положение экспорта».

Депутат парламента, докладчик по государственному бюджету Аннус дал такую оценку экономического положения Латвии:

«В связи с сокращением экспорта льна и масла и особенно в связи с неблагоприятными условиями последнего года, положение сельского хозяйства становится прямо-таки катастрофическим» («Риж. Вестник» от 27 марта).

Сам глава эстонского правительства Штрандман еще в августе прошлого года сказал: «Нельзя отрицать, что наше экономическое положение в настоящий момент имеет сходство с положением 1924 г.», а в 1924 г. Эстония переживала самый острый кризис, приведший к восстанию 1 декабря 1924 г. Известный эстонский государственный деятель Теннисон, входящий в теперешнюю правительственную коалицию, писал в статье, напечатанной в начале марта в газете «Постимес», о хозяйственном кризисе, который в последнее время все больше и больше приходится чувствовать каждому гражданину. Теннисон считает положение весьма серьезным, ибо кризис охватил всю страну.

В Латвии тоже лопаются крупные фирмы лесопромышленников и фирмы, связанные с сельским хозяйством. В связи с сельскохозяйственным кризисом обанкротилось большое акционерное общество «Латс» и крупный «Унион-Банк», тесно связанный с правительственным Крестьянским (кулацким) союзом и пользовавшийся большими субсидиями государственного банка. Обакротилось также старейшее латвийское «Экономическое общество». Буржуазные газеты отмечают чрезвычайную бурность общих собраний членов разных экономических обществ, недоверие к их правлениям, взаимное дискредитирование и пр.

В Литве тоже прокатилась волна банкротств. Между прочим обанкротились, лишившись государственного пирога, когда-то могущественные экономические организации христианских демократов (Центральный банк сельских хозяев, Молочный союз). Очевидно, спасаясь от банкротства, кооперативный банк превращается в акционерный банк, часть акций которого приобретает фашистское правительство; во избежание банкротства Союз кооперативных обществ об'единяется с капиталистическим помещичьим обществом «Литовское хозяйство», щедро субсидируемое фашистским правительством.

Усиление зависимости от империалистических держав.

Все это свидетельствует о том, что лимитрофы действительно переживают острый экономический кризис. При этом, задыхаясь в границах мелких государств, огражденных таможенными барьерами (все попытки в течение ряда лет создать таможенную унию между Эстонией и Латвией ни к чему

не привели; они разбились о существующие между ними противоречия), лишенные рынков сбыта, вынужденные делать огромные непроизводительные расходы на милитаризм и содержание самостоятельного государственного аппарата — они зашли в тупик и попали в полную зависимость к иностранному капиталу.

Эту зависимость особенно наглядно показывает экспорт и импорт лимитрофов. В процентном отношении ко всему вывозу экспорт распределялся по основным группам товаров следующим образом:

Годы	Сырье			Готовые фабрикаты			Продукты питания		
	Эстония	Латвия	Литва	Эстония	Латвия	Литва	Эстония	Латв.	Литва
1926	30,2	54,1	60,3	37,8	19,7	3,7	30,8	22,4	19,8
1927	28,9	57,9	66,1	33,3	18,2	2,1	33,3	23,7	17,4
1928	31,3	55,8	61,8	30,7	21,0	2,7	36,8	22,8	21,9

К сырью относится, как мы уже видели выше, главным образом, лес и лен, к продуктам питания — масло, мясо, яйца; сюда же надо было бы причислить экспорт животных. Экспорт готовых фабрикатов, как видим, падает, за исключением Латвии (благодаря большим советским заказам); в Литве процент экспорта готовых фабрикатов упал с 1925 по 1929 г. с 7,0% до 2,1%.

Вывоз Литвы на 59,4% идет в Германию, на 17,4% — в Англию, на 9,2%—в Латвию. Продукты скотоводства идут почти исключительно в Германию (в 1929 г. 81% всего экспортируемого масла, 98% экспортируемых свиней, 87% мяса и пр.); из всего экспортируемого дерева и его продуктов на 55,3 млн. литов в Германию идет на 38,8 млн. лит. Только лен идет преимущественно в другие страны. Импорт из Германии составляет 49% всего импорта Литвы (в 1925 г. он составлял 56,6%), импорт из Англии—8,5%, Латвии—3,6%; значительно больше импорт из Польши (через Данциг и Латвию). Советский экспорт и импорт в Литву незначительный. Это указывает на полную экономическую зависимость Литвы от Германии. Если к этому прибавить, что преобладающее большинство иностранных капиталов в Литве тоже принадлежит немцам, то картина получится совершенно ясная.

В Латвии и Эстонии несколько иное положение. Экспорт Латвии, главным образом, шел в следующие страны (в процентах):

	1925 г.	1928 г.
Германия	22,6	26,4
Англия	34,6	27,0
Бельгия	16,5	10,9
СССР	4,2	9,1

В Германию вывозятся, главным образом, продукты питания (около 70% всего экспортируемого масла и пр.), в Англию — дерево, масло, лен и пр., в Бельгию — лен.

Импорт Латвии:

	1925 г.	1928 г.
Германия	41,5	41,2
Англия	13,8	9,5
СССР	—	5

Экспорт Эстонии:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Германия	31,2	23,1	29,8	25,9
Англия	25,0	25,0	31,4	34,8
СССР	10,7	12,9	6,3	4,3

В Германию ввозятся, главным образом, продукты питания (около 66% всего экспортируемого масла и пр.), в Англию — лес, лен и пр. В 1928 г. значительно упал вывоз текстиля и сел.-хоз. машин в СССР.

Импорт в Эстонию:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Германия	29,5	29,1	26,4	30,3
Англия	12,2	12,1	14,3	17,9
СССР	4,4	7,5	9,1	3,8

В Латвии мы видим усиливающуюся зависимость от Германии, в Эстонии—усиливающуюся зависимость от Англии и ослабевающую экономическую связь с СССР. Это происходит не без влияния английского капитала. В результате этого транзит СССР, игравший в Эстонии в первые годы ее независимости большую роль, потом направился, главным образом, через Латвию. Только сейчас, под давлением острого кризиса, эстонские хозяйственные круги опять начинают искать возможность установления более прочных экономических связей с СССР, результатом чего явился приезд эстонской хозяйственной делегации в СССР.

Из Финляндии в 1928 г. 35,3% всего экспорта шло в Англию (в 1927 г. —40,2%), в Германию—15,8%, в СССР—4,3% (в 1925 г.—7,7%). Импорт идет, главным образом, из Германии—37% всего импорта, из Англии—12,4%, Соед. Штатов—14,7%, Швеции—8,2%.

В первые годы независимости лимитрофов иностранный капитал проникал в лимитрофы, главным образом, в форме спекулятивного капитала—в торговлю и краткосрочный кредит. В дальнейшем начал проникать и в более серьезные производственные предприятия. В Латвии мы сейчас имеем в банках около 63% иностранного капитала, в промышленности—54%, в том числе в химической—85%, текстильной—76%, в транспорте—65%. Уже в 1926 г. на 66,5 млн. латов акционерного капитала Латвии 74,1 млн. было иностранного, некоторые банки почти полностью находятся в руках иностранного капитала. На первом месте стоит германский капитал, потом идет английский, капитал старой России, французский, американский и т. д. Германский капитал держит в своих руках, главным образом, банки и химическую промышленность, английский—текстиль. Сейчас начинает проникать и шведский капитал, который развивает в Прибалтике большую активность.

В Эстонии преобладает английский капитал. Во всей эстонской промышленности не менее 50% иностранного капитала, в том числе в текстильной промышленности—35%, бумажной—45%, лесной—65% («Finish Trade», № 8 за 1929 г.). В эстонских банках тоже преобладают английские капиталы. В Англии, главным образом, реализуются заграничные займы Эстонии. В последнее время усиленно стараются проникнуть к эстонскую промышленность германские капиталы, а также шведские. Против германских капиталов английские и французские капиталы ведут довольно открытую борьбу.

В Финляндии более 8 млрд. марок иностранного капитала, в том числе более 3 млрд. марок государственного долга. Преобладают английские, германские, американские и шведские капиталы. Шведский спичечный трест проникает в лесную промышленность Финляндии. Французский капитал впервые вложил в сел.-хоз. банк Финляндии 300 млн. франц. франков.

В связи с обострением кризиса зависимость лимитрофов от иностранного капитала, несомненно, еще более увеличивается. Они вынуждены будут все больше распродавать свои богатства иностранному капиталу, как это сделала Эстония, Латвия и Литва со своей спичечной промышленностью—за полученный заем в несколько миллионов долларов они продали всю спичечную промышленность в монополию шведскому тресту. Весь этот иностранный капитал, направляющийся в лимитрофы, заботится только об одном,—чтобы выжать из них больше прибылей, держать их на положении своих полуколоний и иметь в них прочную базу для борьбы против СССР.

Активизация Польши и лимитрофов против СССР.

При таком обострении кризиса Польша и лимитрофы все более становятся на ту точку зрения, что лучшим средством к выходу из тяжелого экономического кризиса и назревающего общеполитического кризиса является война против СССР. К ней бешено готовится «полковничье» правительство Польши со Славеком во главе. Об этом свидетельствует не только бешеная травля против СССР и подготовка провокационного покушения на полпредство СССР, не только тот факт, что, несмотря на глубокий экономический кризис в польской промышленности, фабрики, работающие на войну, спешно реорганизуются и продолжают работать с полной нагрузкой и что идет усиленный привоз в Польшу из Франции танков, аэропланов, химических средств и пр., но и разоблаченные в последнее время польско-петлюровские и польско-ундовские соглашения (УНДО—Украинское национально-демократическое об'единение), а также активнейшая работа польской дипломатии и генерального штаба по созданию единого антисоветского фронта от Ледовитого океана до Черного моря. Опровержения польских официозов относительно польско-украинского соглашения никого не убедили. Последующие факты, напротив, подтверждают это. Захват советской Украины и создание якобы самостоятельной Украинской республики, находящейся в «интегральной связи» с Польшей, фактически в полуколониальной зависимости от нее, должны открыть широкий рынок для польской промышленности, неспособной выдержать конкуренции на Западе. Представители крупного капитала Польши вроде Вержбицкого, произносящие пацифистские речи, не должны вводить никого в заблуждение. Трения в лагере польского фашизма по вопросу о войне против СССР, нашедшие себе наиболее яркое выражение в выступлениях Дмовского, вовсе не означают, что та или другая группа его является действительным противником войны; между ними идет спор, главным образом, об условиях и сроках войны, увязывающийся, прежде всего, с наличием глубоких противоречий в империалистическом лагере.

Этим об'ясняется тот факт, что Дмовский ополчается, главным образом, против германского империализма, заключения Пилсудским соглашения с Германией насчет Польши и пр., но вовсе не говорит о французском империализме, не говорит о Румынии, Прибалтике, т.-е. о реальных факторах подготовки войны против СССР. Характерно, когдаининдел Залевский заявил, что Польша не хочет войны против СССР, Дмовский принял это заявление, как чистую монету.

Эндеки, являющиеся по существу партией буржуазии (хотя в лагере последней после фашистского переворота произошла серьезная перегруппировка: основная часть крупной буржуазии перешла от эндеков в лагерь Пилсудского) и защищающие ее интересы, являются не меньшими фашистами и империалистами, чем пилсудчики. Они не имеют своей отдельной программы, отличной от программы крупной буржуазии. Отрицательное отношение их к «федералистической» политике Пилсудского и к расчленению старой России (они за старую, нерасчлененную Россию, с некоторыми только коррективами) по существу не меняет дела. По их мнению, старая, нерасчлененная Россия должна дать возможности польской промышленной экспансии. Но они, защищая свои групповые интересы, опираются, главным образом, на среднюю и мелкую буржуазию и демагогически используют ее недовольство в борьбе с диктатурой пилсудчиков. Этим в значительной степени и об'ясняются выступления Дмовского против войны с СССР, усиленная подготовка к которой вызывает сейчас, в момент острого экономического кризиса, отрицательное отношение этих слоев буржуазии.

«Пацифизм» же польских представителей крупного капитала идет не дальше «пацифизма» английских, французских и других империалистов. Это становится тем более ясным, если принять во внимание огромную зависимость польского крупного капитала от заграничного. По далеко неполным данным, удельный вес различных групп в польской промышленности представляется следующим образом: в угольной — 43% принадлежит германскому капиталу; 38% французскому и только 18% польскому; в металлургии в Верхней Силезии в 1928 г.— 48% принадлежало германскому капиталу, 20% французскому и бельгийскому, 20% — австрийскому и чехо-словацкому и только 12%—польскому; в нефтяной промышленности в 1926 г. французскому капиталу принадлежало 33%, швейцарскому—15%, австрийскому—13%, американскому—7%, английскому—4,4%, польскому—6%. В общем, в руках иностранного капитала находится 88% металлургии, более 80% угольной промышленности и 94% нефтяной. Под влиянием французско-германского стального картеля в 1927 г. находилось около 46% всей польской железной промышленности. Некоторые банки также находятся в руках иностранного капитала. Так, например, Гарриман купил торговый банк, французскому капиталу принадлежит промышленный банк и т. д. В последнее время увеличились вложения американского капитала. В Польше постоянно находится американский «советник».

Вот этим в значительной степени об'ясняется роль Польши в качестве коммивояжера западного империализма в борьбе против СССР, о которой так красноречиво писал Дмовский. Поэтому вместе с активизацией мирового империализма против СССР неизбежно должна была усилиться подготовка к войне и в Польше и во всех прибалтийских странах, переживающих не менее острый кризис, чем Польша, и не менее зависящих от иностранного капитала.

Кто имеет экономические высоты, тот фактически и политически господствует. Иностранный капитал и в лимитрофах в значительной степени обладает этими высотами и диктует им свою волю. Этим об'ясняется, прежде всего, их отношение к СССР. Совершенно очевидно, что лимитрофы немало выигрывают от экономических связей с СССР. При более тесных связях они могли бы гораздо больше выиграть. Однако, мировым империалистам невыгодна эта связь и поэтому они всячески мешают ее укреплению. Всем еще памятно, какую огромную кампанию повели, в первую очередь, английские империалисты против заключения Латвией торгового договора с СССР в 1927 г. При помощи английских империалистов был совершен в Литве в конце 1926 г. фашистский переворот, одной из важнейших задач которого было ускорение создания единого фронта против СССР и аннулирование пакта о ненападении, заключенного в 1926 г. народнико-социал-демократическим правительством Литвы с СССР.

При активизации агрессивной политики английских, французских и пр. империалистов против СССР всегда усиливался поход против него и в зависимых от них лимитрофах. В связи с агрессивностью английских твердолобых против СССР в 1927 г. особенно ярко проявилась политика враждебности к нему со стороны Эстонии, где все буржуазные партии, включая и социал-фашистов, находятся под влиянием английского капитала. Как бы ни сменялись там правительства, фактическими правителями Эстонии являются явные фашисты-банкиры: генерал Лайдонер (быв. главнокомандующий) и Пятс, явные агенты английского империализма и ярые враги СССР. Этим об'ясняется и тесная дружба Эстонии с Польшей. Советская печать много раз отмечала влияние, которое английская и польская политика имеет в Эстонии, и ту услужливость, с которой Эстония выполняет в Прибалтике ряд английских и польских заданий. Так было по отношению к польско-литовскому вопросу, также было и по отношению к вопросу о советско-латвийском торговом договоре, который все же не удалось сорвать об'единенными усилиями Англии,

Польши и Эстонии; так это и по отношению к созданию прибалтийского союза под гегемонией Польши, явно направленного против СССР и т. д. Недаром Эстония пользуется особым покровительством Лиги Наций, которая в тягчайшие годы ее существования дала ей заем в 1.350 тыс. фунтов стерлингов, реализованный в Англии. В последний год, когда агрессивность мирового империализма особенно усилилась, опять усилилась и активность Эстонии, направленная против СССР. Выражением этой активности была и состоявшаяся в начале этого года поездка председателя министров Эстонии Штрандмана в Польшу, имевшая, несомненно, политический характер. Генерал Лайдонер, давая комментарии этой поездке, прямо сказал, что «будущее Восточной Европы неизвестно» и что поэтому «необходимо сотрудничество Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши».

> «Поездка Штрандмана — сказал Лайдонер — не новая ориентация, а лишь продолжение прежней эстонской ориентации. Польша — самое большое и сильное из лимитрофных государств, и с ней надо искать сотрудничества, ибо сотрудничество с Польшей во время войны будет возможно лишь в том случае, если оно существует и в мирное время».

Это откровенное признание Лайдонера явно свидетельствует об агрессивном характере польско-эстонского сотрудничества, направленного против СССР, хотя тогда же эстонский министр иностранных дел Латик признал, что никакой опасности со стороны СССР нет. Немногочисленные голоса эстонской буржуазии, направленные против вовлечения прибалтийских стран в фарватер политики империалистических государств и польских военных авантюр, тонут в общем потоке враждебных СССР голосов. Внесет ли какое-либо существенное изменение в этом отношении эстонская хозяйственная делегация, возвратившись из СССР, приходится весьма сомневаться.

Финляндия в последние годы также пользуется большим вниманием воинствующих империалистов и Лиги Наций. Она тоже все более активизирует свою антисоветскую политику. О военных приготовлениях ее говорит, между прочим, известный проект, внесенный представителем Финляндии в Лигу Наций, относительно предоставления финансовой помощи «государствам, подвергшимся нападению», а также постройка стратегических железных и шоссейных дорог, заводов военной промышленности, подводных лодок, активизация карельского вопроса и т. п. Учащающиеся поездки финских офицеров в Польшу, Латвию и Эстонию и, наконец, поездка в Варшаву начальника финского генерального штаба Валлениуса и торжественный его прием там преследуют, конечно, определенные военные антисоветские цели. В конце прошлого года в Швеции состоялась при активном участии Финляндии финско-скандинавская антисоветская конференция. При этом необходимо отметить весьма усилившуюся за последний год активность в Прибалтике молодого шведского империализма. Он ставит перед собой «скромную» задачу — «оборону» Балтийского моря и «защиту» соседних с СССР маленьких государств, «имеющих много общих со Швецией интересов». В крупнейших финских и шведских газетах появились статьи о проблеме «обороны» Балтийского моря. В этих статьях выражается надежда, что государства, заинтересованные в поддержании существующего положения у «русской границы, об'единятся в этом важном для скандинавских и балтийских государств вопросе». Финский министр Вестман стоит за то, чтобы Финляндия, скандинавские и балтийские государства «сообща решили проблему обороны и пришли бы к соглашению насчет ясной формулировки санкций, предусмотренных уставом Лиги Наций». В то же время приблизительно в «Чикагской трибуне» появилась статья под названием «Прибалтийские государства и Советская Россия», где, на основании «манчжурского опыта», рекомендуется прибалтийским государствам, создавшимся на территории бывшей России, создать союз с привлечением Швеции и Польши.

Относительно латвийского генерального штаба известно, что он полностью находится под руководством французских и польских офицеров. Французские офицеры проводят реорганизацию латвийской армии. Эта реорганизация должна привести к увеличению технических кадров и воздушных сил. 3-е отделение латвийского генерального штаба, которое ведет информационную работу, представляет собой подотдел французского генерального штаба и отчасти польского. По сообщению «Крейц Цейтунг», между Польшей и Латвией существует тайный договор, заключенный по настоянию Франции и Англии, согласно которому поляки занимают в самом начале военных действий против СССР железнодорожный узел Двинск и всю Латгалию, которую польские штабные офицеры в настоящее время усердно изучают. Это разоблачение косвенно подтверждает и заявление начальника латвийского ген. штаба Калейса, который сказал, что в случае войны Польши и «возможно также Эстонии» против СССР «Латвия не может не реагировать на этот факт»; еще яснее было заявление бывш. начальника ген. штаба известного фашиста генерала Радзиньша, который в своем интервью прямо сказал, что в случае польско-советской войны Латвия должна выступить на стороне Польши. Правда, правительство Латвии постаралось «раз'яснить» и замять сообщение Радзиньша. Однако, не может подлежать сомнению, что Радзиньш разоблачил только то, о чем знает в Латвии каждый генерал. И, хотя некоторые слои латвийской буржуазии заинтересованы в поддержании мирных отношений с СССР, все же неправильно было бы сказать, что только кучка латвийских белогвардейских генералов, служивших раньше в армиях Колчака, Деникина и пр., являются сторонниками военной авантюры против СССР. Нельзя согласиться с тем, что якобы генеральские штабы в прибалтийских государствах представляют собой государство в государстве и якобы латвийская, эстонская и финская военщина ведет самостоятельную политику, направленную против СССР. Не подлежит сомнению, что эстонский и латвийский генеральные штабы не могли без санкции своих правительств заключить с польским генштабом военое соглашение против СССР. А о факте такого соглашения в последнее время говорится совершенно открыто. Не подлежит сомнению, что за плечами этих генштабов и генералов стоят настоящие вершители судеб капиталистического мира—империалисты великих держав и классовые враги СССР в самих лимитрофах.

Исключение из общего правила, как-будто, представляет Литва, которая до сих пор еще не пошла на соглашение с Польшей и не хочет присоединиться к прибалтийскому блоку под гегемонией Польши. Противоречия между Литвой и Польшей продолжают существовать. Империалисты толкают и Литву на соглашение с Польшей и создание единого фронта против СССР. Смена, осенью прошлого года, Вольдемараса была связана, прежде всего, с давлением империалистов в сторону сближения Литвы с Польшей. В Литве в последнее время мы тоже имеем несомненное усиление травли и клеветы против СССР и новые попытки договориться с Польшей. Однако, литовское фашистское правительство все еще удерживается от окончательной капитуляции перед Польшей.

Тема нашей статьи не обнимает Румынии. Однако, говоря об активизации Польши и лимитрофов против СССР, нельзя обойти молчанием Румынию, которая играет весьма большую роль в антисоветском блоке. Всем известна польско-румынская военная конвенция, заключенная в мае 1926 г. и направленная своим острием против СССР. Поездки французских генералов в Польшу и Румынию, а также взаимные визиты польских и румынских генералов происходят у всех на виду. Приход к власти в Румынии, также переживающей острый экономический кризис, нового короля (по инициативе Франции) и полная фашизация ее означают, прежде всего, усиление подготовки войны против СССР.

Несомненно, под давлением воинствующих империалистов Запада усиленным темпом идет создание единого антисоветского фронта от Ледовитого океана до Черного моря под гегемонией Польши.

Обострение классовых противоречий и рост активности масс.

Усиление антисоветских тенденций в лимитрофах, как и в Польше, об'ясняется не только давлением на них империалистов, но и классовыми интересами самой буржуазии лимитрофов.

Буржуазия лимитрофов лихорадочно ищет выхода из все обостряющегося кризиса; но в конечном счете она находит его только в еще большем усилении эксплоатации трудящихся масс и понижении их жизненного уровня, в лишении всех прежних завоеваний рабочего класса и беднейшего крестьянства, в увеличении налогового гнета, в свирепой реакции и фашизме, в подавлении всякого революционного движения, наконец, в еще большем закабалении иностранному капиталу. Рабочий класс лимитрофов уже и раньше находился в чрезвычайно тяжелом положении. В Латвии до 1926 г. мы видим некоторое повышение реальной заработной платы промышленных рабочих, но никогда она не достигала довоенного уровня—в лучшее время она достигла 69% довоенного уровня. С 1927 г. она начинает понижаться и достигла в среднем 65% довоенной реальной зарплаты, а сейчас—только 50%. Еще хуже положение сел.-хоз. рабочих. По официальным данным, зарплата батрака в год равнялась в 1926 г.—569 латам, в 1927 г.—563 л., 1928 г.—542 л., 1929 г.—498 л. В этом году в связи с аграрным кризисом зарплата их еще больше понижена. Латвийские аграрии утверждают, что продукция 1 клгр. масла в Дании стоит 16 сантимов, а в Латвии—60 сант., значит, для того, чтобы латвийское масло могло конкурировать на мировом рынке обязательно нужно сократить издержки производства и, в первую очередь, зарплату рабочих. И, действительно, везде предприниматели стараются сократить зарплату, удлинить рабочий день, ухудшить страхование рабочих на случай болезни, разгромить революционные профсоюзы и пр.

Еще ниже, чем в Латвии, зарплата в Эстонии и Литве. Относительно положения ревельского рабочего даже Бюро Труда при Лиге Наций говорит, что он является самым бедным в Европе.

Чрезвычайно ухудшилось также положение беднейших крестьян. Вот какие жалобы раздавались в марте. с. г. в Литве даже на заседании фашистской сельскохозяйственной палаты из уст представителей с мест: везде огромная задолженность крестьян, продажа с молотка их имущества, банкротства, растущие в то же время хлебные излишки, недостаток в рынках сбыта, недостаток в деньгах и т. п. Газеты все чаще пишут о несчастии от хорошего урожая, а рабочие и деревенская беднота голодают. Крестьяне не в состоянии уплачивать налоги. Задолженность чрезвычайно растет. Ростовщики берут у крестьян грабительские проценты (до 72%) за мелкие ссуды и т. д. Массы крестьянства разоряются. Идет несомненная пауперизация деревни. Вследствие слабости местной промышленности некуда деться излишним рабочим рукам. Получается большое перенаселение деревни, усиливается эмиграция (из Литвы в 1929 г. эмигрировало 16 тыс. чел.).

В Латвии, Эстонии и Финляндии положение крестьянской бедноты и середняков не лучше, особенно в местностях, которые были постигнуты неурожаем 1928 г.

Все это приводит к чрезвычайному обострению классовых противоречий, вызывает все больший рост недовольства в рабочих и трудящихся крестьянских массах. Растет, хотя и неравномерно, их активность, идет полевение масс. Особенно большое полевение масс и рост активности мы имеем в Финляндии и Латвии. Рабочие там, как и в Польше, начали переходить в

контрнаступление. Еще в 1928 г. состоялась в Финляндии забастовка портовых рабочих, продолжавшаяся 9 месяцев; произошел и ряд других боевых забастовок. Но особенно важно отметить революционные выступления финских рабочих под руководством компартии 1 августа, 7 ноября, политическую забастовку 16 ноября 1929 г. в связи с голодовкой политзаключенных (несмотря на наличие боевого настроения у рабочих, из-за слабой организационной подготовки забастовки, она не удалась), наконец, 6 марта и 1 мая. Рабочие бастуют и демонстрируют вопреки запрещению властей. Растет активность левых профсоюзов, идет решительная борьба с социал-фашистами и проч.

В Латвии уже в 1928 г. мы имеем большое оживление, выразившееся в широких экономических стачках, переросших в политические забастовки и массовые демонстрации 22 августа 1928 г. и 18 октября 1929 г., в большой активности масс при выборах в сейм и проч. Несомненный рост влияния компартии, хотя везде сильно отстает организационное закрепление этого влияния. Даже в Эстонии и фашистской Литве, при ее незначительном пролетариате, за последние два года мы замечаем рост активности рабочего класса, увеличение числа забастовок, демонстраций и пр. Никакие преследования не могут искоренить компартии.

На этой почве—*на почве глубокого экономического кризиса в лимитрофах и мощного социалистического роста СССР, на почве чрезвычайного обострения в лимитрофах классовых противоречий, полевения и роста активности трудящихся масс и роста влияния компартий усиливается политическая неустойчивость лимитрофов, идет чрезвычайный рост в них фашистских тенденций и бешеное озлобление буржуазии по отношению к СССР.* Особенный рост фашистских элементов мы видим в последнее время в Финляндии и Латвии [1]). В Эстонии они окрепли еще после декабрьского восстания 1924 г. В Литве сменен председатель правительства, но фашистский режим и террор остались в полной силе.

Буржуазия лимитрофов, несмотря на свою частичную заинтересованность в советских рынках, присоединила и свой голос к общему хору лжи, клеветы и травли СССР.

Война против СССР — вот лозунг, который все больше выдвигает буржуазия лимитрофов, как «радикальное» средство для выхода из кризиса и для предотвращения назревающей пролетарской революции.

Несомненно, существуют как внутренние, так и внешние противоречия, мешающие империалистам создать единый фронт против СССР. Эти противоречия до сих пор не преодолены. В связи с углублением мирового экономического кризиса и все большим загниванием капиталистической стабилизации они еще более усиливаются. Это мешает всему капиталистическому миру выступить единым фронтом против СССР. В отдельных странах, в том числе и в лимитрофах, также имеются внутренние противоречия; часть буржуазии предпочитает на данной стадии не воевать против СССР, а торговать с ним. Вооруженное выступление лимитрофов против СССР подвергает серьезной

---

[1]) Уже была набрана статья, когда фашистский переворот в Финляндии оказался совершившимся фактом. Он произошел по австрийскому образцу—«мирным», «законным» путем при поддержке всех буржуазных партий и фактическом содействии социал-фашистов, под гегемонией партии крупного капитала, т. н. коалиционной партии. Компартия Финляндии, несмотря на свое большое влияние в рабочих массах, не сумела развить достаточной активности в борьбе против фашизма. Установление фашистской диктатуры в Финляндии, проведенное, несомненно, при активном участии английских империалистов, имеет одной из основных задач завершение создания единого фашистского фронта против СССР. По примеру Финляндии сейчас уже и в Латвии готовится фашистский «крестьянский поход» на Ригу.

угрозе самое их существование. Сознание этого не может не вносить разноголосиц и в лимитрофах. Однако, антисоветские тенденции буржуазии во всех них все более проявляются и активизируются.

С другой стороны, в широких трудящихся массах Польши и лимитрофов, несмотря на всю клевету буржуазных и социал-фашистских газет, растут симпатии к СССР, который, несмотря на все трудности, гигантскими шагами строит социализм, успешно проводит индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Широкие трудящиеся массы все больше начинают понимать, что только свержение существующего строя может дать им выход из ужасной нужды и нищеты, экономического и политического рабства и национального угнетения.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„На плановом фронте" к XVI с'езду ВКП(б).

В своем известном выступлении на конференции аграрников-марксистов и в других выступлениях тов. Сталин наметил целый ряд важнейших экономических проблем социалистического строительства, требующих скорейшей теоретической разработки. От экономических журналов, приуроченных к XVI с'езду ВКП(б), необходимо, поэтому, потребовать солидную теоретическую продукцию в этой области. С этой точки зрения мы и хотим разобрать с'ездовские номера журнала «На плановом фронте» [1]).

Положительной стороной этих номеров является то обстоятельство, что в них приведено довольно много цифрового материала и фактов, показывающих ход выполнения пятилетки, подтверждающих правильность генеральной линии партии и бьющих как по правому, так и по «левому» оппортунизму. Ценным также является наличие обзора экономического состояния ряда республик и районов к XVI с'езду партии. Однако, наряду с этими положительными моментами есть ряд недостатков.

При разработке экономических проблем наблюдаются две неправильных установки, или две крайности: первая состоит в абстрактно-схематическом рассмотрении проблемы, оторванном от конкретного материала и живой действительности и вырождающемся в схоластические словопрения (примеры экономической дискуссии в ИКП и дискуссии «О новом этапе» в Комакадемии).

Другая же неправильная установка или крайность противоположного свойства состоит в следующем: хотя изучение проблемы и строится на конкретном материале, но оно носит сугубо эмпирический характер, без какой бы то ни было попытки углубленного теоретического анализа. При подобном изучении делаются лишь небольшие обобщения, непосредственно вытекающие из приводимых данных: это наиболее легкий путь, ибо здесь берется то, что лежит на поверхности. Не приходится преодолевать большой работы по сопоставлению и обработке данных и их исследованию. Но это есть путь наименее желательный, ибо в этом случае ряд важнейших проблем советской экономики остается без теоретической разработки, а частные проблемы не рассматриваются на базе общих узловых проблем; между тем только на этой основе, как известно, и может быть дана правильная перспектива и правильно решена любая проблема.

В журнале «На плановом фронте» мы имеем дело с крайностью второго рода. Даже в его с'ездовских номерах чрезвычайно мало внимания уделено углубленной теоретической разработке проблем нового этапа социалистического строительства. Почти единственным исключением является статья тов. Маймина «Город и деревня на путях к социализму», где делается серьезная попытка анализа проблемы «ножниц» на новом этапе. Подавляющее же большинство статей носит на себе отпечаток узко-эмпирического подхода к проблемам. Правда, «На плановом фронте» не является специально-теоретическим журналом и к нему нельзя пред'являть в деле теоретического анализа советской экономики таких требований, какие можно пред'явить к теоретическому органу. Но, с другой стороны, надо решительно покончить с вредным предрассудком, будто журнал с целевой установкой на освещение очередных практических задач хозяйственного строительства может ограничиться голой эмпирикой и изгнать со своих страниц углубленный теоретический

[1]) № 9—10 и 11 за 1930 г

анализ этих практических задач. К примеру скажем, что та же самая статья С. Кузнецова: «О реконструкции транспорта», преподнесенная в сугубо-практическом виде, много выиграла бы в смысле глубины, если бы задача реконструкции транспорта была теоретически увязана с узловыми проблемами советской экономики: проблемой ножниц (как реконструкция транспорта влияет на «ножницы»), проблемой темпов индустриализации страны и т. д.

Таким образом, общий недостаток журнала состоит в недооценке теории и чрезмерном увлечении эмпирикой. Этот недостаток особенно остро ощущается в с'ездовских номерах, которые, к сожалению, мало отличаются от обычных номеров журнала.

Журнал известил своих читателей, что он «будет широко освещать основные текущие проблемы планирования и социалистического строительства СССР, ведя решительную борьбу с мелкобуржуазными течениями и оппортунистическими в области планирования и социально-экономической мысли..., будет разрабатывать актуальные вопросы генерального плана, будет освещать коренные вопросы социалистической реконструкции народного хозяйства» и т. д. Однако, в с'ездовских номерах журнала, наряду с наличием статей непервостепенного значения, не нашлось вовсе места для ряда центральных проблем. Проблема генерального плана; проблема того нового, что мы имеем в планировании на данном этапе; проблема реорганизации промышленности; кредитная реформа; проблема технической реконструкции хозяйства; характеристика буржуазного и мелкобуржуазного фронта в области экономики; развернутая характеристика экономической платформы как правого, так и «левого» оппортунизма и т. д. Все эти вопросы не только не освещены в самостоятельных статьях, но даже не «вкраплены» в другие статьи. Существенным недостатком, например, статьи В. Левина: «За выполнение пятилетки в 4 года» — статьи в целом обстоятельной по приведенному материалу, — является отсутствие анализа новых моментов, характеризующих планирование на данном этапе социалистического строительства. А эти новые моменты состоят в громадном возрастании силы планирования на базе роста обобществленного сектора и сужения поля деятельности стихии; новое в планировании заключается в доведении плана до каждого предприятия, цеха, низовой единицы. Это придает планированию большую крепость, реальность, мобилизует вокруг плана активность широких масс и является добавочной силой в борьбе за осуществление пятилетки в четыре года. Факт установления большей реальности плана начинает стирать грани между плановой и оперативной работой. Наконец, жизнь требует составления генерального плана, ибо гигантские об'екты строительства не укладываются уже в рамки пятилетки.

Другим недостатком статьи является игнорирование проблемы реорганизации управления промышленностью; между тем, последняя должна сыграть немаловажную роль в деле выполнения пятилетки в 4 года. В восстановительный период мы имели в промышленности разделение плановых и оперативных функций и, с другой стороны, слабую децентрализацию хозяйственных функций. В 1926/27 г. и особенно в 1928/29 г. была проведена некоторая реформа в смысле расширения самостоятельности предприятий и проложения новых путей (трест, синдикат, кооперация), но над промышленностью продолжали еще по инерции сильно тяготеть традиции восстановительного периода. Данный этап социалистического строительства, базирующийся на технической реконструкции, резко выпятил задачу технического руководства. Реорганизация управления промышленностью, состоящая в слиянии системы главков ВСНХ и системы синдикатов в единые об'единения, которые должны заниматься планированием производства и товарооборота, руководством финансовой и коммерческой деятельностью и, наконец, техническим руководством; состоящая, далее, в создании из ВСНХ штаба технического и планово-экономического руководства, — эта реорганизация целиком соответствует нуждам социалистического строительства на данном этапе и является одним из добавочных рычагов в деле форсирования последнего. Вот почему игнорирование нового в планировании, игнорирование реорганизации управления промышленностью не может дать полной картины резервов, обеспечивающих осуществление пятилетки в 4 года.

Ряд крупных пробелов имеется и в других статьях.

В статье тов. Маймина нет анализа того нового, что мы имеем в проблеме диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и что знаменует начало решительного смягчения двухсторонней диспропорции. Наконец, нет анализа трансформации рыночных отношений на данном этапе, в частности, совершенно выпала контрактация, изучение которой может дать ряд важнейших теоретических обобщений.

В статье С. Губермана: «Хозяйственный план в действии» выпала проблема электрификации, между тем, она должна быть становым хребтом общехозяйственного плана. Э. Бронштейн в статье «Изживание безработицы и проблема труда в СССР» ухитряется совершенно обойти вопрос о влиянии 7-часового рабочего дня и непрерывки на изживание безработицы. Недочетом статьи М. Голендо: «Первые шаги весеннего сева» является отсутствие анализа классовой топографии сева; кроме того, в статье не подчеркнута опасность слабого участия индивидуальных хозяйств в севе и необходимость ликвидировать этот прорыв. В статье О. Шмидта о плане подготовки кадров специалистов совершенно отсутствует анализ результатов реформы высшей школы. Эта статья замалчивает факт громадного запоздания пятилетки научных кадров, которое тормозит дело социалистического строительства.

В статье Л. Сабсовича: «Социалистические резервы и плановый реализм» автор отмечает ряд резервов, открывающих широкие возможности для бурного развития советского хозяйства, и справедливо подвергает критике тот «уклон» в планировании, который под флагом «реализма» проявляет консерватизм и переносит отношения прошлых лет на будущее, тормозя наше развитие и, следовательно, играя в руку врагам. Однако, тов. Сабсович должен был бы упомянуть еще об одном «уклоне» планирования, когда люди пытаются создать генеральный план путем лишь одной голой экстраполяции, путем статистических и математических упражнений, без какой бы то ни было живой конкретизации плана. Несмотря на то, что первый «уклон», исходя из прошлого, проектирует черепашьи темпы нашего развития, а второй «уклон», исходя из бурных темпов последнего времени, проектирует гигантские темпы развития — оба эти уклона близки друг к другу, ибо имеют одну и ту же неправильную методологическую основу: метод экстраполяции, приводящий нередко просто к цифровым эскизам, без учета качественных моментов в планировании, без строгого и глубокого анализа основных линий нашего развития. О втором «уклоне» тов. Сабсовичу следовало бы упомянуть, тем более, что он сам в своих работах «грешит» по части этого уклона.

Наконец, в журнале имеются и отдельные неправильные и сомнительные формулировки. Так, например, в статье Маймина сказано:

> «Для примера укажем, что в тех пунктах, где в результате свободного товарооборота и стихийной игры крестьянин—частный производитель или скупщик—выручает на высоких ценах (в 2 и больше раза превышающих обычно плановые цены) излишние денежные ресурсы, вовсе не обязательно оставлять промышленные цены на уровне средних отпускных цен. В этой части рынка вполне целесообразно начать осуществлять в плановом порядке политику повышенных цен на промтовары и только ,разумеется, в тех пределах, в которых общим планом намечено товарное снабжение отдельных слоев крестьянства. Точно так же не исключена возможность диференцированной политики сельскохозяйственных цен в районах сплошной коллективизации по мере действительных успехов колхозов в области снижения себестоимости продукции. Следовательно, на нынешнем этапе проблема «ножниц» перерастает, с одной стороны, в политику классовых цен на тех участках рынка, где еще продолжает развиваться свободный товарооборот, а с другой,—в проблему плановой себестоимости для тех с.-х. районов, которые развиваются на путях сплошной коллективизации» (стр. 26).

Прежде всего, никакого свободного оборота и стихийной игры цен, что характеризует буржуазные страны, у нас нет. Из факта, что на частном рынке цены бывают иной раз гораздо выше кооперативных (или плановых), нельзя еще делать вывода, что мы тут имеем стихийную игру цен, как при капитализме. Ибо выступление на рынке государственных и кооперативных организаций, сосредоточивающих в своих руках подавляющую часть товарооборота; государственное регулирование рынка, налоговый нажим на частника и т. д., — все эти факторы решительно ограничивают «стихийную игру цен».

Последняя фраза из цитированного отрывка дает повод относить всю часть деревни, где нет еще сплошной коллективизации, к сфере свободного товарооборота.

Правильно утверждение автора о необходимости учесть классовый момент в политике цен, о необходимости известной диференциации цен в зависимости от конкретных условий и т. д. Однако, в приведенной цитате есть неясное место, допускающее такое толкование, что любому крестьянину, не сдающему свою продукцию по плановым ценам, мы должны отпускать промышленные товары по повышенным ценам. В этом случае был бы нанесен удар по середняку, что привело бы к отрицательным экономическим и политическим последствиям.

* * *

В общем, несмотря на наличие отдельных интересных статей, с'ездовские номера «На плановом фронте» свидетельствуют, что журналу следует больше насыщать теоретическим содержанием освещение основных практических проблем социалистического строительства. Ибо без этого нельзя дать отчетливой перспективы плановикам и хозяйственникам, которых, в первую очередь, должен воспитывать журнал и поднимать эти кадры к самостоятельной творческой работе в деле построения и осуществления плана.

М. РЫЛЬСКИЙ.

ПОПРАВКИ.

По техническому недосмотру в статье тов. Борилина «Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа», помещенной в № 10 «Большевика», допущены следующие ошибки:

На стр. 146 указано, что приведенные цитаты из Ленина по вопросу о коллективизации взяты из брошюры «Государство и революция». Означенные цитаты взяты в действительности из брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

На стр. 148 примечание 3-е начинается с ковычек, между тем, ковычки здесь должны отсутствовать.

На стр. 154 сказано: «При этом нельзя думать, что то, что сделано промышленностью в отношении сельского хозяйства настолько достаточно, что дальше все пойдет своим чередом, «самолетом».

Вместо слова «самолетом» нужно читать «самотеком».

На стр. 159 сказано: это «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности колхозного сектора, должны быть нормированы и вмешательством государства». Нужно читать: «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности. При этом отношения товарности колхозного сектора должны быть нормированы и вмешательством государства».

РЕДАКЦИЯ.

Главлит № А—54849. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 14 31 ИЮЛЯ № 14

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“